

И.К. Голещихин

***Эхо уходящих
голосов***

Томск, 2019

ББК 84(2р)6
Г60

Голещихин И.К.
Г60 Эхо уходящих голосов. – Томск: Изд-во «Иван Федоров»,
2019. – 202 с.

ISBN 978-5-91701-137-0

С Божией помощью и всё просвещающим Его Духом хочу я рассказать о том, что надолго запало в сердце. С самого раннего детства до преклонного возраста храню в памяти непопорочные чистые образы своих предков и земляков. Как из сокровенного сосуда, из девственной природы черпали они силы и омывали свои светлые души. Дай, Господи, нам, потомкам их, незыблемую память о давно ушедших в вечность последних носителях земного рая. Читайте строки эти, написанные в простоте, с глубоким размышлением. Будьте счастливы и братолюбивы. Живите долго и непорочно.

От автора

ББК 84(2р)6

Дизайн обложки: И.В. Бобяков

© И.К. Голещихин, 2019

Голещихин Иван Константинович

Первая охота

– Свой первый заработок я получил в раннем возрасте...

– А сколько же Вам тогда было лет? – уточняет мой молодой собеседник.

Немного задумываюсь.

– Да как тебе сказать? Лет шесть ...

– Да ну! – смотрит он изумлённо и, зная тебя как человека, избегающего всякой неправды, просит:

– Дядя Ваня, расскажи, дай удостовериться!

Сидел я на лавочке, против солнышка, готового скрыться за горизонтом, задумался над этим простым и непростым вопросом, который задал мне пытливый мой собеседник, задумался над прошедшей жизнью, скрытой многими десятилетиями.

Пришло на память сибирское лето 1945 года. Мама говорила, что осенью я пойду в школу, а денег, чтобы справить новые штаны для меня, просто нет. Что же делать? Жаркий август был в разгаре. У меня, шестилетнего тогда ребёнка, созрел в голове самый настоящий план заправдешной охоты. Захотелось мне поставить заряженный капкан, чтобы поймать на нашем огороде земляного крота. Такой охотой занимались ребята постарше. Видел я, как они это делали, захотелось и мне попытать охотничью удачу.

Заприметил я на нашем огороде кротовую земляную норку. Теперь нужно было зарядить капкан, по-охотничьи значит «насторожить» его, привести в боевое состояние.

Хотя капкан я выбрал самого маленького размера, но у меня не хватило силёнок справиться с ним. Пошёл я за помощью к соседскому мальчишке, который был годами постарше меня. Тот быстро решил эту трудную для меня задачу.

Очень осторожно, держа перед собой приведённый в боевое состояние капкан, возвратился я на место охоты и поставил его у входа в норку, где жил крот. Как заправский охотник, я искусно замаскировал ловушку. Ведь не напрасно же я приглядывался к тому, как готовились в тайгу бывалые промысловики, прислушивался к их рассказам о хитростях и секретах охоты.

И удача улыбнулась мне. Наловил я за месяц зверьков много. Кротовые шкурки я выделал, как и положено. Потом эту «пушнину» мама унесла охотзаготовителю. Тот отсчитал за шкурки положенные деньги, их было мало, но достаточно для покупки сатиновой ткани на новые штаны и рубашку.

Потом мама засела за швейную машинку Подольского завода, приобретённую ещё до войны нашим отцом, охотником-промысловиком, и сшила-таки мне обнову к школе. Правда, за неимением ниток нужного цвета на тёмных брюках и рубашке были белые швы. Но на это никто не обращал внимания. Это было не главное. Важно было то, что шестилетний мальчик своим трудом заработал себе на школьную одежду! До сих пор помню, какой радостью были наполнены глаза мамы и моих сестёр, когда я красовался перед ними в новых сатиновых штанах и рубашке!

Лукерья с берега Тыма

Судьба щедро одарила меня удивительными встречами. И вот опять неожиданный подарок – я познакомился с землячкой, уроженкой остяцкой деревеньки Нюль-Ядрово, что располагалась на берегу дорогой моему сердцу реки Тым. Вот сидит передо мной собеседница, моя ровесница, женщина удивительной судьбы.

Людмила Васильевна, так зовут мою землячку – маленькая росточком, сухонькая женщина, не растерявшая с годами миловидности лица и необычайной выразительности глаз. Во всех движениях её тела, жестах и даже речи я сразу отмечаю характерные признаки, свойственные издревле живущим в Сибири остякам, с которыми я знаком с детства. И от того мне вдвойне радостно общаться с моей новой и, уже кажется, старой знакомой.

Мы рассматриваем старые фотографии, рассыпанные веером на столе, и я отмечаю, какой необыкновенной красавицей была в молодости моя собеседница. Спрашиваю:

– А кем были Ваши родители, Людмила Васильевна?

– Отец мой, Василий Александрович Лимонов, русский по происхождению, жил в Парабельском районе. После окончания педагогических курсов был направлен в деревню Нюль-Ядрово учителем русского языка и литературы. В те времена население сибирских деревень было сплошь безграмотным. Время шло. Новые места скоро стали родными для молодого учителя. Он нашёл общий язык с односельчанами, пользовался уважением и у детей, и у взрослых.

Повстречал он в далёкой глухой деревеньке и своё личное счастье. Заприметил Василий Александрович юную красавицу, представительницу старинного остяцкого рода, Лушу Пыршину. Приглянулись они друг другу, стали встречаться и вскоре поженились. Так появилась новая семья, где родилась впоследствии Людмила Васильевна.

Мама её, Лукерья Степановна, как показала жизнь, и как вспоминает моя собеседница, оказалась хозяйкой работающей, сноровистой. Всеми, что умели делать её родители, она была обучена. Сородичи её испокон веков занимались охотничьим промыслом, сбором даров природы, ловлей рыбы. Традиции и секреты в этом нелёгком деле передавались из рода в род. Сама жизнь, с её постоянными трудностями и каждодневными заботами, диктовала иметь особые умения и учиться у старших особой сибирской хватке, смекалке и неиссякаемому трудолюбию. Всё, что передавали Лукерье родители, бабушки и дедушки, пригодилось. И на охоте, и на рыбалке, и в умении шить одежду, и в приготовлении и хранении пищи – везде проявлялся многовековой опыт её народа, его природная мудрость. Всё ладилось в руках смышлёной потомственной тымской остячки Лукерьи.

В зимнее время она, как охотник-промысловик, выходила на лыжах с ружьем на охоту. Каждый день исхаживала несколько десятков километров. Длилась такая охота не менее трёх недель, а то и месяц. Здесь и пригодились ей уроки сородичей, бывалых охотников, любивших своё дело и знавших тайгу, как свои пять пальцев. Много народных бытовых секретов знала молодая охотница. Секретов выживания в трудных условиях.

Во время зимней охоты Луше часто приходилось ночевать у костра. Как не замёрзнуть в тайге зимой? Она знала. Свалит, бывало, топором две полусухих лесины длиной по три метра и положит их друг на друга. Между этими обрубками кладёт две толстые палки, потом

разжигает огонь, и брёвнышки в костре быстро разгораются. Горят уложенные таким образом лесинки всю ночь, не тухнут.

При свете костра сама покусает и собак накормит. А потом принимается за работу. Молодая женщина ловко занималась выделыванием меховых шкур. Уроки отца не пропали даром! Хорошего качества выходили обработанные шкурки зверьков: соболей, горностаев, колонков. Под весёлый треск горящих веток ловко снимет шкурки с двух - трёх соболей, с полутора - двух десятков белок. А прежде чем уснуть, добавит в костёр веток пихты, которые постепенно тлеют всю ночь в костровище. Идёт от него живое тепло. Свернётся охотница калачиком и спит молодым здоровым сном часов пять. Ночь стоит морозная, лунная, безветренная, всё небо усыпано мерцающими звёздами, а ей тепло и спокойно у костра. Утром встанет, позавтракает, накормит собак, и снова в путь-дорогу.

Трудное это занятие – промысловая охота. Переняла молодая Лукерья от своих предков и умение поддерживать силы организма при длительных охотничьих переходах. Умела она правильно и быстро приготовить вкусную и здоровую пищу в походных условиях. В ход иной раз шло даже беличье мясо. Оно, оказывается, очень вкусное и калорийное. Был и ещё один семейный секрет. На охотничьих нартах хранился мешок, прикрытый дохой, с сухарями, приготовленными по специальному рецепту, который передавался в семье от матери к дочери. Были они необычайно вкусными и питательными, быстро придавали охотнику сил. Хранились такие сухари очень долго и почти не имели веса. Небольшую горсть этих сухариков охотники-остяки заваривали в чашке у костра и, съедая, быстро восстанавливали силы.

Умели сибирские аборигены так заготавливать продукты впрок, что их хватало на всю долгую зиму для всей семьи. Нашему современнику, избалованному

техническими бытовыми новинками, трудно поверить, что используя только особый способ засолки и сушки, можно надолго сохранить вкусовые свойства и свежесть лосиного мяса. Для молодой хозяйки, Лукерья Лимоновой, это было простым делом, знакомым с детства.

В начале мая таёжные жители заготавливали много лосятины. Сырое мясо нарезали ленточками, сантиметров в шесть - семь, слегка солили и развешивали под навес сушить. По бокам навес был открыт, а сверху защищён крышей из широких пластов бересты. Под такую крышу солнце не попадало и дождь не мочил. Лосиное мясо, высушенное таким образом, получалось необычайно вкусным и мягким. К тому же оно становилось очень лёгким, занимало мало места. Мясо целого крупного животного умещалось в два рюкзака. Вяленую лосятину охотники брали с собой в тайгу и питались ею во время отдыха у костра. Пара съеденных кусочков помогала быстро насытиться.

Очень любила охотница Лукерья после тяжёлого трудового дня пить таёжный чай, приготовленный на костре. В тайге в магазин за заваркой не сбегашь. Где же взять её? Но в лесу всё под рукой, если ты знающий и наблюдательный! Тут тебе и веточки малины, а чуть подальше – смородины, и оставшиеся на кустах ягоды шиповника. А уж чай из чаги – наипервейший напиток бывалых охотников. Чага растёт на берёзах. Это такой гриб, который образовался от повреждения дерева или по другой причине. Крепкий, коричневого цвета настой чаги – готовая заварка для чая. Выпьет Лукерья три - четыре кружки такого чая – разогреется всё тело, раскраснеется, аж крупные капли пота выступят на лице. Получит заряд бодрости во всём теле, а усталости – как не бывало! Вот тебе ещё один секрет от мудрых предков: тайга обувает, одевает, кормит и даже чаем напоит! Только знай и люби её.

А утром – снова в дорогу. Не теряя времени, несуетливо соберёт свои вещи, окликнет ласково верных собак. Они, запряженные в упряжку, весело тащат нарты. Продукты, взятые из дома, постепенно убывают, а заготовленная пушнина прибавляется. Впереди ещё один трудовой день. Рядом бежит лайка – специально обученная собака для охоты на мелкого зверька. Обнаруживая очередную добычу, она даёт сигнал, понятный хозяйке. Раздаётся негромкий выстрел. Ружье заряжено несколькими дробинками. Меткая охотница, чтобы не испортить шкурку, почти всегда попадает зверьку в глаз. Он, поражённый выстрелом, падает, а собака приносит добычу к ногам хозяйки. И так весь световой день: ходьба на лыжах по глубокому снегу, поиск зверьков, выстрелы, короткие передышки и снова движение вперёд. Вспоминались Лукерье Степановне в эти минуты слова её отца, бывшего и уважаемого промысловика: «Никому из сыновей не желаю быть охотником. Не простая это работа».

Но не привыкла пасовать перед трудностями сибирячка. Ведь примером для Лукерьи был не только отец, но и её мать, которая во время войны, была охотником-передовиком, занималась промыслом пушного зверька и, будучи уже в 93-хлетнем возрасте, занимала первые места в социалистическом соревновании. И Лукерья Степановна всю свою жизнь до преклонных лет проработала охотником-промысловиком.

А дома её ждали муж и шестеро детей. Дети у Лимоновых росли здоровыми, крепкими, много умеющими и приспособленными к любым условиям жизни. Со временем семья Василия Александровича и Лукерьи Степановны переехала из деревеньки Нюль-Ядрово в село Напас. В начале Великой Отечественной войны учитель оставил любимое занятие, семью и ушёл воевать. Бил фашистов, как и положено настоящему сибиряку, без

оглядки, добросовестно. В одном из боёв был тяжело ранен. После госпиталя Василий Александрович был комиссией списан из армии. Вернулся он домой, оклемался от ран и вновь приступил к работе в школе. Свою жену, Лукерью Степановну, обучил маломальской грамоте. Читала она сносно, с понятием.

Но её грамота была в другом. Своим детям Лукерья Степановна передавала науку чувствовать природу, читать её, как открытую книгу. Такое отношение к тому, что было вокруг, присутствовало у предков Лукерьи Степановны. Каждое новый день начинали они с восходом солнца и, выходя из своего жилища, делали шаг в большую бесконечную горницу-природу. В светлой горнице этой должно быть всё в порядке: ручейки и речки должны быть чистыми и прозрачными, зверей и птиц, занятых своими заботами, должно быть в достатке, кусты и деревья вовремя должны приносить свои плоды, а человек – спокойно жить со всем этим рядом. Тогда всем хватит места. Дело человека: знать природу, быть наблюдательным, брать от неё только то, что поможет ему сейчас, не жадничать, не вредить матушке-природе. Дети прислушивались к советам родительницы и старались жить по совести, а главное – ходить теми же тропами и чтить незабвенную память давно ушедших предков.

Со свойственной природной мудростью советовала мать своим детям присматриваться ко всему внимательно, быть толковыми хозяевами. Дочери Лукерьи Степановны, Людмиле, вспомнился такой случай из её детства. Однажды собрались ребяташки в лес по бруснику. Очень урожайный год был для этой ягоды. Сообщили дети маме, что пойдут на высокий берег Тыма, в сосновый бор. Это было совсем рядом с деревенькой, не более одного километра от дома. Посмотрела мать на весёлые лица детей и возразила:

– Ягода в этом году действительно крупная! Но

сейчас брать её ещё рано: она сверху красная, а внутри ещё сырая, неспелая.

– Как неспелая? Ягодка к ягодке! Сама говоришь, красная!

– Красная-то она красная, но не дозрела ещё.

– Почему, мама?

– Да ведь до сих пор было всего только одно похолодание. А вот когда пройдут три заморозка, тогда только брусника поспеет: станет она не красной, а бордовой, мягкой и вкусной. Тогда только можно брать бруснику, но не раньше.

И так незатейливо передавала мать своим детям множество бытовых секретов, древних традиций, народной мудрости предков её, бесхитростных и наивных, с чистой и светлой душой. Природа для них была родимой матушкой, и входили они в неё как в храм Божий. И живое, и бестелесное – было рядом с ними. Не раз приходилось детям Лукерьи Степановны слышать её воспоминания о старых охотниках, дедушках и прадедушках, и походили эти рассказы на сказки.

Так, бывало, долгим зимним вечером ожидала семья с охоты своего кормильца. Ждут, не дождутся. К любому звуку-шороху прислушиваются. Тут за стеной слышится какой-то шум, похожий, будто, на скрип полозьев на снегу. Оденется хозяйка, выйдет во двор – ни души вокруг, тишина! Зайдёт в жилище. А часа через два появляется на пороге долгожданный хозяин с богатой добычей! Все домочадцы рады встрече: и уставший охотник, и голодные дети, и тревожащаяся за мужа жена, и даже собаки. Все довольны! Но что же это были за звуки под окнами? Бывалый охотник объясняет, что всё очень просто: это Ангел сообщил близким, что всё в порядке с их хозяином, и скоро тот будет дома. Хочешь – верь, а хочешь – не верь.

Рассказывали и такое. Как всегда, ожидая отца с охоты, переживают, беспокоятся все домашние. Разлука была длительной, охотничий переход – трудным. И вот уже слышен весёлый лай собак. Все радостно выбежали из дома. Упряжка возбуждённых лаек тянет за собой тяжело нагруженные нарты, судя по ним, охота была очень удачной. С таким грузом нелегко было и собакам, и охотнику.

– Всю дорогу пришлось толкать нарты! Ни разу не присел! Места в нартах нет! – радостно сообщает охотник, довольный добычей.

Жена в ответ:

– А ты будто и не устал в дороге! Весёлый шибко!

– Так у меня помощник был. Оглянись, а мои нарты незнакомый человек толкает. Сквозь туман от мороза ни лица, ни одежды его не разглядеть, будто прозрачный. Так до нашего двора и проводил меня. Где тут устанешь?

Удивляются родные, да недолго. Им издавна было известно, что Господь не оставлял без помощи их сородичей, которые имели открытые просветлённые души. Остяки в большинстве своём грамотой не владели: ни читать, ни писать они не умели, за свою жизнь не держали в руках ни одной книги. Не знали они и Священного Писания, никогда не слышали молитв. Но умели общаться с Богом своими чистыми сердцами. А Он слышал их.

И к реке у предков Лукерьи Степановны было особое поклонение. Испокон веку они жили на берегах Тыма – это приток могучей сибирской реки Обь. Тым берёт начало в водоразделе Енисея и несёт свои синеватые воды на тысячи километров. Река хранила огромные богатства: бескрайние заливные луга, удобные места для обитания птиц и зверьков, несметное количество разнообразной рыбы. Местным жителям оставалось только умно пользоваться этими сокровищами. Да ещё хорошо знать

законы и порядки реки. Река была кормилицей, к ней относились люди, как к живому существу.

Сердечные переживания вызвали у Лукерьи Степановны перемены, происходящие по вине людей в отношении реки. После войны по любимцу-Тыму в могучую реку Обь власти распорядились сплавлять лес для хозяйственных нужд страны. Много было леса! Нескончаемым потоком несла его вода весной и летом. Сплаваемые бревна плыли по поверхности, уносимые течением, но большая их часть уходила на дно. Так и лежали они толстым слоем, нанося непоправимый урон реке. С грустью смотрела на эту страшную картину Лукерья Степановна, вспоминала былое величие могучего Тыма, сокрушалась: «Теперь наша река стала деревянной, – и, качая седой головой, добавляла с горечью, – большая беда!» Но так было не всегда.

В прошлые века люди знали и любили свою реку. Много разных её секретов хранили они. Только чистым сердцам могли быть открыты эти тайны. Встречались среди тымских остояков такие знатоки своего дела, что в нынешнюю пору их умение можно сравнить, разве что, со сложными техническими механизмами, которые пронизывают толщи воды насквозь. Был среди знакомых дочери Лукерьи Степановны, Людмилы, замечательный человек, проживающий в селе Усть-Тым, Алексей Ольжигин. Тым для него был родной стихией, как свои пять пальцев знал он реку. Рыбак не в первом поколении, как чувствительный прибор – радиолокатор, ощущал он, где обитает рыба, какой она породы и в каком количестве. Определял остояк точно, в каком направлении движется рыба, и каким способом её лучше изловить. В рыбацком деле не было Алексею равных.

Как-то приехали к Людмиле Васильевне в гости уже взрослые дети. Она обратилась к бывалому рыбаку с

просьбой выловить хорошую рыбину: уж очень хотелось угостить дорогих ей людей осетринкой. «Всё будет исполнено в лучшем виде, уважаемая Людмила Васильевна!» – ответил Алексей. Ранним утром, лишь только взошло солнышко, появился он на пороге её дома, а за плечами его была видна огромная голова осетра. Хвост рыбы едва не касался земли! Вот так рыба! Не подвёл односельчанин. Да и могло ли быть иначе?

Много старинных остяцких примет знал бывалый рыбак. Щедро делился он ими со своими селянами, по случаю какой-то работы или на отдыхе. Так однажды собрались соседи на берегу Тыма устроить маленький праздник, дружеский вечер. Пообещал Алексей угостить всех вкуснейшей ухой. От такого предложения грех отказываться! Да и вечер-то больно хорош! Летний тихий погожий вечер. На берегу потрескивал костёр. Чуть-чуть пахивало дымком, разгонявшим гнус. С реки доносились всплески снующей рыбы. Ловко орудуя возле тагана (это такое устройство для котелка на костре), старый рыбак мимоходом произнёс:

- Завтра будет ветрено, с севера подует.
- Как ты определил, Алексей?
- Чайки после дневной охоты направились на юг.
- А что это значит?
- Это значит, что, когда птицы с восходом солнца полетят за кормом, ветер должен дуть им навстречу, по ходу перьев, а не против перьев. Вот и вся наука.

Такое точное многовековое наблюдение! Как много тайн природы можно открыть, если приучен с детства наблюдать за всем, что тебя окружает.

Но на этом старый рыбак не закончил свой мастер-класс: «А сейчас я научу вас варить уху, которую готовили мои предки-остяки». Он подбросил дровишек в костёр, на котором висел котелок с бурлящей водой.

Но на этом старый рыбак не закончил свой мастер-класс: «А сейчас я научу вас варить уху, которую готовили мои предки-остяки». Он подбросил дровишек в костёр, на котором висел котелок с бурлящей водой.

Отправив в кипяток приготовленную рыбу, старик промолвил:

– Рыба для ухи должна быть только свежевывловленная, пока она ещё открывает рот. Это первое правило.

– А дальше? Что ещё? – оживились присутствующие на берегу.

– Котёл с ухой никогда не накрывайте крышкой.

– Вот это да! Никогда не знали, что это так важно!

Уха в это время уже закипала.

– Третий секрет, – промолвил старик, попыхивая трубочкой и хитро улыбаясь глазами, – никогда не доставайте ложкой уху вовремя варки и не делайте пробы.

– Алексей, а как же проверить готовность ухи, если не пробовать на вкус? – удивлённо спросили женщины, находившиеся у костра.

– Вкус ухи и её готовность определяют по запаху, – ответил невозмутимый рыбак. – Вот и все секреты.

Долго удивлялись такой науке соседи. Но уха у старого остяка получилась отменная! Настоящая!

Старожилы, потомки древних тымских остяков, знали наизусть каждую излучину своей родной реки. Не имели они представления о принятой на «большой земле» системе измерения длины, они измеряли расстояние на реке не вёрстами и километрами, а по числу песков. Дело в том, что на реке Тым часто встречались песчаные отложения по берегам, по-местному – «пески». По ним и отмеряло население расстояние: на четвёртых песках – такое-то селение, на десятых песках – покос того-то, от Напаса до Нюль-Ядрово столько-то песков.

Так семье Лимоновых, в хозяйстве которых имелись лошадь и корова, достались сенокосные угодья на сороковом песке от Напаса. Всем: и детям, и взрослым это место очень нравилось. Широкие заливные луга нельзя

было охватить взглядом. Заросшие цветущим разнотравьем, они завораживали своей девственной красотой. Недалеко располагалось небольшое тихое озеро. По берегам этого озёришка росли тёмно-зелёные красавицы-пихты, от этого оно казалось задумчивым и таинственным. На берегу озера был устроен полевой стан. Для приготовления пищи брали озёрную воду. Питались всегда свежими карасями, выловленными тут же, в озере. Караси были среднего размера, темно-красными, икрянными, жирными, на вкус сладковатыми. После хорошего обеда на свежем привольном воздухе да в окружении такой красоты заготовка сена была всему семейству в удовольствие.

Но иногда были и поводы для тревоги. Людмила Васильевна вспоминает, что однажды отец, Василий Александрович, уйдя на охоту, оставили её, девочку, у шалаша. Она развела костёр, стала готовить ужин, поджидая отца. Уже сгущались сумерки. Девочка зашла в шалаш по какой-то надобности и вдруг услышала непонятные звуки у костра. Кто-то огромный неуклюже передвигался между шалашом и костровищем, переворачивая посуду и лавочки. Люда осторожно заглянула в маленькую щёлочку в шалаше. Так и есть! Медведь пожаловал на их стан! Девочка сидела в шалаше ни жива, ни мертва. Боялась пошевелиться. Медведь находился совсем рядом! Он став на задние лапы, в одно мгновение перевернул котелок, поковырял что-то в земле около костра, громко втянул в себя густой воздух, опустился на четыре лапы, развернулся и, тяжело сопя, спокойно зашагал к тёмному лесу. Когда испуганная Люда вылезла из шалаша, косолапого хозяина тайги уже не было видно.

Вскоре вернулся с охоты отец. Увидев беспорядок у костра и следы зверя на земле, он понял, какой гость

пожаловал сегодня на их стан. Успокоив дрожащую от страха дочку, Василий Александрович радовался, что всё для неё благополучно закончилось.

Медведь у сибирских остяков считался животным священным. Его старались напрасно не беспокоить, обходить стороной. Мясо медведя в пищу не употребляли. Стреляли в того зверя только в случае очевидной опасности. Так после возвращения домой Люда услышала рассказ от своей мамы, о том, как её бабушка спасала своих детей от медведя. Дело было зимним вечером. Все домочадцы ютились около топящейся печи. Дети о чём-то мирно беседовали. Вдруг раздался жуткий рык зверя и тяжёлые удары в стену жилища. Собаки во дворе неистово лаяли. Хозяйка выглянула в окно и увидела в нём огромную голову медведя. Всем грозила беда: в их дом ломился медведь-шатун. Ни минуты не раздумывая, женщина схватила со стены ружьё и выстрелила прямо в раскрытую пасть медведя. Животное рухнуло, сраженное наповал. Вскоре возвратился домой хозяин. Он позвал на подмогу соседей: медведя оттащили подальше от дома и сожгли на костре.

Такие случаи надолго остались в памяти девочки Люды, теперь Людмилы Васильевны. Умели её предки быть в ладу с природой и хранить народные традиции.

Сберегала, как могла, Людмила Васильевна связь со своими сородичами и через национальный язык. В семье её нечасто говорили по-остяцки. Но голос предков просыпался ненароком. Вспоминала она, что, бывало, укачивая своих маленьких детей, пела им все песни, какие знала на русском, а потом, уже в полудрёме осознавала, что невзначай переходила на остяцкий, напевая колыбельные, которые слышала от своей бабушки и мамы. Так с душевным трепетом берегла Людмила Васильевна в памяти и сердце всё, чему учили её родители, наделённые

природной мудростью и трудолюбием, за что были уважаемы людьми.

Став после окончания педагогического института, как и её отец, учителем, а потом и директором школы в селе Усть-Тым, Людмила Васильевна старалась передавать собственным детям и своим ученикам всё, что знала от своих родителей. Учила она любить и беречь свой край, быть честными со всеми людьми, много трудиться, быть любящими и заботливыми хозяевами на своей земле. Такими людьми издавна были их предки. Наивные и чистые душой, жили они в единении с природой и Богом и ушли в Вечность, чтобы соединиться с Творцом.

Езда верхом

Моё военное и послевоенное детство пронизано насквозь одним неприятным, навязчивым, никогда не исчезающим желанием: всегда хотелось есть. Как подарка ожидали мы, голодные ребятишки, возвращения колхозных рыбаков с реки. У промёрзшего окна нашего дома, что стоял напротив рыбацкого амбара, был у нас «наблюдательный пункт». На стекле всю зиму образовывались снежные наросты, которые мы соскребали ножом, и грызли снег, чтобы хоть немного заглушить голод. Через образовавшуюся в снегу дырочку, расширенную тёплыми руками и дыханием, мы вели наблюдение. Ни разу не пропустили мы момента возвращения рыбаков.

Вот и этим морозным вечером я со своего наблюдательного пункта увидел, наконец, медленно приближающуюся к амбару повозку. Сначала показалась лошадь, с морды которой свисали ледяные сосульки, а сама она была покрыта инеем. Потом показался большой короб, сплетённый из черёмуховых прутьев, откуда виднелась гора рыбы. Рядом шли уставшие, но довольные рыбаки. В густом морозном воздухе их голоса звучали приглушённо, а движения казались мне неспешными, как бы замедленными. Рыбаки стали разгружать короб, перенося большую часть добычи в амбар. А ту, что осталась в коробе, стали делить между членами бригады.

Накинув на себя какую-то одежонку, я бросился на улицу. Парни уже заканчивали свою работу. Один из них распрягал лошадь, снял с неё сбрую, и, оставив только уздечку, освободил животное от саней. Эту лошадь я знал: она была закреплена за рыболовецкой бригадой и имела соответствующую кличку – Рыбак. Лошадь серой масти,

восьми лет. По характеру она была смиренная, не делала никаких резких движений. В работе лошадь была не ленивая, но и не особо ретивая.

Кто-то из ребят-рыбаков, глядя на меня, сказал: «А вот и Ванюшка подошёл. Как ты вовремя! Отведёшь лошадь на постой в конюшню?» Не дожидаясь ответа, парень, распрягавший лошадь, сгрёб меня в охапку, ловко посадил меня на Рыбака и дал в руки уздечку. Потом развернул лошадь в сторону конюшни. Я крепко ухватился за уздечку. В свои шесть лет мне впервые довелось самостоятельно ехать на лошади. Никто никогда не объяснял мне, как надо держаться верхом, чтобы управлять животным и не упасть ему под ноги. А Рыбак уже направился в сторону конного двора. Шаги его сначала были спокойными, размеренными. Затем они стали всё чаще и чаще. Тело лошади пронизывала нервозность, беспокойство. Животное остро чувствовало скорый отдых, тёплую конюшню и вкусное сено. Вскоре она перешла сначала на лёгкую рысь, а потом – на быстрый бег.

Я с трудом соображал, что мне делать, только цепко держался за гриву Рыбака. А он на последней сотне метров до конюшни помчался галопом. Лошадь была неуправляема! Она хорошо чувствовала, что седок мал и беспомощен, и готова была освободиться от него в любой момент. К тому же, предчувствуя долгожданный отдых после тяжёлого трудового дня, она спешила поскорее оказаться в тепле, не сдерживала себя. От страха я буквально влип в лошадь. От бешеной скачки моё детское тело подпрыгивало на её спине, как мячик! И тут я увидел, что на уровне моей головы в следующую секунду окажется толстенная конюшенная балка! «Всё! – мелькнула мысль. – Пропал я! Расшибусь! Ещё один миг – и кончено!»

Я зажмурился от страха... Но вдруг почувствовал, что лошадь, мчавшаяся до этого момента в дикой скачке,

остановилась как вкопанная. Остановилась в метре от раскрытых ворот конюшни! И дальше – ни шагу! Я медленно поднял голову, выпрямился и попытался сползти с мирно стоявшей лошади. В это время меня успел подхватить оказавшийся рядом конюх-инвалид. Охая и ахая, приговаривая ласковые слова, он снял меня с Рыбака, оглядел со всех сторон и убедился, что я цел и невредим. Через минуту я уже бежал домой, подпрыгивая от радости, что всё плохое позади.

Дома было тепло. Сестрёнки помогали уставшему и промёрзшему брату-рыбаку, вернувшемуся с работы, раздеться, повесили сушить его одежду около горячей печки. А мама в это время уже бросила мороженных карасей в чугунок. Мы держали наготове свои деревянные ложки с обгрызенными краями. Необычайно вкусной показалась мне эта уха после моей славной езды верхом на лошади!

Эту свою первую поездку я помню всю жизнь. Понимаю только теперь, как оберегает нас Господь, как любит, в критические минуты удерживая нас от неминуемой гибели.

Беглянка

Было это в послевоенные годы. В деревне всегда жилось трудно. Но после войны – особенно. Доставалось и людям, и животным. Труд с утра до ночи. Труд без отдыха, выходных дней и отпусков. Советское руководство требовали от сельчан всё больше и больше, не имея возможности, а может быть, и желания, как-то облегчить жизнь в деревне. Безысходность существования сельских тружеников наблюдалась во всём. Изнурённые тяжёлой физической работой и полуголодным существованием, люди едва выдерживали. Рядом с людьми страдали от непосильной нагрузки колхозные лошади, эти безвинные Божии твари. Иногда они падали замертво на колхозной борозде. Господи, прости нас за это!

Вот об одной такой лошадке я хочу рассказать. Колхозники давно заметили, что перед началом сезонных работ нет-нет, да и исчезнет в неизвестном направлении какая-нибудь лошадь. Таких случаев было немало. Для их поиска приходилось потратить немало усилий и времени. А животное за несколько дней свободы успевало восстановить свои силы. Отдохнув на вольных травах и нагуляв бока, оно сразу менялось внешне: глаза его весело блестели, хвост и грива развевались по ветру. Лошадь встречала людей радостным ржанием и резвыми прыжками. Теперь она уже не сопротивлялась надеваемой на неё узде.

Со временем колхозники, помня такую тягу лошадей к вольности, стали предотвращать такие побеги животных с работы. Прежде чем отправить их погулять на заливных лугах, покормиться, они связывали передние ноги лошадей специальными путами. Скрученные из конского волоса такие путы крепко держались и не давали животным передвигаться обычным шагом. Движение их было

затруднено. Лошадки вынуждены были ходить медленнее, выполняя мелкие прыжки.

Всё предусмотрели колхозники. Но вот – незадача: с дальнего сенокосного стана, что находился за рекой, сбежала лошадь! На деревенском конном дворе она считалась самой лучшей. Лошадка эта попала в колхозный табун из хозяйства раскулаченного односельчанина. Лошадь была породистая, с родословной, особо приметная: гнедой масти, с красивой головой, тонкими и стройными ногами. Была она стремительна и резва в беге, прилежна в работе. Но и сноровиста была не в меру, знала себе цену. Назвали лошадь Вьюгой. Очень тонко и точно подметили хозяева характер своей любимицы и дали ей вполне соответствующую кличку.

Сбежала Вьюга не одна, а со своим десятидневным жеребёнком! Что её толкнуло на такой поступок? Конечно же, желание спасти детёныша, который не отступал от матери ни на шаг. А ей весь день, с раннего утра и до ночи, приходилось трудиться на сенокосе под палящими лучами солнца. Вокруг лошади и её малыша кружили тучи беспощадного гнуса. По бокам жеребёнка текла кровь от укусов паутов. Не помогал ветерок, дующий с Оби. Изнурённая тяжёлой работой и беспокойством за своё дитя, строптивая кобылица решила на побег. Не остановило Вьюгу и то, что ноги её, как обычно, колхозники перетянули путами на ночь. Эта неприятность не стала для неё препятствием.

Молодая кобылица смело бросилась в воду. Ей предстояло преодолеть по реке огромное расстояние: Обь в этом месте была шириной более двух километров. Жеребёнок последовал за матерью. Маленький, обессиленный на жаре, он еле держался на воде. Добравшись до кобылицы, он положил свою маленькую головку на круп лошади, и в такой сцепке они начали своё

опасное путешествие через реку. Вьюга с трудом передвигала в толще воды своими спутанными верёвкой ногами, её движения были скованными, скачкообразными. Они медленно перемещались вперёд. Был тихий безветренный летний день, на реке ни малейшего колебания, ровная водная гладь, казалось, помогала беглецам. Но обское течение понемногу сносило лошадь от избранного направления. Вьюга справлялась с ним, а жеребёнок, затаив дыхание, не меняя позы, держался крепко за мать. Тяжёлая переправа по реке шла к завершению. Уже близко был знакомый Вьюге берег, на котором толпились люди, наблюдавшие за странным явлением на воде.

Это были жители деревеньки Пристань. Они были поражены неотступным стремлением животного добраться до берега и спасти своего детёныша. Видели, как тяжело было лошади преодолевать такое расстояние с грузом на спине. Колхозники знали, что мучения животного не закончатся с выходом её из воды. Дело в том, что после весеннего разлива на пологих берегах Оби до самого конца лета оставалось много наносного ила. Он был очень вязким и топким. Животные, выбравшись на берег, сразу же начали тонуть в нём. Каждое следующее движение давалось обессиленной лошади с огромным трудом. Люди бросились на помощь ей и жеребёнку. Немало всем досталось хлопот, пока беглецы не коснулись ногами твёрдой почвы. Люди и животные стояли на берегу все измазанные чёрным илом, но и те и другие были рады счастливому завершению опасного путешествия. Особенно умилял всех жеребёнок, взбрыкивающий своими слабенькими ножками и весело помахивающий кудрявым хвостиком. Из-за облепившей его тело грязи невозможно было определить масть жеребёнка. Не беда! Зато тут же, на берегу Оби, жеребёнок получил свою кличку. Назвали его Пловцом.

Не вернуть потерянное

Моя жизнь с самого детства была тесно связана с лошадьми. Сколько помню себя, всегда было рядом это красивое и сильное животное: и на работе, и на отдыхе. Привезти ли сено с дальних покосов, вспахать ли поле под посадку картофеля, вывезти ли дрова, заготовленные в лесу, – везде незаменима была лошадка. А как радовала нас, мальчишек, возможность лихо промчатся верхом на быстроногих скакунах, когда взрослые доверяли нам сводить коней к водопою на реку! Любили мы их, бережно ухаживали за ними, обращались умело, чтобы не навредить своим помощникам.

Вступив во взрослую жизнь, я не расстался с лошадками. Всю трудную работу помогали они выполнять нам, колхозникам. Посевная, уборка урожая, сенокос и вывоз сена с лугов, заготовка леса, строительство – везде нужна была тягловая сила. Лошади были здесь незаменимы. И так было по всей нашей стране. Лошади трудились и в городах, и в селах. Развивалась, вставала на ноги после военной разрухи, расцветала наша страна. Лошадки были везде первыми помощниками человеку.

Вспоминается мне одна картина, запавшая надолго в мою память. Часто стоит она у меня перед глазами. Не могу не рассказать о том, что надолго запало в душу, о чём болит она. Было это в шестидесятых годах прошлого века. Тогда быстрыми темпами в сибирских сёлах шла электрификация. Колхозы и совхозы обзаводились техникой, но от тягловой силы не отказывались. А в нашем деле, работе электромонтёров, требовалась помощь лошадей, так как нужно было подвозить к месту работы тяжёлые столбы, поднимать их, устанавливать, крутить провода с громадных катушек-барabanов. Каждое утро кто-то из нас, молодых

ребят-электромонтёров, шёл в колхозную контору, чтобы получить для бригады лошадку на рабочий день.

В то утро выпала моя очередь. Я подошёл к конторе, но получить разрешение было не у кого. Оказалось, что все были на заседании правления колхоза. Что оставалось делать? Пришлось мне ждать окончания планёрки. Заседание затягивалось.

Коротая время, я направился к конному двору. Издалека было страшно смотреть на это сооружение. Оно было старым, покосившимся от времени, не знавшим хозяйской руки, будто брошенным. Не лучшая картина наблюдалась и на самом дворе. Везде в полном беспорядке, вперемешку, были брошены телеги и сани. Дуги были покиданы прямо на землю, они лежали в лужах и мокли. То там, то тут можно было увидеть небрежно брошенную упряжь: уздечки и хомуты. Тут же были свалены в кучу выдавшие виды сёдла. По всей территории разбросано как попало сено.

Я осторожно заглянул вовнутрь пригона. В дальнем промокшем углу, сбившись в тёмную мрачную кучу, стояли лошадки. Сердце моё сжалось от боли! Невольно меня вытолкнуло наружу. Переведя немного дух, я осмотрелся вокруг. Что со мной? Вокруг чудная картина середины весны! Благостно греет солнышко. Сошёл-растаял почти весь снег. В пробуждающейся природе стоят приглушённые перезвоны. Воробьи, радуясь теплу, подняли неугомонный щебет. Прилетевшие скворцы весело снуют по освободившейся от снега земле. Вся природа в ожидании радостного всплеска!

А что ожидают бедные лошадки? Тихо стоят они в тёмном брошенном помещении. Умные животные эти предчувствуют беду. Низко опустили они свои головы. В позах лошадей нет и признака былой жизни. Не дрогнет волос в их косматых гривах, не пошевелиятся давно не

знавшие хозяйской руки их хвосты. Хвосты и гривы всклокочены, засорены прошлогодним репейником. По крупам лошадей, отыскивая что-то для себя, снуют вездесущие воробьи. Не замечая этого, стоят лошадки обречённо в ожидании тревожного известия.

Вот в пригон вошли люди. Это конюх и ветеринарный врач. Стоят, тихо ведут меж собой разговор. «Закончилась планёрка. Решено отправить машину в город, на мясокомбинат. Вон уж и водитель идёт». Лошади совсем присмирели, будто бездыханные. Только иногда чуть заметно шевелят своими большими влажными глазами. Всё слышат, всё понимают.

А люди перестали их понимать. Толще и грубее стала кожа у нынешних хозяев! Не такие они, как их предки! Ведь совсем не так давно, те провожая лошадок на фронт, гладили их нежно, руками трогали мягкие конские губы, бережно трепали их гривы, тихо шептали ласковые слова в их уши. Обнимали лошадей за шею, расставаясь, клали им в рот драгоценные кусочки хлеба.

А теперь людей ничем не проймешь. Наступает век солярки и бензина, машина заменяет животное. С приходом бездуховного прогресса лошадь стала не нужна.

Лошадки глубоко вздыхают, а говорить не умеют. Да и так всё понятно. Скорее бы к одному концу...

Бригадир рыбаков

В хмурые зимние дни на реке работать особенно трудно. Пронизывающий до костей ветер и крепкий мороз. Одежка на рыбаках плохонькая. Руки, оковеневшие в ледяной воде, еле удерживают снасти. Снимая привычными движениями с крючков рыбу, думают только об одном: «Скорей бы в тепло!» Вот, наконец, работа закончена. Рыбаки с трудом толкают к берегу короб, набитый доверху рыбой. Улов сегодня хороший! Откуда - то берутся силы, чтобы добраться до зимовья. А там, натопив жарко печку и похлебав жирной ушицы из большой общей чашки, работники валяются замертво от усталости и разморившего их тепла. Бригадир ложится спать последним, осторожно проходя мимо спящих, бережно подтыкает плохонькие одеяла под бока своим работникам.

Работники эти: Аркашка и Руфинка, Толик и Таиска, Костя с Устей – мальчишки и девчонки, которым от силы лет двенадцать-тринадцать. Заменяли они в колхозной бригаде своих отцов, ушедших на войну. Бригадир их – Феоктист Андреевич Трифонов, крепкий на вид старик восьмидесяти лет, которого за отсутствием в деревне мужчин помоложе попросили возглавлять рыболовецкую бригаду.

Феоктист Андреевич был чуть повыше среднего роста, жилистым, широким в плечах. Был он работающим, за какое бы дело ни брался, всё спорилось. Слыл в деревне мастером на все руки. Был он одарен большим умом, но никогда и нигде не выпячивался, советы давать всячески избегал. Никогда он слова не произносил для сотрясения воздуха, а всегда со смыслом и по делу.

Выходец из старообрядческой семьи, издавна поселившейся в сибирской глубинке, он отличался от местных мужиков получалдонских и полуостяцких кровей.

Они часто в разговоре называли его «Расея», признавая в нём пришлого человека. В жёны Феоктист взял девушку из семьи единоверцев по имени Салманида. Она стала ему верной спутницей. Твёрдые и последовательные в молитве, умелые и сноровистые в труде, жили они спокойно и размеренно, трудились в колхозе и в своём хозяйстве, растили детей. Было их трое: старший сын Фёдор, геройски погибший на фронте, дочь Варвара – красавица, пышущая здоровьем, и младший сын – Иван, подросток лет четырнадцати. Семейство Трифоновых было уважаемым на селе, они слыли надёжными и положительными людьми.

К старику и его семейству односельчане относились с некоторой осторожностью и уважением. Обращались за помощью к нему редко, но знали, что он никогда не оставит в беде. Работал старик Трифонов на славу. Был отличным плотником и разную другую работу выполнял без натуги, степенно и основательно. Салманида тоже работала в колхозе прилежно. Была немногословной, очень строгой и справедливой. Так и шли рука об руку супруги Трифоновы всю жизнь рядом в трудах и заботах. Прожили они вместе добрых шестьдесят лет, подняли на ноги хороших детей.

Но случилось у Феоктиста Андреевича в семье горе, было это ещё до войны: после тяжёлой болезни скончалась Салманида. Приняв беду, как положено мужественному человеку, старик, собрав волю в кулак, принялся за похороны дорогой жены. В последний путь проводил он её по-своему, чем очень поразил односельчан. Поехал Феоктист на лошади в лес, свалил старую лиственницу, и, привезя её домой, собственными руками выдолбил из цельного дерева сначала гроб, а потом – крышку. Получилась вековая храмина. Похоронил он любимую жену на берегу Оби и попрощался со словами: «До встречи». Задавило, защемило сердце старика, замкнулся он в себе, но не пошатнулся, не надломился.

Теперь Феокист Андреевич трудился в рыболовецкой бригаде, которая находилась в пятнадцати километрах от деревни. Во время войны стране и фронту требовалось много. Колхозы отдавали государству всё до последнего, в том числе и рыбу. Строгий и молчаливый, много знающий и умеющий, стал почтенный человек для мальчишек-рыбаков наставником. Ребята, оставшиеся без отцовской поддержки, имели перед собой образец настоящего мужского поведения. Сам старик не знал отдыха и от других требовал трудиться с полной отдачей сил. Зная, что ребятам может быть полезно в дальнейшем, он без лишних слов обучал их житейским секретам. Но успех дела видел в послушании взрослым и исполнительности.

Как-то засобирался Феокист Андреевич в деревню по какой-то надобности. Наказал ребятам готовить себе еду только из мелкой рыбы. Перед отъездом предостерёг, чтобы не прикасались они к осетру, который был выловлен накануне. Садясь в сани, бригадир напомнил: «Когда вернусь, будем готовить его к сдаче в район». Возвратился старик через два дня и, войдя в избушку, сразу почувствовал неладное. Один из его работников, Аркаша, лежал на нарах и корчился от боли. Он не мог говорить и ничего не ел. Бригадир стал выяснять, что произошло. Перепуганные подростки рассказали, что ослушалась старого человека и, когда тот уехал, сварили себе уху из головы осетра. Уха получилась наваристой, жирной, для постоянно голодных ребят – очень вкусной. Такой она была вкусной, что Аркаша второпях не заметил косточку и, проглотив её, подавился. Феокист Андреевич укоризненно покачал головой и вышел на улицу, не говоря ни слова. Долго стоял он на снегу в позе просителя, чётко выговаривая слова молитвы, обращённые к Господу. Спустя какое-то время, он вернулся в избушку и приказал

мальчику: «Пройди в угол, поднатужься и кашляни». Больной так и сделал. Кровяная кость вместе с болезненными нечистотами выскочила на пол. Через два дня Аркаша поправился, благодарил Бога и старого мудрого человека. Казалось бы, житейское дело, но совсем не простое, чудное! Когда беда оказалась позади, бригадир обвёл строгим взглядом ребят, собравшихся вокруг него, и сказал, взвешивая каждое слово: «У вас впереди долгая жизнь. Запомните то, что случилось. Не пренебрегайте опытом старших, не превозносите. Живите в ладу со своей совестью».

После войны, которую пережили колхозники в тяжких заботах, пришли не менее трудные времена. Легче не стало. Колхозы влачили нищенское существование. Где-то году сорок шестом, доведённое до отчаяния колхозное руководство, прекрасно понимающее, что поддержать народ нечем, решилось на шаг, последствия которого могли стоить кое-кому свободы. Председатель колхоза предложил заняться заготовкой кедрового ореха для продажи его заготовителям. Вырученные средства могли хоть немного поправить колхозные дела, поддержать людей. В те времена такая частнособственническая инициатива была строго наказуема. Но на свой страх и риск решили мужики попробовать.

Когда были закончены полевые работы и выпал снег, колхозники снарядили бригаду для заготовки ореха. В вековую тайгу направился большой обоз. Люди работали сноровисто, с азартом. Вскоре все сани были загружены мешками с орехом, и обоз направился в обратный путь. По дороге, в глубине леса, колхозники заметили добротную ладно отстроенную избушку, рядом с которой стоял человек. Приблизившись, обозники признали в этом человеке Феоктиста Андреевича. Поздоровались, разговорились. Выходило, что старик опередил

колхозников с заготовкой ореха. Только он бил шишку в тайге не для колхоза, а для нужд своей семьи. В саях лежали мешки с отборным орехом. Председателя колхоза возмутил этот факт, и он распорядился отнять у старика добычу. И тут колхозники не узнали старого Феокиста. Перед ними стоял грозный мужик, готовый на все: в руках у него сверкал лезвием хорошо наточенный топор. Яростно сверкали исподлобья глаза старика. Обнажая ряд крепких зубов, чеканя каждое слово, он процедил: «Ну, подходи, если головы не жалко!» Ребята, хоть и были молодые, здоровые, мгновенно оценили обстановку. Председатель колхоза, фронтовик-калека, подал знак отступить. Не отдал бы старик добровольно заработанное своим трудом. Многие годы хранили деревенские мужики молчание об этой неприятной встрече в тайге.

Спустя два года Феокист Андреевич Трифонов покинул деревню, перебравшись на постоянное место жительства в большое село Вертикос. Опять удивил односельчан старик. В восемьдесят пять лет Феокист Андреевич женился во второй раз, взяв хозяйкой в свой дом Зою Батурину. Она была младше своего мужа на тридцать лет. Присматривался старик к ней давно. Молодая женщина была красива, крепка здоровьем, скоро в работе. При строгом суровом муже она научилась сдерживать свой неуёмный весёлый характер, а тот держал её в узде надёжно. В их доме был достаток и полный порядок. Жена Зоя вела домашнее хозяйство. Дочь и сын изредка навещали своего батюшку.

Перебравшись в рабочий посёлок, Феокист Андреевич навсегда расстался с колхозной жизнью, старался не обращать внимания на красные флаги. Он спокойно служил конюхом на местном шпалозаводе, где имелась своя конюшня. Обязанности свои старик выполнял с присущим ему трудолюбием, работал на совесть. По

сердцу ему была жизнь в рабочем посёлке: после работы он занимался домашними делами, а свободное время посвящал охоте и рыбалке.

Прожил Феоктист Андреевич без малого 100 лет. Его долгая благословенная жизнь была наполнена разными событиями: и горестными, и радостными. Но всегда и везде проявлял он твёрдость духа и силу воли. Православная вера и хранение традиций славных его предков стали стержнем характера Феоктиста Андреевича. Вечная ему память.

Огород Клавдияна

Семьдесят лет назад жизнь сибиряков была совсем другой. Не нарушая её естественного течения, жили они в обнимку с природой, соблюдая её законы. Так вот и весенний разлив реки люди принимали как данность. Никогда паводок не вызывал у сибиряков огорчения. Они не только не стремились как-то повлиять на это явление природы, а, наоборот, радовались приходу большой воды. После разлива Оби в мелких речках и озёрах было больше рыбы, а на заливных покосных лугах – сочных трав. Окружающие леса щедро одаривали человека и животных своими дарами, вдосталь напивавшись благодатной влагой. Каждую весну воды прибывало столько, сколько необходимо было природе для её естественного обновления.

Пойму могучей реки Обь надолго брало в плен весеннее половодье. Уходили под воду возвышенности на затопляемых лугах, на местном языке – веретях и гривах. Вешние воды затопляли деревни, расположенные вдоль берегов Оби. Часто речная вода проникала в дома и скотные дворы. В воде оказывались и деревенские огороды, унавоженные, удобренные перегноем.

Половодье задерживало сроки посадки картофеля, основного деревенского продукта после хлеба. Картофель просто не успевал вырасти. После сбора урожая получался серьёзный недобор. Это повторялось из года в год. Заготовленного картофеля хватало до середины февраля месяца.

В летнее время мы заготавливали для пропитания боровую ягоду, кедровую шишку. На столе зимой изредка бывали и дичь, и рыба. А вот картофеля не хватало. Нашей маме как-то пришлось купить ведро картошки, отдав за него своё обручальное кольцо.

Брата Клавдияна, семнадцатилетнего парня, оставшегося за старшего после ухода отца на фронт, очень беспокоило это обстоятельство. Задумался он над тем, как нам выйти из трудного положения. Решил брат разыскать где-нибудь недалеко от деревни высокое место для огорода под картофель. За советом Клавдиян обратился к старикам Иванову и Родикову, которых уважали в деревне. Те, выслушав парня, после некоторых размышлений указали подходящее место.

Находилось оно за Обью, напротив нашей деревеньки. Оно носило название Былино, по фамилии родовитого купца, жившего в конце XIX - начале XX века. Он, помимо всего прочего, занимался содержанием стрежневого невода на берегу Оби. Именно здесь, у песчаной косы большой протяжённости, находилось место прохождения крупных косяков рыбы ценных пород. На крутом речном берегу купец устроил дома для рыбаков, контору, глубокие ямы со льдом для хранения рыбы. Всё лето до глубокой осени трудились рыбацкие бригады. Купец хорошо оплачивал их труд, разумно вёл свои дела. Все были довольны. Дела шли успешно до прихода новой власти. Теперь на смену собственному делу с личной ответственностью пришло общее, коллективное, без намёка на чью-либо ответственность. Купца Былина в наших краях больше не встречали. Только и сохранилось в памяти людей красивое название заброшенного места.

Июньским утром отправились мы в обласке на противоположный берег Оби. В нашей бригаде, которую возглавлял Клавдиян, были двенадцатилетняя сестра Ольга, одиннадцатилетняя – Анна и я, девятилетний мальчишка. Мама, с утра до ночи пропадавшая на колхозной ферме, полностью доверила все заботы о домашнем хозяйстве своему старшему сыну. Все решения он принимал самостоятельно.

Наша лодочка неспешно двигалась по реке. Был погожий день, на реке тишина, в зеркальной воде отражались лёгкие облака. Мы любовались окружающими видами и были рады прогулке. Вскоре наш обласок причалил к берегу. Мы выгрузили необходимые для работы инструменты, захватили узелок с продуктами на обед. Брат повёл нас к едва видневшимся развалинам купеческих строений. Недалеко от них, среди кустов и разнотравья была обнаружена нами ровная площадка.

Клавдиян определил границы нашего будущего огорода. Мы дружно приступили к расчистке участка. Брат косил траву косой. Девчонки и я весело работали ручными граблями, сгребая траву в кучи. Со смехом и шуточками, обгоняя друг друга, мы быстро справились с этой работой. Старались мы изо всех сил: ведь от нашего труда зависело, будем мы голодными или сытыми на следующую зиму. Работа спорилась. Потом мы дружно приступили к копке огорода. Земля была мягкой, хорошо удобренной, с большим слоем чернозёма. Значит, она раньше обрабатывалась, возможно, здесь высаживали овощи.

Отдохнув немного и подкрепив истраченные силы скудным обедом, мы принялись к посадке картофеля. Надо сказать, что семена его мы раздобыли с огромным трудом. Пришлось обойти почти все дворы в нашей деревне, чтобы набрать несколько вёдер клубней. Клавдиян ездил в обласке даже в соседнюю деревеньку, где, как ему стало известно, можно было разжиться картофелем. Каждую картофелину мы осторожно разрезали на несколько частей, чтобы посадочного материала было побольше. В ход пошли даже очистки – бережно срезанная кожура с маленькими глазками-росточками. Очень осторожно, чтобы нечаянно не повредить ростки, мы клали картофельные срезки в выкопанные неглубокие ямки и присыпали их рыхлой чёрной землёй. К концу дня наша работа была закончена.

Посреди лета мы с братом ещё несколько раз переправлялись через Обь, чтобы прополоть траву на нашем огороде и взрыхлить землю около зеленеющих кустов картофеля. Нас радовали результаты нашей работы. В середине сентября мы ещё раз приехали на наш огород. Урожай был отменный! Впервые за несколько лет нашей большой семье картошки хватило до следующей посадки.

Спасибо за это нашему старшему брату, не по годам серьёзному и уважаемому всеми молодому парню Клавдияну, Клавдияну Константиновичу.

Дети войны

Дети войны... Совсем недавно нас, пожилых людей, восьмидесятилетних и постарше, стали относить к этой категории. Седовласые, с жилистыми натруженными руками, сгорбленными спинами и целым букетом болезней, дождались мы, наконец, чтобы государство заметило тех, кто наряду с взрослыми, ковал Великую Победу в тылу.

Взгляд на жизнь детей, рождённых в годы войны и прошедших через горнило военных испытаний, резко отличается от видения её теми, кто родился после Победы. Не по годам повзрослевшими стали ребята, которым к началу Великой Отечественной войны было по пять-шесть или десять лет.

Детьми мы были, а вот детства у нас не было. Силёнки были детские, а заботы – взрослых людей. После ухода всех мужчин на фронт, осиротевшие деревни держались на хрупких женских плечах. А дети взвалили на себя непосильную ношу. Слишком серьёзные вопросы ставила перед малышами жизнь. Разве можно сейчас представить себе десятилетнего ребёнка, добывающего на всю семью хлеб? Или пашущего на корове огород? Или жнущего пшеницу на полях? Да мало ли было ещё такой работы, которую выполняли мы, дети войны, и с которой сейчас справляются только взрослые или техника!

Не было у нас, детей, времени на игры и забавы. А уж про капризы и говорить нечего! Не перед кем было капризничать. Такого слова мы не знали. Знали и умели с утра до ночи трудиться, как мураши. Без лишних слов со стороны старших выполняли всю нужную работу.

Никто не напоминал нам, мальчишкам, что в доме нет дров. Полураздетые, в плохонькой одежонке, чуть прикрывающей худые тельца, бежали мы поутру в лес с

огромными тяжёлыми саями, чтобы привезти сухого валежника для обогрева дома. Во дворе, где мычала корова, тоже требовалось потрудиться ребятам. Уход за кормилицей ложился на детские плечи: нужно почистить стойло, накормить животное. Всё бы ничего, да сено не больно-то подаётся детским силёнкам. С каким трудом удавалось надёргать его из заснеженного стога, никто не знает, если не делал этого никогда. Что может ребёнок своими детскими ручонками? Только собрать все силы в кулак и дёргать, дёргать пласты слежалой сухой травы из большой кучи. По щекам текли слёзы и замерзали льдинками на морозе, а ребёнок всё не прекращал трудиться, потому что знал, что старшим некогда, они на работе.

Мальчикам самостоятельно приходилось осваивать разные хозяйственные отцовские инструменты: рубанки, пилы, рыбачьи снасти, охотничьи ружья. Надо обласок отремонтировать, сети, деревянное корыто, весло – пожалуйста! Всем деревенским ремёслам приходилось учиться самим, иногда обращаться за помощью к старшим братьям-подросткам или старикам-соседям. В свободные от домашних дел минуты находили мальчишки время для починки обуви и верхней одежды. Очень рано дети войны стали нести ответственность за порядок в доме и хозяйстве.

Девочки полностью брали на себя заботы о приготовлении скудного обеда, работе на кухне: отмыть, поскоблить, прибрать всё на своё место, сохранить продукты в погребке. Стирка и уборка по дому тоже входили в обязанности маленьких хозяек. Рано девочки учились шить на маминой швейной машинке и штопать старую одежду.

А летом своя страда: и на огороде всё вскопать-посадить-прополоть, и корову-кормилицу подоить - на пастбище проводить - вечером встретить, и в лесу ягод-грибов набрать, и на лугу травы накосить –

высушить - собрать. Кроме того, мы часто помогали тем соседям, которые были заняты с утра до ночи в колхозе или не успевали что-то сделать вовремя. Такая помощь была привычным делом. И так каждый день: работа и работа, которую не отложить. Не засидишься на завалинке, не заиграешься во дворе.

Но к работе привыкли, она будничная, знакомая выполнялась со временем уже даже с удовольствием. К чему невозможно было привыкнуть: к неутрахающему чувству голода. Скудное пропитание не давало возможности насытиться. Бывало, к середине зимы заканчивались запасы картошки и муки. Оставалась надежда прокормиться рыбой. Есть хотелось всегда! Вмиг убывала похлёбка из большой чашки, стоявшей посреди стола, в которую торопливо опускались сразу несколько деревянных ложек. Овощи, приготовленные в чугушке в русской печке, иначе «парёнки», были для нас вкуснее конфет, которых мы ни разу в глаза не видели.

Но ещё невыносимее для детского сердца было другое. Все наши мысли были пронизаны постоянным, не исчезающим даже во сне, ощущением тревожного напряжения, какого-то ожидания. Вспоминаются немногословные сдержанные наши матери, сжатые, как тугие пружины. Такая же собранность была присуща и детям того времени. Не говорили мы вслух ничего, но как жаль было наших бедных матерей, измождённых невыносимым трудом и тревогой за родных!

Всегда с волнением все ожидали почтальонку. Она шла по деревне с большой кожаной сумкой через плечо. Женщины встречали её на улице, иногда она сама заходила в дом. Если приходило кому-то письмо с фронта, в доме получателя собирались знакомые и соседи. Все радовались хорошим известиям. В это время мы, дети, всегда были рядом. Вместе с взрослыми мы тоже ждали вестей.

Хорошо, если вручённая депеша была простой, не на казённой бумаге. Но не приведи, Господи, стать свидетелями передачи похоронки молодой красноармейке! Как страшно было нам, маленьким, слышать крик обезумевшей молодой женщины, вмиг ставшей вдовой. Этот крик походил на рёв медведицы. Другая, получив страшное известие, наоборот, становилась недвижимой, словно омертвевшей, парализованной, ко всему безразличной. У нас, детей, невольно наблюдавших эту картину, шевелились волосы на голове, замирали сердца, по всему телу пробегали морозные мурашки. Такое непросто передать словами и невозможно забыть.

Во время Великой Отечественной войны многие дети остались круглыми сиротами. Их пригрели детские дома, где о них, как могли, заботились: кормили – обували – одевали. Полностью заменить родителей им никто не смог. Но и тут дети войны проявили себя. Многие продолжили прерванное войной обучение, выучились, получили нужные профессии и в послевоенные годы помогали стране подниматься из руин, совершая тихие трудовые подвиги. Не растеряли они на протяжении дальнейшей жизни лучшие человеческие качества.

Это оттуда, из тех трудных невыносимых для человека военных лет в нас, детях войны, осталось сострадание и милосердие, забота и бескорыстие. Это тогда мы получили прививку сердечности и желания помогать тем, кто нуждается в нас. Это оттуда в нас, детях войны, добросовестное отношение к работе, желание всё делать своими руками, всё уметь. Тогда, в детстве мы поняли, как надо ценить крепкую семью и беречь родных. В те военные годы мы научились видеть в человеке, как на рентгеновском снимке, доброе и хорошее, остро чувствовать фальшь и несправедливость. Научились мы понимать людей и любить их.

Вот такие мы, дети войны...

Помощь пришла

В том послевоенном году весна выдалась необыкновенно ранней и дружной. Солнце с каждым днём всё заметнее пригревало. На проложенных гужевым транспортом дорогах и на их обочинах снег стал бурого цвета, осел и с каждым днём становился всё темнее. Лошади, обогретые ласковыми солнечными лучами, даже во время передвижения впадали в состояние дрёмы. Некоторые из них, засыпая, останавливались, вводя в замешательство возницу. Всё это являлось одним из многих признаков близкого прихода настоящей весны.

На заливных лугах, недалеко от деревни, оставалось ещё много невывезенного сена. Правление колхоза привлекло к вывозке стогов две рыболовецкие бригады. В начале весны, когда приостанавливался лов на реке и озёрах, колхозных рыбаков часто переводили на другие работы. Приближение весны торопило людей с вывозкой сена.

Клавдиян был в одной из этих бригад. Брат в паре с другим подростком каждый день на четырех лошадях делал по две поездки на луга. Помощь колхозу была оказана существенная. Вывезенное сено укладывали рядом с колхозной фермой в скирды, по – чалдонски, в зароды.

Клавдияну была выделена лошадь по кличке Крыса. Лошадь была светло – серой масти, длинноногой и стройной. В повадках её наблюдалось какое-то беспокойство, ноги лошади находились в постоянном движении. Очень резва была она, имела молниеносную реакцию. Человеку, работающему с этой лошадкой, надо было хорошо знать её неукротимый характер и привычки, чтобы не оказаться в опасной ситуации. Нельзя было расслабляться, подходя к Крысе, а в любую секунду быть

готовым к её неожиданной выходке. Недаром она получила такую кличку!

Не чудо ли это! Как деревенские жители могли точно назвать новорождённого жеребёнка, безошибочно определяя с первой минуты его жизни характер и повадки будущего взрослого животного? Ответ один: люди, живущие в сибирской глубинке, сплошь безграмотные, могли так чувствовать природу, как могут делать это только отмеченные и просвещённые любимые создания Творца.

Что же было дальше? Однажды брат Клавдиян запряг лошадь Крысу в сани. Подобрал в руки вожжи. В ту же секунду Крыса, не дожидаясь команды, резко прыгнула с места вперед, высоко взбрыкнув длинными ногами. Брат, удерживая движение строптивой лошади, попытался на ходу прыгнуть в сани. В спешке он не рассчитал расстояние и неловко приземлился мимо них. Одна нога его попала между вязами. Это такое сетчатое сплетение черёмуховых толстых прутьев, из которых мастерили деревенские сани. Нога угодила в ячейку между прутьями и крепко увязла. На полном ходу лошади освободить застрявшую ногу Клавдияну не представлялось возможным. Лошадь, почуввав свободу, бешено понеслась во весь опор. Брат, упавший навзничь, беспомощно тащился за санями.

Произшедшую беду видел идущий навстречу по дороге председатель колхоза, Стариков Илья Ипполитович, Политыч, как называли его в нашей деревне. Он, не теряя ни секунды, бросился наперехват мчащейся лошади, ухватился за узду и остановил её. Подбежав к лежащему на снегу Клавдияну, он обнаружил, что у того сломана нога. Председатель осторожно высвободил её из ячеи саней, поднял покалеченного парня на руки и принёс его в наш дом.

Надо сказать, что председателем колхоза Илья Ипполитович стал недавно, вернувшись с фронта после

тяжёлого ранения. Прошёл он трудными дорогами войны, вернулся с подорванным здоровьем, и, не смотря на это, никогда никто не видел его без работы. Не чурался он крестьянского труда: и на сенокосе он, и на стройке, и на колхозной ферме – везде и всем помогал, ко всему относился по-хозяйски ответственно. Много повидавший на фронте, никогда не проходил мимо чужой беды наш председатель. Вот и в случае с Клавдием Политыч, забыв про своё ранение, без колебаний бросился на помощь молодому парню. Он тут же отправил кого-то из ребятишек за местным «доктором».

Вскоре пришёл наш дядя Федя, осмотрел раненную ногу племянника, наложил на неё деревянные шины. Когда-то ещё до войны Фёдор Иванович по направлению колхоза прошёл ветеринарные курсы в Колпашево, поэтому он, обладая от природы цепким умом, одновременно лечил и людей, и животных.

В нашу избу прибежали соседи. Они стали советоваться, как правильнее и скорее помочь пострадавшему. Перелом ноги был очень сложным. Нужную помощь могли оказать только в районной больнице. Каргасок, где она располагалась, находился почти в ста километрах от нашей деревни.

Распутица, бездорожье в самом разгаре – это было самым главным препятствием. Ещё несколько тёплых дней, и дорога станет, по ней невозможно будет проехать! После коротких раздумий решили отправить с больным дядю Федю. Фёдор Иванович – человек испытанный, побывавший в непростых жизненных ситуациях, родной дядя Клавдиану, да ещё и лекарь.

На лошади по нормальной дороге до Каргаска можно было добраться за два дня. Совсем иная ситуация во время разгара весенней распутицы. Решили колхозники запрядь в сани не лошадь, а самого сильного быка. Лошадь

не смогла бы вытянуть по мокрой дороге груженные сани. Бык, конечно, будет идти медленным шагом, но сани с пострадавшим до места дотащит. Не теряя времени, больной и доктор собрались и тронулись в путь.

В придорожных деревнях медицинских пунктов тоже не было. Завидев странный караван с раненым парнем в санях, сердобольные деревенские жители приглашали путников передохнуть и подкрепиться, делились с ними скудными харчами. Дядя Федя вносил пострадавшего в избу. Это давалось с огромным трудом. Нога Клавдияна в месте перелома была раздроблена, брат временами стонал от боли, терял сознание. Из-за постоянных страданий он ничего не говорил, только иногда через стиснутые зубы издавал непонятные звуки.

Проблему вызывали у дяди Феде попытки накормить больного племянника, чтобы хоть как-то поддержать его силы. Клавдиян от боли против своей воли крепко сжимал зубы. Рот был закрыт, челюсти плотно стиснуты. Трудно было накормить молодого парня. Тогда дядя Федя брал в руки охотничий нож, вставлял его обух в рот больного и так разжимал стиснутые зубы. В приоткрытый рот вливал немного ухи. Иногда он кормил племянника сырым куриным яйцом.

Передвигаться по раскисшей дороге дядя Федя решил ночью. Дорога подмерзала и становилась крепче. Бык попался крепкий и, как положено этому животному, упёртый. Передвигался по дороге он, не спеша, со скоростью не больше четырех километров в час. А когда возница пытался его поторопить, пуская в дело то прут, то бич, замедлял шаг. Никакие уговоры на него не действовали. Ну, и намучился же лекарь с упрямым! Но на каждом полустанке Фёдор Иванович основательно кормил его сеном. Повозка хоть медленно, но карабкалась вперёд, оставляя за собой километры. Старый, но здоровый

и крепкий бык в сложных природных условиях отрабатывал честно свой корм.

Раненый сжался в комочек и изо всех сил терпел боль. Хорошо, что в каждой деревне жили близкие люди, родственники или просто знакомые, хорошие люди. Каждый раз на остановках при встрече их ждало сочувствие, душевный приём. Тёплая чистая комната в доме, необходимый обед, горячий чай, приятные слова, доброжелательность людей. Господь учит нас: ради ближнего отдай всё своё имение, а если не имеешь чем отдать, то просто посочувствуй своими слезами. Этим воздашь помощь ближнему, укрепишь его сердце.

Спустя три дня трудное путешествие, наконец, закончилось. Вот уже показалось большое село, районный центр Каргасок. По весенним дорогам с тихим звоном и журчанием бежали первые ручейки. Многоголосым радостным хором встречали путников птицы.

В больнице приняли больного и без промедления направили на операцию. Операция была сделана удачно. В конце мая мама оставила все свои дела, нас, ребятишек, и поехала в Каргасок на выписку Клавдияна из больницы. Мы понимали, что это был за человек, наш брат. Ему мы обязаны всем своим здоровьем и самой жизнью. В годы войны он был надёжным помощником нашей маме, единственным кормильцем большой семьи. Но ещё лучше понимала и ценила своего старшего сына наша мама. Через несколько дней они вернулись на пароходе в деревню Пристань, и мы радостно встречали их дома.

К середине лета, когда в колхозе началась сенокосная пора, нашего Клавдияна с дядей Фёдей определили на конные сенокосилки. Брат после пережитой аварии всё ещё пользовался костылями, ведь нога его не совсем зажила, а Фёдор Иванович в давние годы получил увечье и сильно хромал при ходьбе. На сенокосных работах

были заняты все, трудились на лугах несколько бригад. Пора горячая, а рабочих рук не хватало. Вот кому-то в голову и пришла умная мысль создать ещё одну бригаду из двух покалеченных мужчин. Необычная это была бригада: юный парень на костылях и пожилой мужчина со своими странностями. Разные они были не только по возрасту, но по характеру и по отношению к делу.

Клавдиян умел выполнять любую работу, за что бы ни брался он, всё спорилось в его руках. Очень горяч был в деле. Парнишка, быстро повзрослевший, уже отличался повышенной ответственностью. Никогда он не бросал начатое на полпути, завершал даже самые трудные дела, чего бы это ему ни стоило.

А дядя Федя был спокойного невозмутимого характера. Ни одного слова неудовольствия он не выразил, а, наоборот, с энтузиазмом взялся за порученное им бригаде дело. Человек, испытавший условия жизни сибирских крестьян в николаевские времена и познавший тонкости новой колхозной жизни, делал во всякой ситуации свои хитроумные выводы. Обращаясь ласково к племяннику, Фёдор Иванович приговаривал: «Ничего, Каля! Всё утрясётся, всё образуется». И началась у них работа. За их бригадой закрепили лошадей и сенокосилки, отвели несколько сотен гектаров заливных лугов. Им надо было в короткие сроки, пока стояла хорошая погода, выкосить всю траву на отведённой территории. За ними следовала бригада по уборке сена в количестве пятнадцати человек.

Дела пошли совсем не так складно, как было задумано правлением колхоза. Работа дяди и племянника чередовалась с большими перерывами и ненужными простоями. А причина была в Фёдоре Ивановиче, его отношении к делу. Любил он отдохнуть на пригретой солнцем траве, в тенёчке. Любил и подкрепиться.

Фёдор Иванович часто привозил с собой на работу вяленое конское мясо. Это мясо он выписывал в колхозном правлении в счёт будущей зарплаты. Мясо утонувшего случайно по весне жеребёнка хранилось на колхозном складе. Односельчане, хоть и питались скудно, но не жаловали конское мясо, говоря: «Что мы – басурмане какие: употреблять в пищу конину!» А дядя Фёдор не брезговал, поддерживал свои силы на покосных работах вяленным мясом. Так и устраивал перерывы и перекусы после каждого прокоса.

Бывало и такое, что в разгар трудового дня, говорил он племяннику: «Поедем в деревню, наточим машинные литовки на водяном точиле. Заодно заедем ко мне и пообедаем». Надо, так надо. Соглашался ради такого дела Клавдиян. Ехали в деревню. Но сначала направлялись к дому ветеринара. К городьбе привязывали лошадей, давали им свежей скошенной травы, затем шли в дом. Дядя Федя доставал из русской печи чугунок с кашей, и они не спеша ели. После обеда на дядюшку наваливался сон: «Ты, Каля, как хочешь, а я полчаса вздремну». И только часа через два они выезжали к месту своей работы.

Очень волновало такое положение дел Клавдияна. Трудолюбивый честный парень не мог терпеть ухищрения и выдумки своего родственника ради минутки-часа отдыха. Не любил он работать спустя рукава. Огорчало парня и дурная слава об их бригаде. Скошенной травы не хватало, что влекло за собой простые покосников. Началось роптание и недовольство односельчан. Дело дошло до правления колхоза. Сразу после войны за такие обстоятельства и такое отношение к труду по головке не гладили. Это грозило большой бедой. Не без мудрого совета председателя колхоза, Ильи Ипполитовича, вскоре было принято решение о срочном расформировании бригады конных машинистов.

Клавдиян был очень рад поскорее избавиться от своего нерадивого напарника. Стал он трудиться в другом месте. А Фёдор Иванович, как всегда спокойный, похлопывал по плечу племянника и приговаривал: «Не переживай, племяш! Всё пройдёт! Всё спишут...».

Лебяжье озеро

У озера этого красивое и чудное название. Нежное, величавое и загадочное, как из сказки седой старины. Здесь, на этом большом, до двухсот пятидесяти метров в диаметре озере, часто бывали лебеди, оттого и назвали его Лебяжьем.

К тем сокровенным местам, где водится эта птица, где живет она или временно пребывает при длительном перелете из теплых краев, у человека всегда был большой интерес. Места эти необыкновенны, со своими скрытыми особенными признаками. Рядом с нашей деревушкой, в двух километрах от неё, на заливных лугах, было такое озеро.

Во время весеннего разлива озеро поглощалось большим обским половодьем. Бескрайние воды могучей реки окружали озеро со всех сторон. Такие водные пространства назывались по-чалдонски одним ёмким словом «лива». В пору разлива озеро теряло границы, не имело каких-либо очертаний.

Каждую весну на этом озере останавливались лебеди. Стаи были огромные: от тридцати до пятидесяти голов. Птицам-то точно были известны границы этого озера, они безошибочно определяли его среди бесконечного водного простора. Кругом лива, но именно в этом месте после длительного перелета божественные птицы находили место отдыха. Тут для них было в избытке всё: и корм, и отдых, и приют – сама благодать.

Мы, местные жители, ждали прилёта этих красивых величественных птиц. Лебяжье озеро просматривалось издали, и все жители деревеньки каждое утро невольно обращали свои взгляды на радостное гогочущее белое облако на воде. Никогда ни у кого даже мысли не возникло поохотиться на царственных птиц. Мы старались даже не

подходить близко к озеру, чтобы не испугнуть наших любимцев.

Наблюдали за птицами все издалека. Видели мы, как они медленно садились на воду, горделиво и степенно фланировали мимо друг друга, скользили по зеркальной глади озера. Никогда лебеди не набрасывались на пищу с жадностью, а по очереди, с достоинством опускали свои головки в воду. Длинные необыкновенно красивые шеи их в это время были изящно изогнуты. Озеро щедро угощало птиц разными птичьими вкусами. Лебеди находили здесь достойное место для долгожданного отдыха.

Они возвращались домой из тёплых краёв. Перелёт птиц был долгим и трудным. Родное озеро благотворно влияло на их состояние. Они быстро восстанавливали свои птичьи силы. Движения их становились лёгкими, плавными, уверенными. Разговор на птичьем языке становился ликующим, радостным. В голосах лебедей сквозило торжество и уверенность в будущем.

Отдохнувшие и повеселевшие птицы всё чаще стали предаваться развлечениям. Они устраивали парные перебежки по озеру на большие расстояния. При этом лебеди с шумом хлопали крыльями по воде, игриво гнули свои необыкновенно красивые шеи друг перед другом. А потом весело неслись по глади озера на своих красных лапах и вдруг резко останавливались, обдавая своих сотоварищей каскадом водяных брызг. Все это говорило о том, что царственные птицы уже были готовы продолжить своё путешествие.

Однажды тёплым июньским утром проснулись жители нашей деревеньки и не услышали весёлых вскриков больших птиц, не увидели их величественного передвижения по воде. Птицы снялись с озера и отправились по знакомому им маршруту.

По рассказу очевидца этого события отдохнувшие птицы во всей своей красе и блеске белоснежных перьев шумно поднялись и ушли за горизонт. Перед этим они, шурша своими большими крыльями, очертили прощальный круг над нашей деревней. Так они поблагодарили людей за компанию и доброе соседство на Лебяжьем озере. А потом все, как по команде, как будто у них был свой птичий диспетчер, взяли направление на север.

Остановятся они в глухом, труднодоступном для человека месте. Здесь, вдали от посторонних глаз они устроят для себя добротные гнезда. Не на твёрдой земле, а на большой плавающей среди камышей кочке, покрытой мхом и редкими кустами. Такой лебяжий дом достигает размеров обеденного стола для большой семьи. На этой сплавной кочке парочка соорудит основательное гнездо. По краям гнездышка возвышается насыпь до тридцати сантиметров.

В гнездо лебединая парочка отложит яйца. Они очень крупные: одно лебединое яйцо вмещает до двенадцати куриных. Самочка приносит до шести яиц, для сохранения тепла обкладывает их лебяжьим пухом и терпеливо высиживает птенцов.

Живут лебеди только парами. Отношение друг к другу у них – самое любящее и нежное. При потере своей подруги лебедь долгое время издает тоскливые вскрикивания. Он очень печалится и теряет всякую радость в жизни.

Помню ещё с детства, если в летящем косяке лебедей мы замечали вдруг нечётное их количество, то души наши неподдельно скорбели и грустили. У какой-то птицы нет пары, значит, нет смысла жить. В таком случае эта умная птица не находила себе покоя ни на земле, ни в небе.

Вот такие удивительные птицы. Вот такое родное Лебяжье озеро. Мы, сибиряки, дети северной природы, жили в её окружении, понимали, лелеяли и оберегали её. Она нам давала живую радость, воспитывала нас, учила понимать её мудрость и быть настоящими людьми.

Обращаясь к молодым моим читателям, прошу, задумайтесь о сохранении природной красоты! Необходимо нам, ныне живущим, больше создавать таких заповедных мест, где бы полностью запрещалась охота и рыбалка, где бы ограничивалось пребывание людей. Это помогло бы животным жить и множиться в естественных условиях. Пусть не прерывается связь времён. Пусть Лебяжье озеро станет напоминанием о бесконечности нашей жизни. Пусть птицы улетают и возвращаются вновь в родимые места. Пусть продолжается этот веками установленный круговорот в природе. Пусть продолжается жизнь.

Крутой исток

С началом лета разлив реки сдавал свои позиции. Постепенно появлялись береговые очертания озер, истоков, веретей. По мере убывания воды в свои берега входило и Лебяжье озеро. Его со всех сторон окружали заливные луга. Озеро понемногу приобретало свой привычный вид. Берега водоема имели трудный доступ из-за разросшейся грубой травы и топкого ила. Подойти к озеру было трудно.

Настала прекрасная пора короткого сибирского лета. Мы, восьми – десятилетние деревенские ребяташки, собирались иногда гурьбой и отправлялись на Лебяжье озеро. На ходу скидывая с себя всю одежду, с разбега бросались в воду. Она была теплой, как будто специально подогретой. Дно озера было покрыто нетолстым слоем ила. Дно было покрыто зарослями водорослей, среди них водилось множество жучков, улиток, несметное число головастиков – мальков рыб. По большой воде рядом с озером гуляло и откармливалось много рыбы. Какое для неё было приволье! И богатый корм рядом, и водные просторы кругом! А после ухода воды рыба собиралась в Лебяжем озере. Рыбы было так много, что плавая в воде, мы чувствовали, как она щекотала нам ноги. Было весело и интересно. Самое глубокое место в озере ребенку восьми лет доходило до шеи. Бродили мы по всему водоему, барахтались без устали.

Потом, выбравшись из воды погреться, шли по округе и рассматривали всё, что попадалось нам на глаза. Весело и спокойно было нам. Особенно любили мы бывать у Крутого истока. Это был единственный ручеек, который вытекал из Лебяжьего озера. Исток этот имел протяженность немного более километра. Затем он впадал в протоку под названием Ланга. Берега у истока были очень

высокие, до семи метров, крутые и обрывистые. С берега истока можно было разглядеть, как бежит вниз вода.

С незапамятных времен люди знали сокровенную полезность этой воды. У Крутого истока было знатное место рыбной ловли. Сама природа делала подарки людям, проживающим рядом, помогала им.

Дело обстояло так. Вслед за окончанием разлива из Лебяжьего озера по водам Крутого истока в приток Лангу уходила, или, как у нас говорили, «скатывалась» рыба. Начинали движение по истоку осторожные жирные язи. Потом, немного помешкав, «скатывались» несуетливые караси. А вода из Лебяжьего озера всё текла, убывала. Теперь уж засуетились, засобирались уходить рыбки помельче: окуни, чебаки, лини. Позже всех, когда в озере от весеннего разлива совсем не оставалось воды, и оно входило в свои природные берега, спохватывалась и начинала своё отступление хищница-щука. Уж ей-то совсем было трудно передвигаться по едва заметному слабому ручейку истока. Жадной щуке, увлечшейся богатой охотой на озере, приходилось теперь пробираться по истоку с огромными усилиями. Теперь уж эти рыбины не плыли, а ползли по покрытой водой траве. Но они двигались вперёд, их природное чутьё подсказывало, что не так далеко есть глубокий водоём.

Это удачное рыболовное место знала вся деревушка Пристань. Имея такую природную ловушку и не нарушая законов природы, мои земляки без особых усилий добывали сначала язя, потом карася, и так по очереди запасались они всякой рыбой. По ходу истока на уходящую рыбу ставили они ловушку, по-чалдонски «фитиль», или «вентиль». Этой ловушкой рыбаки перегораживали исток, и вся уходящая по течению рыба оставалась в ней. Два-три раза в сутки рыболовы проверяли фитили. Рыбы было много, попадалось до трёх ведер за раз, бывало и больше, иногда

даже требовалось подогнать лошадь, чтобы погрузить богатую добычу. Рыба была крупная, откормившаяся, нагулявшая много жира, очень вкусная.

Односельчане мои прекрасно умели хранить добычу. В те годы электрического света в деревне еще не было, поэтому заготовка впрок граничила с искусством. Так они умели готовить на зиму рыбий жир. Этот продукт хорошо хранился. Слегка подсолённый вытопленный рыбий жир опускали в подполье. Стоял он в стеклянных четвертях, был без осадков, прозрачный и чистый как слеза. При длительном хранении рыбий жир приобретал красивый цвет янтаря. Жир шёл в пищу, имел приятный вкус.

А свежую рыбу сразу же после вылова солили, делали горячего и холодного копчения, а так же сушили и вялили. Рыбу сибиряки запасали и ловили с рассуждением. Каждая семья знала свою потребность. Если и были излишки, то в небольшом количестве. Так Крутой исток снабжал моих земляков полезными и вкусными продуктами питания.

Нёс Крутой исток свои воды в протоку Ланга. Она брала своё начало у большого старинного села Тымск, стоящего на берегу реки Обь. Протока связывала Обь с рекой Тым. Ланга имела протяжённость в пятнадцать километров и была достаточно широкой, метров шестьдесят-семьдесят. Вдоль берега тянулись заливные луга, перелески, заросли кустарника. Полноводная Ланга имела тихое спокойное течение. А летом уровень воды в ней падал, и протока почти вся пересыхала.

Ланга была богата разнообразной рыбой. Главное значение этой протоки было в том, что она во время разлива соединяла собой две великие реки Тым и Обь. Путь для хозяйственных нужд людей становился намного короче и удобнее.

По левому берегу Ланги следовали одна за другой верети, заросшие стройным осинником. Этот осинник на уровне двух метров от земли был сильно погрызен. Кора осины шла в корм лосям. Немало их встречалось в этом месте. Здесь иногда появлялись одинокие охотники. А дальше вглубь шла нетронутая дикая непроходимая тайга. Редко, очень редко бывал человек в этих глухих местах.

Однажды испытал я на себе сложность выживания в этой стороне. Было мне четырнадцать лет. В начале мая, по большой воде, в обласке отправился я на Лангу, прихватив с собой ружье. В этом месте было много сухих незатопленных мест. Я решил набрать яиц диких полевых уток, которых в этих местах было видимо-невидимо. В это время года дома было особенно трудно с продуктами. Вот и отправился я на промысел.

Добравшись до нужного, как мне казалось, места, я сделал несколько волоков, перетаскивая обласок по лосиным тропам, чтобы достичь утинового уголка. Иногда за моей спиной раздавался треск ломающихся веток, и совсем рядом слышались встревоженные шаги лосей и их беспокойный храп. Однажды из-под носа моего обласка выпрыгнула мать-лосиха со своим новорожденным лосёнком. В этот момент моя рука невольно потянулась к ружью. От потревоженного животного всё можно было ожидать. Пробираясь сквозь чащу с постоянным отвлечением на близко находящихся диких зверей, я окончательно потерял ориентир на местности. И тут я понял, что заблудился.

Ни разу я ещё не попадал в такую ситуацию. Скажу только – неприятное это состояние! Почти сутки я выбирался из этого гиблого места, боролся изо всех сил. Кругом непролазная трущоба, залитая водой. Я грёб и грёб веслом мимо деревьев и кустарников, иногда попадая на длинные околки осинника. Лива тоже таила в себе

«ловушки»: на воде встречались такие коварные места, где под водой росла густая жёсткая трава, и обласок мог увязнуть очень крепко. А кругом ни одной живой души! Но я благополучно обходил такие западни.

Наконец, я выбрался из зарослей на водный простор. Но радость моя тут же сменилась очередной тревогой: эта вода была другой, не похожей на обскую! Значит, я оказался на Тыму, далеко от дома. Вот так покрутили меня таинственные места! К счастью, вскоре я повстречал на одном из островов рыбачивших мужчин. Они меня, молодого парнишку, проплутавшего в лесу много часов подряд, продрогшего и испуганного, обогрели, накормили и объяснили, как добраться коротким путём домой.

И вот снова мой обласок скользил по родным водам Ланги. Вскоре я был уже дома, где меня встретили родные: мама, сёстры и брат. Опять передо мной знакомые с детства картины: могучая река Обь, с её бесконечными заливными лугами по берегам, где вдали сияла на солнце чаша Лебяжьего озера и, перебирая травинки, весело бежал ручеёк Крутого истока.

Югины

Василий Сидорович

В пойме сибирской реки Обь с незапамятных времен жили остяки, принадлежавшие к малым народностям Севера. Когда-то по реке Васюган, притоку Оби, проживал род Югиных, пришедший сюда с берегов Тыма.

По воспоминаниям ныне живущего в Томске потомка этого древнего остяцкого рода, Николая Алексеевича Югина, в семье их сохранилась упоминание о его прадеде, которого звали Василием Сидоровичем. Рождён он был в 1800 году и прожил долгую жизнь – 114 лет!

Извечным занятием представителей рода Югиных были охота, рыбалка, сбор грибов и ягод. Хоть и сурова сибирская тайга, но людей, живущих здесь, она одаривала щедро. Благодарная за единение с ней, за почитание её, она дарила людям здоровье, многолетие и радость жизни.

Живя бок о бок с природой, будучи её частью, они искренними своими душами чувствовали каждое её движение и воспринимали её, как живой организм. Голоса и пение птиц, следы больших и малых зверьков – всё шло в разумение подлинных хозяев тайги. Сказочной была природа. Спокойной размеренной была жизнь людей, не тронутых цивилизацией и техническим прогрессом.

Патриарх рода Югиных, Василий Сидорович, прожил замечательную жизнь, привычную для людей того времени и тех мест. Он был наделён от природы отменным здоровьем, имел большую дружную семью, много трудился и заботился о домочадцах.

На высоком берегу Васюгана построил Василий Сидорович большой жилой дом. На месте их стойбища впоследствии выросла деревня Старо-Югино.

У Василия Сидоровича родился сын Иван, продолжатель рода Югиных. Батюшка его, Василий Сидорович, человек степенный и неторопливый, умелый и хваткий в промысловом деле, научил наследника всему, что умел сам.

Жизнь на берегу Васюгана, в сибирской глубинке, Василий Сидорович никогда бы не назвал каторжной, беспросветной. Да, она требовала от него много трудов, постоянной заботы о хлебе насущном. Природа давала ему возможность интересных наблюдений, дарила радость, позволяла тихо любоваться её красотой, никогда не оставляла голодным, продлевала годы жизни.

Люди того времени, не зная болезней, жили сто и более лет. Если иногда и приходили в их голову мысли о своей кончине, то знали они, что не прекратятся их любимые занятия. На смену им придут их дети и внуки – люди искренне, честные, лишённые лукавства, и долго будут заниматься они теми же ремеслами, что и их предки.

Потомки Югиных тепло вспоминают своего прадеда, жившего много-много лет назад. А особо хранят память о сыне Василия Сидоровича, своём деде, Иване Васильевиче.

Иван Васильевич

Родился Иван Васильевич Югин в 1852 году в родовом стойбище, в доме, выстроенном ещё его отцом. Молодым парнем Иван взял себе в жёны девушку из соседнего остяцкого рода. Звали её Авдотьей, Евдокией Максимовной. Родились и подросли дети, которым надо было передать все жизненные секреты, преподать уроки охотничьего и рыбацкого ремесла.

Вся жизнь Ивана Васильевича и исконно остяцкие промысловые занятия были тесно связаны с родовыми старинными традициями. Прожил этот славный человек на васюганской земле 104 года.

Мудрый от природы, он многое повидал в этой жизни: знал Иван Васильевич и старый добрый порядок, сложившийся веками уклад, и замечал разительные изменения с приходом новой власти.

Многое из прошлой жизни Иван Васильевич сумел донести своим детям, а потом и внукам. Он рассказывал, что в середине XIX века Васюганье было малонаселённым. Аборигены жили в небольших поселениях родами. Стойбища сородичей стояли далеко друг от друга. Располагались они так, чтобы каждой семье-роду хватало охотничьих угодий, богатых рыбой мест. Остяки старались не нарушать эти негласно установленные границы.

Можно было весь день грести веслом в обласке, в совершенной божественной тишине передвигаясь по воде, и не встретить ни одного человека. Редко - редко по берегам можно было заметить стойбище. Вот стелется сладкий пахучий дым из трубы жилища или от костра походного стана, значит, есть тут живая душа. Отдельные стойбища часто состояли из одной-двух жилых избушек-карамо. Жизнь аборигенов была замкнутой на родовом общении, поэтому говор остяков, живущих в других стойбищах в ста – ста пятидесяти километрах друг от друга, значительно отличался.

А места, где обитал род Югиных, как рассказывал Иван Васильевич, были богатейшие. Очень много рыбы было в реке и озёрах. «Бывало, – рассказывал дед, – едешь в обласке, а он не скользит по воде, а как-то чудно тормозит. Слышится скрип от соприкосновения лодки с рыбой, будто она движется по осенней шуге (подмёрзшим пластинам льда, измельчённого течением реки). При каждом взмахе весла выносит поверх воды одну-две рыбины. Ловким движением подхватываешь их и так наполняешь обласок рыбой».

С приближением осенних заморозков в семье Югиных начинали готовить рыбу впрок. При этом учитывали не только членов семьи, но и живущих с ними

ездовых и промысловых собак. Их было много: до десяти взрослых особей и до пятнадцати щенков и подростков.

Всю рыбу: метровых щук, крупных язей, карасей и окуней разных размеров – укладывали в большие поленницы в просторном сарае, находившемся рядом с домом. На зиму необходимо было до пяти таких рыбьих полениц, каждая из которых достигала шести метров в длину и двух метров в высоту.

Иван Васильевич Югин в день выборов,
1952 год, в год своего столетия.

Проворная хозяйка, жена Ивана Васильевича, Авдотья делала много заготовок из рыбы, припасая их на всё время охоты. Она варила свежую рыбу, выносила уху на мороз и разливала её по чашкам. Готовое съедобное варево превращалось в ледяные брикеты. Находясь на промысле, Иван Васильевич сам питался ими и кормил своих четвероногих помощников, целую свору собак.

Свой быт Иван Васильевич и Евдокия Максимовна обустроивали без затруднений, просто, умеренно. Они считали, что им всего хватает, большую тягу к чему-либо просто не имели. Все греховные страсти в их душах отсутствовали и не имели даже зачатков.

Но времена понемногу вносили свои изменения и в жизнь сибирских аборигенов. Помнил Иван Васильевич, когда впервые появились в их краях заезжие русские купцы, которые привезли с собой разные хозяйственные товары. У местных жителей денег никогда не было, потому что в них не было необходимости. Рыбаки и охотники Васюгана не понимали их назначения, не знали, что с ними делать.

Дед Иван помнил, как происходила купля-продажа ружья, самой нужной вещи в доме сибирского охотника. Купец ставил перед остяками ружьё и предлагал рассчитаться за него пушниной. Охотники несли в обмен шкурки соболей великолепной выделки. Купец, пользуясь наивностью и бесхитростностью аборигенов, просил за ружьё столько шкурок соболей, чтобы куча из них была по высоте равна длине ствола покупаемого ружья. Конечно же, купцы откровенно наживались на доверчивости таёжных людей.

Так, крадучись, к селениям остяков подбиралась неумолимая цивилизация. Но были и полезные моменты от соседства с русским населением, появляющимся на васюганской земле. Местные жители, от природы здоровые, добродушные и смекалистые, продолжая жизнь по уставам

предков, с любопытством присматривались к делам пришлых людей. Так же как и у русских, в хозяйствах остяков стали появляться домашние животные. Вскоре во дворе Ивана Васильевича содержалось до десяти коров и немало лошадей.

В зимнее время он, как и его соседи-русские, стал снаряжать конные обозы в Томск. Собранные и обработанные сородичами дары природы он поставлял в город. Семье приходилось много трудиться, поэтому торгово-обозные дела у Югиных шли хорошо. Благосостояние рода Ивана Васильевича выросло.

Прошли многие годы. Дом, в котором жила семья Югиных, пришёл в упадок. Под руководством Ивана Васильевича заготовили лес. Четыре года он пролежал в штабеле для выдержки. Вскоре на берегу Васюгана, на месте старого дома вырос новый. Рядом с домом соорудили скотные дворы, всевозможные хозяйственные помещения.

Дела семьи шли в гору. Со временем Иван Васильевич стал нанимать на работу свободных от своих охотничьих занятий собратьев из других стойбищ. Они помогали хозяину в содержании домашнего стада и сопровождении рыбных и пушных обозов. Работники всегда получали вознаграждение и щедрую помощь от хозяев. Питались они за одним столом с семьёй Ивана Васильевича.

К тому времени сибирские остяки были обращены в православную веру. У многих из них в жилищах были иконы. Васюганские остяки были приписаны к Каргасокской церкви.

Но старые, заложенные веками национальные традиции Иван Васильевич старался не нарушать. Внуки рассказывают, вспоминая, как их дед Иван в зимние вечера, сидя возле печи, вырезал ножом из дерева очередного остяцкого божка. Это делалось тихо и спокойно, не на

показ, без явной огласки, а в память о давно ушедших из этой жизни предках.

Иван Васильевич по-своему искренне придерживался православного исповедания, как и все его собратья, чистым сердцем был связан с Создателем.

На протяжении всей Великой Отечественной войны Иван Васильевич, у которого сын Алексей был на фронте, стоял в молитве перед образом Спасителя. Каждый воскресный день девяностолетний старик-остяк, гладко причёсанный, в чистой рубахе, неотступно молился. Не зная слов молитвы, шептал он что-то губами, славил и просил Бога сохранить жизнь единственного сына, наследника старинного остяцкого рода. Чем продолжительнее было молитвенное стояние, тем ближе была духовная связь его с Всевышним.

Сын Ивана Васильевича Югина
Алексей Иванович Югин и его жена Родикова

Внуки вспоминают, как был рад старик возвратившемуся с войны Алексею. Глубокой сердечной молитвой возблагодарил он Господа за милость к нему и всему роду Югиных.

Внучка Ивана
Васильевича Югина
Капиталина

Был и такой случай, о котором помнят внуки старого мудрого остяка. Однажды по причине какого-то праздника собралась вся семья за одним большим столом. Родные люди радовались встрече. В доме царило всеобщее оживление, велись семейные разговоры. В конце ужина Иван Васильевич тихонько отвёл в сторонку от посторонних глаз свою внучку Пану. Глаза старика были полны слёз.

– Что случилось, деда? Почему ты плачешь? – встревожено спросила девочка.

– Знаешь, внученька, было мне откровение, что ты уйдёшь из жизни в семнадцать лет, – ответил дед Иван и расплакался.

Давно уж нет любимого деда на свете, а его внучка, которая перешагнула восьмидесятилетний рубеж, сокрушённо вспоминает, что дед не ошибся в своих предсказаниях. Спустя несколько лет после этого разговора умерла совсем юной, в семнадцатилетнем возрасте, её двоюродная сестра, которая тоже приходилась внучкой Ивану Васильевичу. Старик, видимо, был так потрясён, что в его пророчество закралась ошибка.

Не обходилось в жизни старого остяка и без курьёзов. Однажды в дом Югиных пришла деревенская фельдшерица – женщина молодая, неунывающая, полная сил.

– Деда, Вы уже в преклонных годах, поэтому Вам назначен лечебный курс. Снимите рубашку, я поставлю вам укол.

– Ну что ж, надо так надо.

Дед разделся по пояс и, подогнув калачиком ноги, уселся на кровати, на которой коротал свои ночи. Сидел он в удобной для него позе, повернувшись спиной к фельдшеру.

Молодая женщина развернула свой ридикюль, достала шприц и приступила к работе. Вскоре старик стал осознавать, что время, назначенное на процедуру, по каким-то причинам затягивалось, но продолжал терпеливо сидеть.

А молодая фельдшерица в это время была в панике! Иглы одна за другой ломались. Она прибегла ко всяким медицинским ухищрениям, но поставить укол так и не смогла.

В соседней комнате бегала и шумела озорная детвора. Что-то неладное происходило с их дедом, начинали соображать они, что-то невероятное, коли запомнили они этот случай на всю жизнь.

От длительного сиденья в одной позе дед почувствовал неловкость, неудобицу и обратился к медику:

– Доченька, наверное, скоро закончишь?

– Дедуля, скоро. Осталась ещё одна игла, – промолвила она в глубоком смущении, но и последний укол сделать не смогла.

– Простите, миленький! Не смогла я справиться. Уж больно толстая у Вас кожа!

Да. За сто лет постоянной работы огрубело тело у старого человека. Люди такого жизненного склада были в постоянном движении, мало обращали внимания на своё тело, а вот то, что внутри берегли от всяких влияний и стихий. Совесть, ум и саму душу содержали в чистоте, в правильном устремлении.

Как-то незаметно промелькнули года. Жизнь старика Югина прошла рядом с коллективизацией, образованием леспромхоза на когда-то тихих берегах Васюгана, увеличением числа жителей в их большом уже селе. Самому Ивану Васильевичу перевалило уже за сто лет.

Он уступил свой дом семье многодетного сына Алексея, а сам построил для себя недалеко от Старо-Югино маленькую избушку. Домик имел одно небольшое окно, внутри стояла крохотная печка. Высокое живописное место, где обосновался дед, было хорошо знакомо ему с детства. Здесь располагались два озера: Окунёво и Карасёво. Озёра были богатые, рыбные.

Дед Иван ловит рыбу, перерабатывал её по старым остяцким рецептам, занимался охотой. Таким привычным способом он снабжал многочисленную семью Югиных продуктами, будто из большой кладовой брал их. Любил

дед это своё последнее стойбище, остатки уходящего уклада жизни. Тихо и мирно было ему здесь.

Но однажды летом во время разлива реки произошла в селе Старо-Югино большая беда. С огромной скоростью на селение надвигался пожар. Шумел огненный ветер, трещал и выл лес, как лучины, падали деревья. Пожар угрожал своей мощью поглотить деревню.

В одном из домов находился парализованный мужчина. Обездвиженным был он давно. Узнав о беде, грозившей всему живому, он умолял земляков вынести его из дома. В руках мужчина держал старинную икону «Неопалимая Купина». Его положили на носилки и три раза пронесли вокруг дома. Больной без устали шептал слова молитвы. Когда жители завершали третий круг с больным и иконой, всепожирающий огонь резко остановился и стал утихать. Через некоторое время огонь повернул в противоположную от села сторону. Люди, поражённые увиденным чудом, со слезами на глазах прикладывались к иконе, целовали её, благодарили Бога за милосердие и благодать. Перепачканные, в слезах, с трясущимися руками и ногами, они воочию убедились в живой Его помощи.

Немного придя в себя, односельчане вдруг вспомнили о старом человеке из племени Югиных. С инструментами и вёдрами бросились они в сторону озёр Карасёво и Окунёво, куда двигался пожар. Что сейчас с дедом Иваном? Живой ли? А, может, держит оборону? Два километра мчались люди без передышки, спеша на помощь.

Вот уже показалась избушка деда, она вся в огне пожара. То здесь, то там падали деревья. Огонь понемногу шёл к угасанию. Люди окружили догорающую избушку. Что же с дедом? И тут раздался радостный крик:

– Сюда! Ко мне!

Недалеко от горевшего домика, под большой корягой, вывернутого вверх корнями дерева, скрывался Иван Васильевич. Ещё утром дед почувствовал неладное. Ветер и пожар налетели мгновенно. Деда покинуло спокойствие, он засуетился. Одно горевшее дерево упало на избушку. Старик успел спрятаться. Ружьё он захватил с собой, а вот патроны – не успел. Из горящей избушки стали раздаваться выстрелы, это патроны, охваченные огнём, нагрелись и стреляли. На глазах старика его жилище рухнуло, а Иван Васильевич пережил стихию. Об этом пожаре потом дед рассказывал своим многочисленным внукам.

Евдокия Максимовна

Хранят они, ныне живущие на Томской земле потомки рода Югиных, в своей памяти воспоминания о своей дорогой бабушке Авдотье, Евдокии Максимовне, супруге Ивана Васильевича.

Родилась Авдотья в 1848 году в соседнем от Старо-Югино стойбище остяков. Она прожила большую жизнь, полную трудов и забот о своей семье. Покинув этот мир в 90 - летнем возрасте, Евдокия Максимовна была надёжной хранительницей добрых традиций своего рода.

Воспитанная в постоянном труде, она умело выполняла всю женскую работу по дому, могла так же, как и мужчины её рода, рыбачить, и на охоту сходить, добыть дичь и крупного зверя. Всё умела делать, но особо отличалась Евдокия Максимовна своим рукоделием.

Морозными зимними вечерами она занималась выделкой пушнины. Из великолепного меха изготавливала женщина добротную одежду для всей семьи. Умело шила она шапки, рукавицы, дохи, унты и много других нарядов. Все члены её семьи носили эту красивую, крепкую и тёплую одежду.

Место старого дома Югиных

Правнуки Ивана Васильевича Югина

Сородичи, живущие в соседних стойбищах, обращались к ней за помощью по пошиву вещей. Она никогда никому не отказывала. Часто зимой приезжали к ним домой и русские, просили принять заказы, уговаривали. Нередко они приглашали Евдокию Максимовну для работы пожить в их домах, где создавали для мастерицы хорошие условия.

Авдотья и Иван мечтали о том, что в их семье будет много детей. В 1884 году у них родилась дочка Екатерина. Наследника древнего остяцкого рода Юдиных, о котором супруги горячо молились, Господь им дал к преклонным годам. Долгожданный сын, названным Алексеем, родился в их семье, когда Авдотье Максимовне исполнилось 63 года. Сын да дочь, милы детки, выросли здоровыми, крепкими, трудолюбивыми и добрыми. Скоро они создали свои семьи. Пошли внуки. Забот у бабушки Авдотьи прибавилось. Она, несмотря на свои годы, ловко управлялась с домашними делами, воспитывала внуков.

Они рассказывают, как однажды восьмидесятилетняя бабушка Авдотья занималась своими делами в домашней ограде. Дело было в августе месяце, когда царствующая глухарь-птица вылетает из тайги с одной лишь задумкой: побродить по песчаным косам рек, по земле, чтобы найти небольшие камешки и заглотнуть их. Нужно это глухарю, чтобы с помощью камешков в зобу легче перерабатывалась, перетиралась пища.

И вот вздумалось глухарю погулять по двору, где хлопотала Евдокия Максимовна. Она увидела, как тяжёлая сверкающая нарядными перьями птица приземлилась посреди ограды. В одно мгновение эта юркая женщина развернулась и бросилась в сени своего дома, чтобы схватить стоявшее там заряженное ружьё. Через секунду раздался выстрел. Глухарь нашёл то, что искал. Прошло полчаса, и тяжёлая жирная птица лениво переворачивалась

в кипящей воде. Аппетитный запах вкусной еды разливался по всей ограде дома, не спеша плыл за околицу, приглашая домочадцев к обеду.

Вспоминалось Евдокие Максимовне, как в начале 30-ых годов XX века на берега Васюгана на тяжёлых баржах стали прибывать в огромном количестве люди с большой земли, из центра России. Везли их против воли, туда, куда они не хотели ехать. Привозили людей под конвоем и высаживали на необжитой, дремучий сибирский берег. Трудно обживался высланный в наш край народ. Местные жители, у кого горело сердце, не отказывали горемыкам в помощи. Евдокия Максимовна, хоть и имела свою многочисленную семью, но помогала страждущим, чем могла: делилась продуктами, одеждой, маломальской посудой.

А бывало и так. При подходе баржи не подавали трапа. Не следовала команда «выходи». На середине реки конвоиры открывали внутрь люки, и баржа постепенно заполнялась водой. Находящиеся в трюме люди сначала не понимали, в чём дело. Но потом приходило ужасное осознание того, что они гибнут заживо! Запертые в металлической могиле они хором, в едином порыве пели христианские молитвы. Обречённое судно медленно шло ко дну. Ужаснее зрелища представить нельзя!

Местное население, наивные люди, чистые душой, веками жившие в этих краях, становились невольными свидетелями неслыханной трагедии. Люди далеко бежали от такого места, ада на земле. Не понимали они ничего, не укладывалось у них в голове то, что они видели своими глазами.

А жить-то надо было дальше. И прожила Евдокия Максимовна, уроженка Васюганской земли, честную и бесхитростную свою жизнь. Природная её доброта, трудолюбие, привязанность к своей малой родине и своей семье делали эту женщину поистине благословенной.

Алексей Иванович

Сын Евдокии Максимовны и Ивана Васильевича Югиных, Алексей, родился в 1912 году.

Прошло спокойное тихое детство мальчика в окружении близких людей, нежно любивших своего долгожданного сына. Его отрочество совпало со становлением новой власти в стране. По достижении призывного возраста Алексей был направлен на службу в Красную армию. Четыре года длилась воинская повинность. За это время молодой человек приобрёл военную специальность.

Вернулся солдатик в свои родные края и вскоре женился. В жёны Алексей взял Валентину, остячку из маленькой деревушки Подыкушка, что стояла на крутом берегу Оби. Добрая, послушная, полная сил девушка была под стать бравому Алексею.

Жили молодые дружно, спокойно. Один за другим родились дети. Семья разрасталась, и хлопот прибавилось: растить детей, трудиться, выполняя привычную деревенскую работу. Во многом сыну помогали престарелые родители.

Но вскоре грянула Великая Отечественная война. Сборы были коротки. И Алексей Иванович, представитель старинного остяцкого рода Югиных, ушёл воевать с врагами, освобождать от их нашествия свою страну.

Многие его сородичи оказались в рядах защитников Родины. Особые черты характера сибирских остяков: природная выносливость, терпение, зоркий взгляд и умелое владение оружием – выдвинули этих людей на передовую огня. Из этих воинов-сибиряков создавали снайперские и разведывательные отделения.

В начале осени 1941 года рота, в которую входил Алексей Югин, прибыла на передовую позицию. Новобранцы сразу же вступили в бой. Бой был неравным,

жестоким, беспощадным. Рота несла тяжёлые потери. Вскоре Алексей понял, что в живых остались только двое: он и его товарищ. Враг оказался совсем рядом.

Алексей стал убеждать своего товарища схорониться на время где-нибудь, переждать, пока фрицы скроются из вида. Но сослуживец не слушал советы Алексея и с оружием ушёл вперёд. Через несколько минут рядом раздались выстрелы. Алексей понял, что он остался один.

Солдат вмиг отыскал небольшую яму, прикрытую куском железа. Здесь и укрылся от врагов Алексей. Яма была наполнена холодной водой. Но солдатик тихо лежал, притаившись, потому что совсем рядом слышал немецкую речь.

Больше суток хоронился он в холодной воде. Под покровом ночи вышел боец из своего убежища и взял направление в сторону наших войск. Хорошо ориентируясь на местности, вышел точно в расположение советской части. Здесь солдата, вышедшего из боя живым в одиночку, строго допросили. Все сведения совпадали с реальным положением дел на боевых позициях. Снова встал в строй солдат Югин.

На протяжении войны три раза приходила домой, Евдокие Максимовне и Ивану Васильевичу, зловещая похоронка, извещающая о гибели любимого сына. Но назло всем смертям пришёл Алексей с войны. А как он воевал, за него говорили его боевые награды.

После войны у Алексея Ивановича умерла первая жена, оставив его вдовцом с четырьмя детьми. Женился он во второй раз на молодой русской женщине, Родиковой Евдокие Александровне. Она родила ему пятерых славных детей. Евдокия Александровна была на 12 лет моложе своего мужа. Но во время войны женщина тоже хватилась лиха: выполняла тяжёлую мужскую работу – была

рыбачкой на Васюгане. Весь улов сдавала в колхоз, в пользу государства, своим трудом помогала стране и армии. Рассказывала она, как бывало, поставит две сети в воду, рыбы наловится столько, что обласок загружался полностью. Тогда она ставила сеть снова, а рыбы добывала не меньше. Работала без отдыха и сна, как и остальные односельчане, чтобы помочь фронту.

После войны Алексей Югин устроился работать киномехаником. Вдвоём с напарником-фронтовиком ездили они с показом кинофильмов по всему Васюгану. Недолгой была жизнь Алексея Ивановича Югина. Тяготы войны, ранения дали о себе знать. А в большей степени на здоровье Алексея повлияла смена образа жизни. Уходил в прошлое естественный союз человека и природы, в котором жили и трудились его славные предки. Покинул этот мир Алексей Иванович Югин в возрасте 48 лет, дав жизнь девятерым детям.

Потомки Югиных

Продолжается древний род Югиных в детях и внуках Алексея Ивановича. По современным меркам у них всё сложилось хорошо. Они успешно учились в школе. Повзрослев, получили те профессии, которые им нравились. Своим трудом приносили пользу современному обществу. Но тот образ жизни, которым издавна жил замечательный древний род Югиных, был оставлен. Даже предано забвению общение между собой на исконно родном языке, утрачены зачатки своего национального наречия. Новая жизнь диктовала свои законы.

Вот и Николай Алексеевич, один из сыновей Югиных, отслужив в армии, посвятил себя службе в милиции. Всю жизнь имел он увлечение, которое было отголоском добрых таёжных традиций, дававших его предкам и пропитание, и одежду и смысл жизни. Это

увлечение связывало Николая тоненькими нитями с прошлой славной жизнью деда и прадеда. Николай Алексеевич был заядлым лыжником, будучи молодым, участвовал в соревнованиях. Став старше, не расстался со спортом, продолжая быть в первых рядах участников традиционных забегов «Томская лыжня» и болельщиком других состязаний.

Николай Алексеевич поддерживает тесную связь со своей восьмидесятилетней сестрой Прасковьей Алексеевной, которая проживает в городе Северск. На протяжении многих лет она трудилась в сфере культуры, занималась развитием самодеятельности среди молодёжи.

Дети Николая Алексеевича, молодые, здоровые, красивые мужчины живут на берегу реки Кеть, в Верхнекетском районе Томской области. Как и все потомки крепкого рода Югиных, они отошли от многовековых занятий своих предков.

В жизнь и быт остяков, этих детей природы, глубоко проникла безжалостная цивилизация. Она лишила их самобытности. Давно уже не общаются они с природой, как с родной матерью, не понятным им стал её язык.

Но остались в них, потомках сибиряков-остяков, честность и трудолюбие, открытость и доброта, терпение и уважение ко всем людям. Хранят они в золотой своей памяти светлые образы своих мудрых добрых и славных предков, передают своим детям и внукам эти воспоминания, сохраняя зёрнышки той жизни, которую любили и берегли деда и прадеды Югины.

Медвежий мыс

Каргасок – старинное село на севере Томской области. Упоминание об этом населённом пункте Сибири относится к середине XVII века. Располагается оно на левом крутом берегу реки Обь. Начало своё современный районный центр Каргасок берёт от деревеньки Еловка, которая позже стала называться Пристанью.

Слово «Каргасок» с селькупского языка переводится как «медвежий мыс». Аборигены медведя называют словом «карга», а «мыс» на их языке звучит как «сок». Не напрасно в стародавние времена сметливое население назвало это место в честь «хозяина тайги». Видимо, немало здесь водилось медведей, этих сильных и грозных животных.

Глухие сибирские леса были пристанищем многочисленного мелкого и крупного зверья. Извилистые таёжные реки и речушки, бесконечная череда больших и малых озёр, истоков и протоков становились местом обитания многочисленных косяков разнообразной рыбы, прибежищем диких птиц. Сытно и привольно было животным в этом благословенном краю. Полноводная и могучая река Обь рассекала эти дивные места надвое и хранила под своими толщами ценные запасы рыбы осетровых пород.

Сплошной стеной в пойме реки стоял вековой кедрач, хвойный лес, нетронутые берёзовые рощи. На грибах и веретях красовались сплошные заросли стройного осинника. В весеннее половодье приходила большая вода и до половины лета держалась на очень высокой отметке, питая в округе лес, прибрежные заливные луга, обновляя речки и озёра, давая возможность многочисленной рыбе иметь богатый корм.

На многие тысячи километров простиралась величественная дремучая тайга. Фантастические просторы севера Томской губернии до сих пор поражают воображение своими гигантскими размерами.

Но это был безмолвный и безлюдный край. Людей на этой территории проживало очень мало. Изредка вдоль рек встречались стойбища селькупов. Где-то далеко, по глухим уголкам этого необъятного края, передвигались с места на место кочевники-ханты.

По промыслу Божьему богатые эти просторы были присоединены к России. С началом освоения Сибири сюда, в эту дремучую тайгу, стали добираться пришлые люди. Новые земли манили их, пытливых, сильных духом, физически крепких. Сюда стремился народ из центра России в поисках лучшей доли.

Дорог здесь не было. Единственной магистралью была могучая полноводная река. На земле этой, называемой ныне Каргасокским районом, первопроходцы не задерживались, не находя себе здесь пригодных для жизни мест. Причин для этого было предостаточно. Пахотной земли здесь почти не было. Её невероятными трудами пришлось бы отвоёвывать у нескончаемых лесов. Передвижение кое-где возможно было на лошадях да на обласках. Зимой пугали путешественников устойчивые жестокие морозы. В тёплое время года докучали огромные полчища гнуса.

Все эти трудности пришлось преодолеть тем людям, которые оказались волею судьбы загнанными в этот медвежий угол. После церковного раскола на Руси пришли сюда люди старой веры. Затем появились добровольные переселенцы с Русского Севера, Удмуртии, Мордовии, Дона и других мест. Позднее сюда на поселение отправляли людей, провинившихся перед царём и законом. Первозданная природа навечно скрывала истории прибывших в Сибирь людей.

Пришлый народ, чтобы выжить здесь, вынужден был приспособливаться и к суровому сибирскому климату, и научиться корчевать многовековой лес для расчистки земли под пашни, огороды, покосы, и перенять навыки охоты и рыбалки у аборигенов. По берегам Оби – матушки стали расти поселения, заимки, деревни. Выживали в трудных условиях немногие, но оставались здесь – сильнейшие. Постепенно складывалась новая многонациональная общность людей, которых впоследствии стали называть сибиряками. Край пушных зверей, таёжной дичи, различной рыбы, лесной и боровой ягоды и грибов, кедрового ореха стал раем для людей, которые умели много и честно трудиться, были здоровы духом и телом.

Неоглядные просторы, личная свобода, роскошь природы влекла их, давали возможность стать самостоятельными хозяевами, владельцами таёжных богатств. Постепенно сложились устойчивые крепкие хозяйства. Благополучие это добывалось только каждодневным честным трудом.

Работающий народ имел хороший достаток. В своих хозяйствах люди трудились честно, не знали отдыха. Но жили размеренно, степенно, все сезонные работы сверяли с природными часами и приметам, накопленными ни одним поколением. Дела ладились. Семьи были боголюбивыми, многодетными, крепкими, их хозяйства – зажиточными. Немногие в сибирских деревнях бедствовали. Немошным и одиноким помогала община. А плохонько жили только ленивые.

Здесь, вдалеке от царской и губернской властей местные жители устанавливали свои общинные законы.

Жизненные устои и семейный уклад опирались на веру православную, законы чести и совести.

Сложные и важные дела сибиряки рассматривали общиной, решения принимали совместно. Все строго придерживались договорённостей или обещаний, обман и лукавство строго наказывалось местными жителями. Здесь царили законы добрососедства, взаимопомощи, взаимовыручки и соблюдения негласно установленных границ владений. Законы нравственности и морали в деле воспитания молодого поколения преобладали над всеми другими. Нравственное здоровье людей было на первом месте. Опиралось оно на православные традиции и особое отношение к труду, наличие даже у малых детей своих обязанностей. В сибиряках отсутствовала тяга к стяжательству, накоплению богатства недобросовестным путём, они жили надеждой на своё трудолюбие и на милость Божию.

В мире и достатке жило несколько поколений благословенных этих мест. Здесь появлялись всё новые и новые посёлки и сёла. Живущие в них люди славили сибирскую землю своим трудом, самые лучшие свои качества проявили они и во времена грозных испытаний для своей страны.

Когда в 1812 году пришёл Наполеон на русскую землю, в Каргаске состоялся обычный сход жителей. На нём от общины были выбраны молодые парни для похода на войну. Проводили сибиряки новобранцев на ратный труд с почётом, а сами, молясь за них усердно, занялись повседневными делами, заботясь о будущем. Не было у них сомнений в благополучном исходе войны, знали они, что враг будет разбит и изгнан за пределы России.

Сибирский пехотный полк был в подчинении князя Багратиона. Во время Бородинского сражения фельдмаршалом Кутузовым был отдан приказ стоять сибирякам насмерть, сдерживая натиск французов. Приказ был безоговорочно выполнен. Но в горячке боя

сибирскому полку удалось перейти в наступление. Врага невероятными усилиями потеснили, а полк таял на глазах. Михаил Илларионович Кутузов спешно отдал приказ: «Вернуть сибиряков назад!» Князь Багратион бросил на подмогу томским пехотинцам сильное подкрепление. Каждая минута была дорога! Сражение было выиграно русскими, но от сибирского полка осталось двенадцать воинов. Потери с обеих сторон были столь велики, что в некоторых местах сражения на Бородинском поле слой погибших русских и французских солдат, а также трупов лошадей достигал 8 метров! Немногим посчастливилось остаться в живых. Среди них были и каргасокские воины. Вернулись они домой через 25 лет, когда в родном краю их уже никто не чаял увидеть. Один из них был по фамилии Волокитин, а другой – Нестеров. Потомки этих воинов и поныне живут в Каргасокском и соседних районах. Названия некоторых сибирских сёл и предместий произошли от их фамилий. Из воспоминаний этих славных воинов земляки узнали, как отважно сражались каргасокские парни против Наполеона.

Мелькали годы, уходили в прошлое века. А сибирский край развивался и креп. Здесь всё было мирно и спокойно, но далеко отсюда, в сердце страны, уже бушевали революционные страсти, зрела война со своим народом.

Не обошла беда стороной и Сибирь, вскоре и здесь стала меняться жизнь. С приходом новой власти была объявлена война частной собственности, которую она считала корнем всех зол. Появились колхозы: из 159 деревень было организовано 120 колхозов, в которые насильно сгоняли всех. Всё взрослое население становилось трудовой силой коллективных хозяйств. Домашних животных из личных подворий перегнали в колхозное стадо.

Новая власть стала бороться с крепкими хозяевами, думающими ответственными мужиками, видя в них угрозу и называя их «врагами народа». Большинство мужчин было арестовано, сослано на Колыму. Судьба их была незавидной, а семьи их, лишённые всего имущества, влачили нищенское существование.

В 30-ые годы XX столетия, во времена массовых репрессий, население Каргасокского края значительно выросло за счёт людей, осуждённых новой властью по политическим статьям. Спецпереселенцы, так их называли, автоматически пополняли ряды колхозников – бесплатных и бесправных рабов Советской власти. Сибирь стала для них большой тюрьмой, местом лишения свободы без оков и решёток.

В колхозах жилось очень трудно. Работа с утра до ночи, без отдыха. За тяжкий труд колхозники не получали оплаты. Денег они никогда не видели. Расчет был условным, за выполненную работу начислялись так называемые «трудодни». Паспортов у колхозников на руках тоже не было. Без документов они не имели права покинуть колхоз, перебраться на другое место жительства. Сибиряки, никогда не знавшие крепостного права, по сути, стали государственными крепостными.

Колхозная беспросветная жизнь: с её бесправием, изнуряющим физическим трудом, необдуманными решениями высшего начальства, завышенными планами, растущими требованиями – привела к истощению терпения и сил сельских жителей. Они видели большие недостатки в колхозной жизни, не имели личной заинтересованности в результатах коллективной работы.

Труд крестьянина не ценился никем. Лишённые всяких прав и самостоятельности, сельские труженики теряли рвение и интерес к работе. Колхозы привели к искоренению извечно уважительного отношения российского человека к труду.

Пропасть стала разделять сельскую сибирскую глубинку и город. Государство не заботилось об улучшении жизни крестьянства, а колхозы не имели на это средств. Колхозники осознавали, что в городах рабочие имели законные выходные дни, получали заработную плату, жили в лучших бытовых условиях. Всякими правдами - неправдами сельские жители покидали деревню. Здесь остались немощные старики и те, кому некуда было уехать.

К тому времени и государство признало многие колхозы убыточными, подводило к их ликвидации. В 50-ые годы XX столетия по всей стране исчезли с лица земли сотни тысяч деревень. Покинутые жителями навсегда, заброшенные населённые пункты навеки вечные ушли в историю. Только в архивных документах осталось упоминание о тех многочисленных деревнях, которые исчезли с карты Каргасокского района. Заросли дремучими лесами места, где когда-то жизнь была ключом, селились люди, любящие свой край, умеющие честно и плодотворно трудиться. К концу 60-ых годов в районе осталось чуть более 20 населённых пунктов. Деревня обезлюдела.

Годы коллективизации и другие опыты над ней нанесли серьёзный урон нравственности сельского человека. Ушёл в небытие многовековой патриархально-православный уклад жизни. То, что всегда считалось аморальным, не стало подвергаться никакому порицанию. За резкий упадок нравственности пришлось нести кару всему народу России.

Страшные последствия этого морального разложения мы испытываем в наше время. Жуткий нравственный бич современного села – алкоголизация населения. За последние полвека наша страна понесла огромные потери от безмерного употребления россиянами водки. Страшно даже подумать, сколько людей по этой причине ушло из жизни прежде времени. Многие наши

соотечественники, пристрастившись к алкоголю и не имея силы воли остановиться в своём падении, годами проводят в похмелье. Результатом хмельной жизни становится полная потеря человеческого облика, физического и нравственного здоровья.

Бытует такое мнение, что русские люди всегда пили много и больше всего на свете любят водку. Это устоявшийся миф, который всё труднее становится опровергнуть. Но ведь благочестивые предки наши, действительно, употребляли спиртное в очень ограниченном количестве. Не поощрялось в старое время пристрастие к хмельному зелью, пьющий человек был порицаем обществом.

Новые времена стали диктовать иные нравы. Употреблять алкоголь стали особенно много и безобразно с середины 50-ых годов прошлого века. Пьющие люди вкладывали в это дело какую-то дикую удачу, бахвалились умением много выпить. В наше время алкоголизация молодого поколения приобрела размер стихийного бедствия. Совсем юные парни и девушки добровольно убивают себя. Они доставляют страдания родным людям, любящим их, укорачивая и им жизнь.

Давно закончилась война, репрессии, наш народ стал жить относительно спокойно. Сейчас молодые люди не имеют морального права тратить свою жизнь на самоуничтожение, на такую пагубную распущенность. Не глупостью надо кичиться! А вспомнить, что нам есть за что уважать себя. Надо только знать и любить простую историю наших предков.

Давно уже от старого сибирского уклада жизни не осталось и следа. Знаю, что его не вернуть. Время нельзя повернуть вспять. Но помнить о том, что мы – сибиряки, мы должны. Сибиряк! Слово звонкое, как февральская сосулька, чистое, как горный хрусталь и звенящее, как

серебро. Нельзя нам растерять чистоту его, нужно сохранить силу и славу сибиряка. В этом поможет только Господь, вера в Него, надежда на Его помощь. Надо знать и верить, что есть ещё дорогое семя в наших душах.

Природа в беде

Необыкновенна и прекрасна была когда-то сибирская природа. Величавым и многообразным был животный мир на бескрайних сибирских просторах. Массивы могучих девственных лесов простирались на необъятных расстояниях.

Естественный весенний разлив давал силы и без того ничем не ограниченной могучей полноводной реке Обь. Пойма реки уходила под воду, напитывалась благодатной влагой, и простирались потом на многие километры вдоль русла Оби изумрудные моря сочной заливной травы. С самого раннего детства вдыхали люди чистейший густой воздух и пили кристально-прозрачную ключевую воду. Всё это богатство люди берегли всем сердцем. Знали климат своего края и все свои хозяйственные дела вели в согласии с его законами.

На берегах Оби и её притоков испокон веку жили люди с чистой совестью и святой душой: остяки, селькупы, ханты. Рядом с ними проживали и хозяйствовали в своих владениях тысячи русских, называющих себя чалдонами. У людей часто даже рука не поднималась сорвать зеленый листок с куста просто так, как бы нечаянно. Берегли они каждое взошедшее деревцо, каждую растущую ветку. Никогда не прерывалось единение человека с природой, они всегда были в тесной связке.

Быстро бежит время, данное Господом. За восемьдесят прожитых мною лет перед глазами моими прошли все отметины природы – нашего нерукотворного дома. Помню природу естественную, почти первозданную, 75 лет назад, когда я был в четырех - пятилетнем возрасте. Помню природу с её изменениями и в 1965 году, и в 1975, и в 1995. И, конечно же, сравниваю её с нынешним

состоянием. Из чистого цветущего райского сада она превратилась в разорённое тусклое безжизненное пространство. С каждым прожитым десятилетием состояние природы ухудшалось, она чахла, превращалась в неблагоприятное место для проживания людей и животных.

Нельзя без душевной боли смотреть на то, что происходит с сибирским лесом! Ведь он всегда был предметом гордости России. Но за последние 30 лет мы так «постарались» сократить его площади, как не удавалось этого сделать в минувшие века. Только и осталось в памяти, что обладали мы когда-то самым большим в мире лесным богатством.

Никогда русский человек не относился так потребительски к русскому лесу! Даже во время войны, когда стране требовалось многое для победы над врагом, в сибирской тайге шла бережная заготовка древесины. Лес заготавливали вручную с применением лошадиной тяги. Особенный урон природе не наносили, соблюдали степенность и порядок.

Спустя десятилетия сюда, в таёжные места, стали массово завозить людей, завербованных со всей страны. Чаще всего этих людей влекла Сибирь не природными красотами, они гнались за «длинным рублём». На лесозаготовки в помощь им, не имеющим духовного начала в сердцах, направлялась могучая техника. Объединившись, бездумный технический прогресс и бездуховность людей, вступили в яростную борьбу с лесом. Греховность человека вошла в природу, нарушила хрупкое естественное её равновесие.

В наше время техника достигла фантастического размера и мощности. Теперь в нашу Сибирь пришла новая беда: люди иной веры и иными нравственными установками. На огромных площадях они вырезают лес под корень, выбирают только крупные деревья, безжалостно

губя молодую поросль и оставляя после себя разграбленную и разорённую землю. Долго ещё не заживут эти зияющие раны. Чем дальше идёт время, тем с большим остервенением набрасываются люди на обезображенную, никем не защищенную природу. Уходят в небытие остатки некогда могучего леса, последние его околки. Огромная потребность в быстрых и больших доходах застигает людей глаза. Они и не вспоминают даже, что лес – не только достояние и богатство наше, но и наше здоровье.

На территории Сибири имеются огромные запасы природных полезных ископаемых. Особую гордость составляет наличие здесь большого количества пресной воды. Вот бы ещё научиться нам её разумно использовать! Если жить, учитывая законы природы, неизвестно когда наступит конец этому богатству. Но в реальности дела обстоят плачевно.

Количество воды и качество её в главной реке Сибири за последние десятилетия существенно изменились. Многие притоки, озёра и истоки, не имея постоянной весенней подпитки, просто заглохли. Обезводились, завяли, иссохли некогда сочные луга. До вмешательства человека в природную стихию заготовленным на заливных лугах сеном можно было прокормить огромные стада домашних животных, а из их мяса производить качественные экологически чистые продукты питания. К сожалению, в последнее время об этом остаётся только мечтать. Состояние поймы Оби резко ухудшилось: сократились её размеры, повсеместно берега её заросли кустарником, осиной, березняком. А река постепенно теряет былую мощь.

В лучшие для природы времена после ухода воды с заливных лугов много рыбы по разным причинам оставалось в пересохших небольших озёрах и истоках. Эта рыба становилась богатой добычей, лёгким кормом

всевозможным зверям и птицам. Всё для своего пропитания находили в природе многочисленные зверьки: горностаи, колонки, соболи и прочие Божьи твари. Естественный разлив реки без насильственного вмешательства человека позволял создавать природе благоприятные условия для многочисленной рыбы по всей Оби и её притокам. Сейчас же рыбные запасы Сибири истощаются.

До наступления на природу широким фронтом, жизнь животных и зверей была вполне естественной, спокойной и размеренной. Вольготно чувствовали себя и большие звери – медведи. Выходя весной из берлоги, на первый случай находили они себе пропитание. На земле, освободившейся от снега, в достатке было кедровой шишки, на болотах сохранялась никем не собранная ягода. Сейчас в разорённом лесу «хозяин тайги» перестал себя чувствовать таковым. Он в недоумении: что ему делать и как ему выжить в пустынных голодных местах? Остаётся одно: покидать обедневшую тайгу и выходить поближе к человеку! Вот до чего довели мы косолапого!

Не был раньше человек таким беспечным и равнодушным к окружающему его живому миру. Он, живущий рядом с природой, старался благоразумно сосуществовать с ней. Подходил человек к этому делу с пониманием и рассуждением. Брал нужное ему, но и оставлял на приплод, соблюдая равновесие в природе, следил за сохранением её богатства и красоты. Не произносил всуе заповеди Божии, человек соблюдал их своим толковым поведением, осторожным уважительным соседством. Живя в полной гармонии с живой природой, он понимал, что является рачительным её Хозяином, её Царём.

В нынешний век технического прогресса с его скоропреходящими новейшими технологиями, применяемыми без рассуждения и ответственности, трудно прийти к пониманию и сохранению живого мира природы.

Тот урон, который нанесен ей, трудно исправить. Мы должны знать и понимать, что оберегая природу, мы заботимся об улучшении жизни соотечественников на будущие времена. Сохранённая природа – это духовное здоровье наше, наша мудрая и чистая совесть. В сохранении, поддержании и развитии окружающей нас природы проявляется наш патриотизм и любовь к своему краю, своей большой могучей стране.

Если внимательно, с болью в сердце присмотреться к тому, что нас окружает и на всё, что происходит с нами и братьями нашими меньшими, то на вопрос: долго ли нам осталось жить на этой благословенной земле? – напрашивается один неутешительный ответ.

Люди очнитесь, одумайтесь! Не зря Господь дал совесть каждому человеку. Пусть же живут и действуют в нас Божьи заповеди. Пусть совесть наша будет колоколом между добром и злом.

Отпуск солдата

Было это в конце 50-ых годов XX столетия. Служил я армии и за примерную службу был поощрен отпуском. Не выразить словами, какая это радость для солдата! Ведь срок службы в армии тогда был большим – три, а иногда, и четыре года. Весть о предстоящем отпуске застала меня врасплох, и я стал размышлять, где мне лучше его провести. Из Белоруссии, где я проходил армейскую службу, до моей родной Сибири добираться очень долго. Вот и подумал я: «А не съездить ли мне в Латвию, к своим друзьям?» Я часто писал своим знакомым ребятам-латышам, которые вернулись вместе с родными из сибирской ссылки в 1959 году на родину. Они мне с удовольствием отвечали и в своих письмах часто приглашали к себе.

У войскового писаря я получил документы с правом выезда в Латвию, на хутор Брунинеки. В гарнизонном магазине я купил приличный чемоданчик, привёл в порядок свою парадную форму и приобрёл в железнодорожной кассе билет до Риги.

И вот я уже в поезде. За окном замелькали белорусские пейзажи: мимо проплывали города, возрождённые после войны, небольшие деревеньки, утопающие в густой зелени фруктовых садов. Вдоль и поперёк бежали аккуратные полотна восстановленных автодорог, на обочинах которых часто встречались аккуратные памятники известным и безымянным солдатам прошедшей войны.

Без усталости стучал колёсами железнодорожный состав, обдавая окрестности своим угольным дымом, пыхтел и издавал надрывные гудки трудяга-паровоз. Наш поезд приближался к древнему городу Рига.

И вот я уже на главной площади столицы Латвии. Она вся, как и близлежащие улицы, аккуратно вымощены брусчаткой. Величественные средневековые здания, окаймляющие главную площадь по периметру, поражают воображение. Фасады их красиво отделаны кирпичом красного цвета, а карнизы крыш, окон, переходы, соединяющие одно здание с другим, искусно украшены отменным фигурным кирпичом. Удивительное плетение решёток в оконных проёмах, на оградах и воротах завораживало своей изысканностью. Время не изменило неподдельное искусство давно ушедших в вечность мастеров.

Во всём чувствовался деловой и размеренный характер несуетливого латышского народа, его уважение к своему прошлому. В воздухе ощущалось свежее дуновение ветра, пропитанного морской влагой. Он бережно обдувал благоухающие клумбы, на которых было множество разнообразных цветов. Аккуратная уютная площадь становилась от них ещё привлекательнее и прекраснее.

От площади в разные стороны тянулись узкие извилистые улочки старой Риги. По одной из них я пешком добрался до автовокзала. Мне нужно было выехать на автобусе до курортного города Сигулда. В кассе вокзала я узнал, что следующий рейс будет только утром.

Передо мной вставал вопрос: куда определиться на ночлег? С ним я обратился к ожидающим своего автобуса пассажирам, находящимся в здании вокзала. К своему удивлению я обнаружил, что люди откровенно избегают общения со мной. Услышав русскую речь, они демонстративно отходили от меня, не желая со мной разговаривать! С такой ситуацией я столкнулся впервые в жизни! Я в незнакомом мне городе, попал в трудную ситуацию – а помочь, даже советом, некому!

Голецкихин
Иван
Константинович

В поисках помощи я забрёл в буфет. Здесь на моё счастье мне повстречался человек, который, к моей радости, охотно заговорил со мной первым. Правда, как скоро стало ясно, он был не совсем трезв. Вальдемар, как он назвался, оказался человеком добродушным и бесхитростным. Мой новый знакомый предостерёг меня, что оставаться в здании автовокзала или на улице мне ни в коем случае нельзя, это небезопасно для меня. Вальдемар посоветовал мне отправиться в ближайшее почтовое отделение, которое располагалось недалеко от привокзальной площади. Телеграфистки там дежурили круглосуточно, и можно было остановиться на ночлег в зале ожидания телеграфа. Я от души поблагодарил Вальдемара и зашагал в указанном направлении.

Внутри почтового отделения было тепло, чисто и уютно. Вдоль стен стояли удобные диванчики. На своём рабочем месте восседала пышная розовощёкая молодая девушка-латышка, по виду не старше меня. Она радостно поприветствовала меня: «Пуйка, лабвакар! (Мальчик, добрый вечер)!» Но, когда в ответ прозвучало моё «здравствуйте», вдруг резко изменилась в лице. Теперь-то я уже был готов к холодному приёму и сделал вид, что не заметил её явного недовольствия в свой адрес. Я пояснил девушке: «Мой автобус только утром. А сейчас уже позднее время, на улице уже стемнело. Мне некуда идти. Позвольте мне здесь переночевать. Буду Вам очень благодарен». Телеграфистка с плохо скрываемым неуважением ко мне ответила: «Ночуй!» - и указала на диван у двери. Я пристроил свой чемоданчик под голову и уместился на ночёвку. Ночь прошла благополучно, без происшествий. Утром я встал, поблагодарил Господа Бога и вышел на улицу, залитую светом раннего летнего утра.

На автобусе я добрался сначала до городка Сигулда, а потом – до поместья Кримулда. Там находилось административное управление хуторами. В этом управлении я узнал дорогу на хутор Брунинеки, где жили мои друзья. До хутора было семь километров. Одна сердобольная женщина объяснила мне дорогу, а потом посоветовала поймать попутную машину или идти пешком. Мне было всё ясно, и вскоре я уже шагал по дороге к Брунинеки.

Было начало дня, навстречу мне попадались идущие в школу дети. Они шли с хуторов, их провожал кто-нибудь из взрослых. На протяжении всего пути наблюдалась интересная картина. Сопровождающие детей люди, увидев издали энергично шагающего им навстречу солдата, подталкивали малышей в спину, дескать, не забудьте выразить уважение, подойдя, поприветствуйте нашего

солдата, произнесите слово «лабриит». Это означало «доброе утро». И я отвечал тем же, только по-русски. Мой ответ приводил детей в замешательство. Взрослые хмурились, отворачивались в сторону, а дети в смущении, опустив свои головки, проходили мимо меня. Другие невольно замедляли свой шаг и в недоумении смотрели мне вслед. Откуда взялся этот солдатик, «пуйка», на дороге в такое раннее утро? Старшие в нетерпении дёргали ребятишек, спешили удалиться с места встречи. Я шёл дальше. Снова слышал, что раздавалось приветствие «Пуйка, лабриит!» и теперь уже молча шагал мимо. Я осознавал, что веду себя глупо, но не мог найти правильный выход из этого несуразного положения.

А вокруг был густой лес. Часто встречались небольшие полянки хорошо обработанной земли с молодой порослью овощных культур. На этих полянках трудились люди. Это были крестьяне-латыши. Прерывая свою работу, они тоже с удивлением рассматривали молоденького солдата, издали радостно приветствовали взмахом рук, не различая, кто я: латыш или русский. Я отвечал им тем же.

Внезапно рядом со мной притормозила попутная грузовая машина. Дверца отворилась, и показалась огромная фигура шофёра. Мужчина был в возрасте. Он поздоровался и пригласил в машину. Я объяснил ему, конечно, по-русски, что иду до хутора Брунинеки, и добавил, глядя ему в глаза: «Если довезёшь, буду рад». Через минуту я уже находился в машине рядом с шофёром. Я пытался завести непринуждённый разговор, но все мои вопросы оставались без ответа.

Водитель спокойно вёл машину по грунтовой хорошо накатанной дороге. Навстречу нам попадались женщины, идущие группами к своим хуторам, были и те, что шли из леса с полными корзинами грибов и ягод. Иногда крестьянки, должно быть, хорошие знакомые

шофёра, останавливали машину, что-то весело говорили ему, старались рассмотреть незнакомого пассажира, улыбались и шутили. В их речах я ничего оскорбительного или недоброго не заметил, наоборот, часто слышались слова добрые, ласковые.

Вскоре лес, густо растущий по обе стороны дороги, расступился. Мы въехали на хорошо утрамбованную и умощённую площадку. Это был хутор, где жили мои друзья. Водитель развернул машину и включил звуковой сигнал. Из дома вышли хозяева, знающие меня давно. Наконец-то я увидел их, моих добрых друзей, людей честных и порядочных! Крепко пожимали они мне руку, обнимали меня со всей своей богатырской силой до боли во всем моём молодом теле, похлопывали по плечу, смеялись, радуясь встрече. И я точно знал, что здесь-то не будет недомолвок и обид, здесь всё будет честно и открыто.

Встреча с друзьями

Я приехал в гости к своим латышским друзьям. Знакомы мы были с ранней юности. Вальдемар, Улдис и Айда – дети Вальдемара Августовича Дамбитиса, латышского зажиточного хуторянина, отбывавшего в годы войны в нашей деревне сибирскую ссылку. Мы, местные мальчишки, называли его дядей Володей, а с детьми его крепко подружились. После отъезда их семьи на свою родину мы ещё долго поддерживал связь с этими славными ребятами, обменивались письмами. Я помнил, что у дяди Володи юбилей, ему исполнялось шестьдесят лет, ещё и поэтому решил провести отпуск у своих друзей, в Латвии.

Наконец-то, я добрался до хутора, где проживала трудолюбивая семья Дамбитисов. По случаю моего приезда сюда собрались и несколько моих односельчанок, вышедших замуж за ссыльных латышских парней. В своё время молодые парни-латыши полюбили наших нарымских девочек. Они были выходцами из старинных сибирских родов, богонадёжные, с чистыми искренними сердцами, с незапятнанной совестью. Трудолюбивые и красивые девчонки, совсем ещё молодые. Они стали надёжными помощницами своим мужьям, которые увезли их на чужбину. Здесь им удалось легко принять новый образ жизни, научиться разговаривать на латышском языке без акцента. Я только порадовался за своих землячек.

В доме моих друзей собралась большая компания. Мы сидели за празднично убранном столом, который ломился от всевозможных национальных латышских угощений. Букеты цветов украшали столы. А главное: радость от встречи с добрыми близкими людьми и нескончаемые разговоры и воспоминания! Многое хотелось рассказать друг другу, узнать больше, вспомнить годы, проведённые вместе.

А потом мои друзья во главе с дядей Володей, как в былое время, взяли в руки инструменты, и зазвучала музыка. Скрипка, мандолина и аккордеон издавали волнующие звуки, трогали наши души, наполняя их чувством безграничной радости. Сначала музыканты исполняли латышские мелодии, затем на смену зазвучали мотивы сибирских песен: «Ревела буря, гром гремел», «Среди долины ровная», «Бродяга» и множество других с детства знакомых мотивов.

Вкусная еда, домашнее вино, родная, близкая песня – от всего этого шло душевное тепло, которое сближало нас ещё больше. Мы в этот момент ощущали себя единой неразлучной семьёй. И снова были воспоминания, приятные разговоры!

Я рассказал о своих приключениях в Риге и по дороге на хутор. Друзья несколько не удивились моим впечатлениям. Они успокоили меня, заверив, что на их земле со мной ничего неприятного больше не произойдёт.

Дядя Володя много рассказывал о своей стране. Рассказчик он был великолепный. Всё в его словах было интересно. Рассказал он, что хутор, в котором мы находимся, принадлежал до войны одному богатому человеку. После освобождения Латвии советской армией от фашистов он вынужден был бежать с отступающими немцами, унёс свои ноги и немалый денежный капитал.

Когда Вальдемар Августович с детьми вернулся в родные края из нарымской ссылки, по разрешению властей поселился на этом хуторе. Хутор Брунинеки – это огромный земельный надел, на котором находились большие площади пахотной земли и лес. Вся семья Дамбитис жила на этом хуторе на правах аренды и трудилась в колхозе. В ограде их стоял двухэтажный дом, находились крепкие добротные хозяйственные постройки.

Колхоз выделил им двенадцать дойных коров. Основной уход за животными осуществляла Айда, а остальные члены семьи ей помогали. Каждое утро из центральной усадьбы приходила машина и забирала молоко. Колхоз выделял сено и весь необходимый фураж. Молоко от одной из дойных коров семья Дамбитис могла оставлять в своём личном пользовании.

С руководством колхоза была установлена радиосвязь. Маленький радиоприёмник был всегда включён. Это устройство передавало все важные сообщения, необходимые объявления и новости. Работа на хуторе была организована так, что семейству времени хватало и на работу колхозную, на общую пользу, и на свои семейные нужды. Можно было поработать в поле, и с большой пользой в лес сходить, и выполнить неотложные дела по дому.

Вальдемар Августович, кроме всяких хуторских дел, занимался ещё и заготовкой берёзовых мётел по договору, заключённому с предприятиями Ленинграда. Это был его дополнительный доход. Глубокой осенью из города приходила машина, забирала готовые мётлы и увозила. Старик получал неплохой заработок. Во время отпуска я помогал дяде Володе в этом деле.

Каждый день, в десять часов утра, к ограде хутора подъезжал мужчина на мотоцикле с коляской. Это был рыбак. Айда с пустыми вёдрами подходила к мотоциклу, приподнимала брезент, которым была накрыта люлька. Обильно смоченная водой рыба обдавала запахом свежести и сырости. Девушка наполняла вёдра рыбой, отсчитывала деньги, благодарила рыбака и шла в дом. Мне объяснили, что рыбак этот – колхозный работник с Рижского взморья, прибыл после утреннего улова. Расстояние от хутора Брунинеки до моря – двадцать пять километров.

Однажды после одного из таких визитов, зная мои пристрастия к рыбной ловле, дядя Володя обратился ко мне с разговором: «Ваня, я знаю тебя, ты надёжный парень. Отслужишь в армии срочную службу, приезжай к нам. Мы тебя со своей семьей будем ждать. Вступишь в рыболовецкую бригаду. В колхозе рыбаки зарабатывают хорошо. На первых порах мы тебе поможем обустроиться. Ты умеешь хорошо работать, привыкнешь к нашей жизни, выучишь язык. Подумай над моим предложением». Я, конечно, внимательно выслушал этого повидавшего жизнь человека. Ничего на это ему не сказал. Слова его грели мне душу, но не мог я, да и не хотел обнадёживать старого мудрого человека.

Отпуск мой продолжался. Иногда хозяева запрягали в телегу пару лошадей и всей семьей выезжали со своего хутора. Путь наш лежал по просёлочным дорогам во владение других хуторов. Дядя Володя очень хорошо знал родные места. У него было много знакомых. Часто мы бывали в гостях у его приятелей, проживающих в центральной усадьбе. Нас встречали радушно, с шутками, разговорами. Здесь были молодые ребята и девушки, наши ровесники и немного младше нас. Мы чинно заходили в дом, приветствовали хозяев. Обязательно было небольшое застолье. А когда отец и сыновья Дамбитис доставали свои инструменты, получался небольшой праздник. Много пели, танцевали, шутили и смеялись. Молодые ребята, девчата разговаривали по-русски с большим акцентом. Я тоже пытался произносить слова по-латышски. Это вызывало веселье в молодой компании. Всегда после таких вечеров у нас было много приятных воспоминаний.

А дядя Володя старался показать мне, как хороша и интересна жизнь в его родном краю. Уж очень он хотел, чтобы я поселился рядом с его детьми, моими друзьями. Тогда решил он подобраться ко мне с другой стороны.

Однажды тёплым солнечным утром мы с дядей Володией занимались изготовлением мётел. В это время мимо дома проходила девушка. Владимир Августович обратил моё внимание на неё. Совсем ещё юная, опрятно одетая, горделивой походкой шла она по тропинке, не обращая ни на кого своего внимания. Дядя Володя объяснил, что эта девушка приходится внучкой бывшему хозяину нашего хутора. Дед её, очень богатый человек, проживает сейчас в Америке. «Вот, будешь умницей, после службы приедешь к нам, женишься на ней и устроишь свою жизнь, как надо, по-настоящему», – заключил дядя Володя. Вот так! Я беспечно отдыхал, забавлялся с друзьями и ничего особенного вокруг себя не замечал, а старый человек, молча, обдумывал моё будущее, заботился обо мне.

Перед самым моим отъездом мы были приглашены в один из хуторов. По латышской традиции этот званый ужин назывался балом. Нам заранее было прислано приглашение. Все гости были нарядно одеты. Они приходили с шикарными букетами цветов, с праздничными подарками. Каждый приносил с собой бутылку вина или коньяка. Гости проходили в зал, рассаживались за праздничным столом на указанное место. Большой стол был нарядным и богатым на угощения. Ужин проходил в обстановке неподдельной торжественности. Звучали заздравные речи. Слова были наполнены любовью и уважением друг к другу. Рядом слышались песни, красивые народные мелодии. В сопровождении маленького коллектива местных музыкантов весело танцевали и солидные взрослые люди, и молодёжь.

А в это время в коридоре собралась небольшая группа парней. Они громко смеялись, развязно шутили. Поведение их не соответствовало праздничной обстановке. Я заметил, что они, разгорячённые выпитым вином, смотрели на меня и указывали пальцами в мою сторону.

Хотя я не понимал сказанных ими слов, но суть их я уловил. Улдис быстро понял, в чём дело, решительно подошёл к пьяной компании и что-то вмиг объяснил забиякам. На их лицах отразилась неловкость, опустив головы, они стали смиренно расходиться. Вечер был продолжен и уже ничем не омрачался. Мы тепло распрощались с хозяевами и на телеге, запряжённой лошадьми, в хорошем настроении вернулись в свой хутор Брунинеки.

Утром я собрался в дорогу. Айда и Улдис отвезли меня на телеге до Кримулды, где мы с грустью, со слезами на глазах расстались надолго. Навсегда.

После отпуска моя служба в армии продолжалась ещё больше года. Вернулся я в свою Сибирь, где прожил долгую, полную забот и работы жизнь. Много раз приходили благие воспоминания об отпуске в Латвии. Не жалел я ни о чём, понимал, что жить я должен там, где родился, где навечно упокоен прах дорогих мне людей.

На реке Чая

Вспоминаю события пятидесятилетней давности. Со своей семьёй жил я тогда в сибирском городке Колпашево. Работал на тепловой электростанции. Был у меня друг, звали его Анатолием. Нам обоим было не больше тридцати лет, мы были молоды, полны физических сил. Праздники часто проводили вместе, собравшись семьями то у одного, то у другого. Тепло и радостно было нам в те часы нашего отдыха: обменивались новостями, с удовольствием наблюдали за играми наших ребятишек, говорили о будущем, строили планы. Встречи были непринуждёнными, согревали сердце искренностью.

Однажды, было это в конце августа, мы с моим другом одновременно получили отпуск. Анатолия так обрадовало это известие! Он сообщил мне, что уже давно мечтал выехать на рыбалку к реке Чая, и предложил мне провести отпуск вместе. Как я, заядлый рыбак и охотник, мог отказаться от такого заманчивого предложения? Река Чая славилась своими запасами рыбы, здесь можно было разгуляться и с ружьишкой. Такая перспектива провести какое-то время на природе нам обоим была по душе.

Мы, мой друг и я, имели разрешение на пользование ружьями и хорошо ими владели. Но у Анатолия была страсть к ловле рыбы при помощи спиннинга. Вот и решили мы, что займёмся рыбалкой. Всё необходимое снаряжение у нас было наготове: рыболовные снасти, резиновая лодка и палатка. Мы всё предусмотрели, чтобы можно было порыбачить в любую непогодицу.

До места, где был намечен наш отдых, мы добрались на рейсовом автобусе. Оно располагалось недалеко от Колпашева и носило название Старо–Короткино. Вскоре мы оказались у реки Чая, на берегу которой расположилась некогда цветущая деревня.

Перед нами предстала печальная картина. То там, то тут виднелись полуразвалившиеся заброшенные хозяевами дома, скотные дворы. Среди мощных лопухов и буйно разросшейся крапивы едва просматривались границы бывших улиц. В траве валялись тележные колёса, торчали останки конных саней. На пригорке ютился заросший кустами черёмухи и рябины сиротливый погост. Деревенские жители, предав память о своих предках, покинули родные места, перебрались по каким-то причинам поближе к городу. Забыв, что эта земля их вскормила, они обрекли свою деревеньку на вымирание. Как горько мне было видеть всё это!

Мои тяжёлые думы прервал удивлённый голос Анатолия, ушедшего далеко вперёд: «Гляди-ка, Ваня, не все ещё уехали! Здесь кто-то живёт!» И действительно, перед нами возник довольно добротный, хотя и давно построенный дом, который стоял на некогда центральной улице деревни Старо-Короткино. Он возвышался над рекой, притягивал к себе взгляд, радовал сердце. От дома будто исходило тепло. Торопливая Чая несла свои тёмные воды совсем рядом, подчёркивая нарядность и ухоженность дома. Мы остановились, завороженные красотой природной, созданной Самим Богом, и творением рук человеческих.

К дому вела аккуратно прокошенная дорожка, которая упиралась в крашеное крылечко. Над ним к стене дома была прибита красная звёздочка, вырезанная ножовкой из фанеры. Этот знак сообщал о том, что здесь живёт герой своей Родины, прошедший кровавыми тропами войны. Руками хозяина, бывшего фронтовика, видимо, были изготовлены наличники на окнах. Незамысловатая резьба, аккуратно выполненная мужиком-умельцем, украшала дом, делая его нарядным. У крыльца стояла удобная лавочка, приглашавшая отдохнуть.

Уют, чистота и порядок царили вокруг дома. В сарае – большой запас берёзовых и осиновых дров. Всюду чувствовалась трудолюбивая рука заботливого хозяина.

Анатолий осторожно постучал в дверь, и мы, дождавшись ответа, вошли в дом. На лавочке, что напротив русской печки, сидели мужчина и женщина. Были они в серьёзных годах, оба седые, с тяжёлыми натруженными руками. В доме ничего лишнего, всё чисто, аккуратно. Полы застелены дорожками ручной работы. Образа прикрыты вышитыми занавесками.

Поздоровавшись с хозяевами, мы объяснили, по какой надобности оказались в их деревне. Старики обрадовались нечаянным гостям. Их давно никто не навещал. А тут молодые люди, рыбаки, просятся на постой недели на две – три. Хозяева, звали их Егор Маркелыч и Евдокия Даниловна, оказавшись по-русски людьми гостеприимными, приветливыми, с радостью приютили нас.

Мы их не очень беспокоили своим присутствием. В тот же вечер собрались на Чаю. Солнце всё ниже клонилось к закату. В тихую безветренную погоду на воде никакого волнения, река задумчивая и спокойная. Мы выбрали на берегу место рыбалки. Ровный берег реки, свободный от кустов, был удобным для ловли рыбы спиннингом.

Только разместили мы свои снасти, как заметили на воде всплески от волнения потревоженной мелкой рыбёшки. Они появлялись всё чаще и чаще. По всем признакам на охоту вышла большая щука. Мы дали, наконец, волю долго таившемуся в нас рыбацкому азарту, с радостью забросили крючки наших спиннингов в воду. И вот у моего друга первый улов. Интересно было наблюдать, как вела себя большая рыба. С жадностью набросилась щука на приманку. Никакая сила не могла остановить хищницу в её погоне за добычей. До звона натянулись тетива и удилище спиннинга! Момент выхода

щуки из воды и подвода её к берегу оказался одним из самых трудных. Он требовал от ловца особой ловкости и умения. Это настоящая схватка рыбака и хищницы! Эмоции трудно описать словами! Рыбина, пойманная на крючок, изгибалась всем своим мощным телом, упиралась изо всех сил, рвалась из плена, в котором оказалась. Она в этот момент была страшна и опасна: жабры расширены, пасть широко раскрыта, острые зубы оголены! Того и гляди: цапнет ненароком! Но и Анатолий не дал промаха! Ещё один ловкий рывок удилищем – и огромная щука у ног рыбака!

Мне удалось многому учиться у своего друга в этот рыбачий сезон. Ведь я впервые в жизни занимался таким ловом. После некоторых тренировок и у меня стало получаться неплохо. Увлекательная штука, я вам скажу!

А рыбы на реке Чая было очень много. Так что на рыбалку мы с другом ходили каждый день. И не тогда, когда вздумается, а строго по графику, который устанавливала нам...щука. Охоту этой хищницы рыбаки называли «жором». Никогда она не нарушала своего распорядка, выходила за добычей каждое утро и каждый вечер в одно и то же время, минута в минуту. Часы по ней можно было сверять! Тут-то мы её, голубушку, и поджидали! Очень удачный сезон у нас получился.

Свежевыловленную рыбу мы с Анатолием коптили тут же, на берегу, в специальной коптильне, которую любезно предоставил нам хозяин, Егор Маркелыч.

К этому времени мы уже успели подружиться со стариками. Добропорядочные и трудолюбивые, они уже давно жили одни в деревне. Не смогли, как их односельчане, покинуть эти красивые места. Родились они тут, прожили жизнь, вырастили детей. Куда из этих мест? Где найти лучше? Вот и доживают жизнь там, где родились, тихо и смиренно.

Тёплыми августовскими вечерами хозяева устраивали нам трапезу прямо на берегу реки. Живописное место отдыха располагало к душевному неспешному разговору. Егор Маркелыч, потягивая из кружки чай, настоянный на травах, рассказывал нам о своей жизни. А рядом сидела его верная Евдокия Даниловна. Слушала она слова мужа и тихонько вздыхала. Давно прошла их молодость, но осталась с ними подаренная судьбой любовь. Не прошла она, не растворилась с годами, жила в них. Все трудности, выпавшие на их долю, она помогла перенести.

Вспоминал старик, как жили они, когда деревня ещё процветала. Оба работали в колхозе. Растили детей. Во дворе была корова и лошадка. Жили небогато, но и не голодали. Спокойную жизнь прервала война. Как и все мужики колхоза, отправился он сражаться с врагом. Прижал ребятишек мал-мала меньше к мужицкой груди, попрощался с женой, однажды данную Богом, и ушёл спасать своё Отечество, свой дом. Воевал отважно, себя не щадил. Много раз лежал в прифронтовых лазаретах. Подлечившись немного, снова возвращался в строй. Дошёл до Берлина. Вернулся в родные края в победном году.

Вместе с другими мужиками-фронтовиками, вернувшись домой, он с неистощимой энергией, с остервенением набросился безо всякого разбора на работу. Слишком много её было тогда. Стране, поднимавшейся из руин, требовалось много. Колхозники работали от зари до зари. Много сил уходило. И ещё нужно было трудиться дома, содержать в порядке хозяйство, чтобы поднять детей на ноги.

Вскоре заметил Егор Маркелыч, что неладное стало происходить в деревне, народ стал меняться, и не в лучшую сторону. Люди вокруг становились всё слабее здоровьем, болезненнее, угрюмее. Для выполнения поставленных партией пятилетних планов требовалось всё больше и

больше усилий от колхозников. Временами из райцентра наезжало высокое начальство на блестящих машинах, чтобы вдохновить сельских жителей пламенными речами. Энергичные эти люди говорили много красивых слов, радовались своим, как им казалось, значительным мыслям. Кого-то поздравляли, вручали цветы, грамоты и уезжали восвояси. А эксперименты в сельском хозяйстве продолжались. Они не давали ожидаемых результатов, только приводили к обнищанию деревни. Отношение к ней было просто безобразным. Многотерпеливая русская деревня едва сводила концы с концами, выживала, билась из последних сил, умирала. Силы мужицкие были на исходе. Крестьяне-колхозники, стараясь не делиться ни с кем своими размышлениями, молча, без объяснений, стали уезжать из родных мест, как только возникала возможность. Бесконечно уставшие, уезжали они от нищеты беспросветной, бесправия, безысходности. Уезжали подальше в поисках лучшей доли. Кто их осудит?

Постепенно деревушка Старо–Короткино опустела. А Егор Маркелыч со своей верной спутницей не решился на старости лет покинуть малую родину. Знал просто, что не будет душе покоя в другом месте. Дети их повзрослели и уехали жить в город. Старики понимали, что молодым там лучше, не обижались на них, что редко пишут письма и ещё реже навещают родителей. Уже не стало сил держать в хозяйстве корову, а лошадь всё же оставили. По дому работа всегда есть и зимой, и летом. Никогда не просыхал пот на их лицах, как и завещано заповедью. Когда вдруг захворают, протопят русскую печь, укроются шубой из овчины, полежат дня два – всю хворь как рукой снимет! Это извечный надомный санаторий.

Устраивали старики иногда себе праздники. В День Победы Егор Маркелыч надевал пиджак с наградами, добытыми кровью. Заранее натирал их зубным порошком,

чтобы светили ярче. Смотрел он на себя в зеркало и ловил ненароком милый взгляд доброй старой Даниловны. Всякий раз удивляется сам себе: «Надо же, такая страшная война прошла, всё сгорело, а я живой!»

Не так часто делился своими сокровенными мыслями этот почтенный человек с нами, приезжими людьми. Но даже в его молчании чувствовалась сила духа, надёжность. На всю жизнь запомнился нам с другом мудрый старик, его жена, его дом и заброшенная деревенька. Не забыть времени, прекрасно проведённого на берегу реки Чай. Мы с Толей сердечно поблагодарили хозяев за приют и гостеприимство. Провожая нас в обратную дорогу, вышли Егор Маркелыч и Евдокия Даниловна на крыльцо своего дома и, пока мы не исчезли в густых зарослях, стояли, глядя нам вслед.

Таковыми и остались в моей памяти эти два старых человека. Представляю, как сидят в часы вечернего заката седые муж с женой рядком под кустом черёмухи, на своей лавочке. Заросшие бурьяном бывшие деревенские улочки зашумят вдруг играми и весельем... На мгновенье зазвучит где-то в золотой памяти давно пропетая песня. Зазвучит и стихнет понемногу...

Вокруг безмолвие и покой. Время течёт тихо, славненько. Слов не произносят, молчат. Значит, в это время разговаривают в блаженстве их души. Молятся Богу в Духе и Истине, чисто и искренне.

Дезертир

Во время нашего отдыха на реке Чая мы с Анатолием, бывало, прогуливались по окрестным местам с ружьишком в поисках дичи или зверька. Исходили мы пешком всю округу, исследовали её вдоль и поперёк. Спустя несколько дней после приезда мы, к своему удивлению, обнаружили, что в деревне есть ещё один обжитой дом. Нас поразило то, что старики ни разу не обмолвились о существовании соседей.

Усадьба их располагалась на берегу реки, но в другом конце деревни, на приличном расстоянии от наших стариков. Старинный дом в два этажа, построенный мастером прежних лет, и в наши дни смотрелся пристойно и основательно. Деревянный добротный сруб его был под железной правильной геометрии крышей, называемой в народе круглой. По периметру всего дома имело место убранство в виде старинной деревянной резьбы, которая была выполнена с особой душевной теплотой умелым художником. И теперь дом, окружённый множеством надворных построек, был ещё крепким. К ограде дома примыкал огород, хорошо удобренный и занимавший огромную площадь.

Часто теперь, возвращаясь с охоты или рыбалки, мы с Анатолием проходили мимо этой усадьбы. В окнах дома, во дворе, над тропинками внутри ограды – везде полыхала иллюминация. Видно было, что хозяева не были ограничены в электрическом освещении, не заботились о его экономии, так как рядом была слышна работа движка-генератора. Под крытым навесом раздавались мычание коров, ржание лошадей, гоготание гусей. Из открытых окон слышна была разудалая музыка. В просторной ограде стояли автомашины. Невольно

бросалась в глаза сытость и самодовольство хозяев этого дома. На фоне пустых улиц, заросших травой выше человеческого роста, этот остров света казался нам угрожающим, зловещим, надменным.

Мы с другом, пережившие потерю отцов во время войны, видевшие своих матерей сгорбленными от непосильного труда в колхозе, сами знавшие цену заработанной копейке, были потрясены небывалым размахом благосостояния незнакомых нам людей. Не может человек труда быть настолько расточительным! Значит, дом – полная чаша – достался ему несправедливым путём?

С вопросами мы обратились к старикам. Они с неохотой поведали нам с другом такую историю. Появился в их краях один неприятный человек, стал их соседом. А раньше, до войны в доме на берегу жили совсем другие люди – большая трудолюбивая семья чалдонов. Много работали, на судьбу не жаловались, когда не по своей воле пришлось вступить в колхоз, справлялись, как и другие односельчане, с трудностями. Когда пришла военная беда, хозяин дома и другие мужчины, ушли на фронт. Многие ушли навсегда.

А спустя три месяца после начала войны деревню Старо – Короткино потрясло неприятное событие. Внезапно нагрянули представители военкомата и милиции. Они сообщили, что в окрестностях их деревни скрывается дезертир. Им оказался их односельчанин Костя Иванов. Бежал он с передовой в армейской форме, с оружием. Стариков и парней-подростков организовали на поимку дезертира. На дальней лесной поляне, в стогу сена, дезертир Иванов был обнаружен. Увезли его в районный центр, судили по законам военного времени. За дезертирство Константин Иванов был осуждён на двадцать пять лет колымских лагерей.

Жизнь в колхозе продолжалась. Но после войны стала затухать. Люди разъезжались, куда придётся. Колхоз признали бесперспективным, уничтожили оставшуюся скотину и забыли про то, что здесь когда-то жили люди.

Сейчас на месте исчезнувших селений равнодушные люди ставят благословенные кресты. Некогда любимая земля, где когда-то кипела жизнь, любовно отмечена установленными крестами. Может быть, стоит воздвигнуть один общий крест всем покинутым российским деревням, не поддающимся исчислению?

Во времена хрущевской оттепели многие наши соотечественники, как справедливо, так и несправедливо осуждённые, вышли из страшных мест заключения. Вернулся домой и бывший дезертир. Выбрал он в деревне хорошо сохранившийся просторный дом, брошенный на произвол судьбы старыми добрыми хозяевами, поселился в нём и стал жить-поживать. И, кроме наших стариков, не нашлось вокруг людей, помнящих тот поганый конфуз, за который Иванов отбывал срок. Теперь, когда дезертир, не опасаясь людского суда, научившись крутиться-вертеться в жизни, как уж на сковороде, почувствовал он себя совсем по-другому.

Ещё будучи в лагере, научился этот ловкий малый находить подход к «нужным» людям, устанавливать выгодные для себя связи. На Колыме, в лагере, осуждённый за дезертирство, жил припеваючи, прикормленный лагерной поварихой-толстухой. Вместе с Костей они, как враги народа, тянули лямку в колымской мерзлоте. Рядом с кухонными котлами было значительно легче переживать тяготы лагеря. Домой Константин вернулся уже не один, а с законной женой, Аллой Порфирьевной. Союз с поварихой у Кости сложился на многие годы их мутной жизни. Костя в красках рисовал ей природные богатства своей малой родины. «Крепись, Алла,

придёт ещё наш час, заживём в своё удовольствие!» Это была правда. Здесь он знал все лакомые уголки для удачной рыбалки, охоты на зверя, сбора ягоды. В родную разорённую деревню Константин рвался не напрасно. Внешне он имел вполне респектабельный вид. А своё умение налаживать связи он оттачивал годами. Приставленные к власти люди закрывали глаза на тюремное прошлое Иванова. Бывший государственный преступник стал многим районным начальникам лучшим другом. В Старо–Короткино почувствовал он себя полноправным хозяином. Сбылась его мечта.

Теперь сюда, в заброшенную деревню, от посторонних глаз приезжали на отдых именитые гости. На берегу реки с её дивными видами они отлично проводили время, отдыхали от «трудов праведных», как умели, ни в чём себе не отказывая. Приезжали они на красивых легковых машинах, за которыми следовали грузовики. Для хозяина «санатория», «дачи», грузовики завозили бочки с бензином, стройматериалы, снасти, дефицитные товары. Коврами был устлан весь жилой дом, даже комната отдыха в предбаннике. Везли сюда всё, что требовалось для роскошного отдыха на природе, чтобы ни в чём не нуждался хозяин дома на берегу реки Чая. А душка-Костя со своей женой не жалели сил, чтобы угодить своим высокопоставленным гостям, предугадывали любое их желание. Своя пасека, рыба, мясо, любая ягода – всё шло в услужение большому начальству из города. Авторитет хозяина усадьбы рос как на дрожжах.

Простых людей, бывших колхозников, приезжавших иногда в эти места порыбачить, Константин просто не замечал. Он не только не помогал им в случае необходимости, но откровенно вредил. Так, когда шла ценная рыба, «хозяин» выезжал в лодке на реку, поднимал сети простых рыбаков, а на это место ставил сети своих

гостей. Зная тесную связь Кости с властями, обиженные местные жители не роптали, не сомневались, что возмущаться бесполезно: рука руку моет! И Константин с каждым днём становился всё наглее.

Вот и у наших стариков не поворачивался язык назвать его земляком. Были случаи, когда по весне или осенью, чаще перед праздниками, районные власти вспоминали о ветеране, Егоре Маркелыче, и предоставляли ему технику для хозяйственных нужд. Присылали они из района трактор или машину для подвоза сена или вспашки огорода. Константин не упускал случая воспользоваться этой техникой по собственному усмотрению. Он нагло останавливал водителя, влезал в кабину и, поманив его бутылкой водки, заставлял гнать машину к себе в усадьбу. Только после того, как выполнял всю работу у себя, отправлял транспорт старику. Обидно было до слёз старому человеку!

Рассказ Маркелыча потряс нас с Толей до глубины души, будто процарапал по больным местам острым ножом: в памяти сразу возникли наши измождённые матери, погибшие отцы, наше голодное детство... А подонок-дезертир теперь заправляет жизнью! Живёт припеваючи, барствует, унижает тех, кто не жалел себя на фронте и в тылу!

Однажды перед самым отъездом, возвращаясь с охоты, мы с Анатолием повстречали бывшего дезертира в лесу. Он нас не видел, проехал совсем рядом на своей откормленной лошади. Глядя ему в спину, мой друг неожиданно с ожесточением сбросил с плеча своё ружьё и стал целиться! Я кинулся к Анатолию, опередив его выстрел: «Ты что? Толя, прошу тебя, успокойся! Остановись! Так раны не лечат!» Я крепко сжимал его ружьё в своих руках, хотя это было нелегко: Анатолий был явно сильнее меня. Я слышал, как громко билось его

сердце. «Мы же не каратели!» Опомнившись, мой друг медленно опустил ружьё. Ненавистный нам человек, ничего не подозревая, исчез за ближайшими деревьями. «И то, правда! Что это со мной? – промолвил Толя, немного отдышавшись. – Будет он держать ответ. Бог-то всё видит...».

В этот вечер вернулись мы к старикам, как будто с другого полюса. Они сидели на своей любимой лавочке, о чём-то спокойно разговаривая. Скупое сентябрьское солнце катилось к закату, и мерцающие блики его рассыпались по тихому уголку палисадника. Летний ветерок легко касался седых волос стариков, нежно перебирая их, ласковые лучи солнца скользили по коленям и гладили их натруженные руки. Казалось, что сама природа успокаивала этих милых людей. И не было ничего вокруг, что могло бы спугнуть мирную тишину их чистых душ.

Варина любовь

В деревне нашей клуба не было. Зимними вечерами, когда на дворе стояли трескучие морозы или завывала вьюга, местная молодёжь собиралась на вечерки у кого-то дома. Так, по очереди, в течение зимы переходили мы из одной избы в другую. Приятно было с мороза окунуться в тепло деревенского дома. Пышущая жаром печь поднимала настроение. В приоткрытую дверцу пробивался свет и создавал уют. Встречи проходили в сумерках. Часто зажигали лучину или жировик, а иногда – керосиновую лампу.

Разговоры, песни, шутки живыми ручейками текли на протяжении всего вечера. Кто-то от всей души смеялся интересной байке, кто-то складывал новую частушку на местную тему, а кто-то в полутёмном углу о чём-то горячо шептался. Все это походило на веселое щебетание птиц. Далеко за полночь просыпалась хозяйка и напоминала, что нужно расходиться. Ведь с утра всем на работу. Мигом срывалась с места ребячья стайка и горохом высыпала на морозную деревенскую улицу.

С приходом тёплых деньков посиделки переносили в центр деревни. На большой поляне молодёжь разводила костёр, который спасал от комаров и другого гнуса. С приближением вечера ребята и девчата собирались у этого костра на посиделки.

Прихорашивались, как умели. Некоторые девчонки слегка подкрашивали щёки свёклой, придавая им, и без того горящим, яркий цвет, чернили сажой свои брови. Но и без приукрас они были привлекательны и приятны своей молодостью. У девчат на головах красовались вплетенные в косы цветы клевера или были надеты венки из полевых ромашек. Некоторые девушки прикалывали их в околыши фуражек своим ухажёрам.

Дома у многих в заветных сундуках хранились нарядные платья времён молодости их матерей и, как память, рубашки погибших отцов. Со слезами на глазах смотрели мамы на своих выросших детей. С сожалением, болью и невысказанной радостью перешивали они эту одежду на своих чад. Жизнь не остановить, настал их черёд покрасоваться перед расцветшими милыми сверстниками.

Парни приносили с собой на вечерки трёхструнные балалайки и залиvistые гармони. Самая голосистая девчонка начинала песню, её тут же подхватывали все. До утренней зари красивое разноголосье разливалось рекой, несло над лугами и рощами и затихало далеко за околицей.

Замолкали местные певуны, а удалые гармонисты уже приглашали молодёжь к танцу. Наперебой звучали то разухабистая плясовая, то русские коробейники, а потом задорные кадрили и польки – и все они чередовались с хороводами вокруг костра. Весело, задорно и быстро бежало время. Как будто невзначай проходили мимо весёлой компании деревенские сторожа, любовались подрастающей молодёжью, всматривались в безвинные лица и, грустно вздыхая, шли дальше.

А парни и девчата, не чувствуя усталости, веселились так каждый вечер и весь трудовой день с нетерпением ждали окончания работы. Каждый нёс в своём сердце надежду на чудесную встречу. Молодая кровь бурлила, будоражила их юные сердца. Между ребятами и девушками завязывались новые, не знакомые им ранее, отношения.

На таких деревенских вечерках обратили внимание друг на друга двое: девушка и парень. Вспыхнувшая маленькая искорка яркого чувства разгоралась большим костром. Его звали Семёном. Природа наградила парня красивым лицом, тёмными густыми волосами и отменным

здоровьем. Был он коренаст, широк в плечах, необыкновенно силен. Типичный сибиряк! Шёл ему восемнадцатый год. Родился Семён в большой семье старинного нарымского рода. Родные его славились своим трудолюбием и добропорядочностью.

Девушку звали Варей. Они были с Семёном одноклассниками. Он неожиданно для себя разглядел в ранее неприметной девчонке красавицу. У Вари были тонкие, будто выписанные талантливым художником черты лица и чудесная копна кудрявых рыжих волос. Высокая ростом, пышущая телесным здоровьем, весёлая нравом, она всё больше и больше нравилась молодому парню.

Семён хорошо знал семью, в которой росла девушка. Её родителями были Трифоновы Феоктист Андреевич и Салманида. Надо ли говорить, какую дочь могли воспитать эти почтенные люди? Работящая, сноровистая, быстрая в движениях, она была приучена вести домашние дела, в ней хорошо просматривалась отличная хозяйка в будущем. Но своей решительностью и свободолобием Варя отличалась от подружек. Бывало, увидишь её, идущую по улице, волевою, независимую, строгую, красивую и стройную, невольно залюбуешься, как на сияющую с неба звезду. Такая требовательная девушка не могла остановить своё внимание на парне недостойном. Видимо, усмотрела она в Семёне много положительных качеств. Чувство её было, как бескрайнее море, глубокое и сильное. Парень был бесконечно благодарен своей избраннице за такое счастье, нежно оберегал его, как драгоценный сосуд.

Но вскоре судьба развела влюблённых. Варин отец, Феоктист Андреевич, видимо с особой заботой о будущем дочери, правдами-неправдами вытребовал в правлении колхоза разрешение на отъезд девушки на учёбу. Отправил батюшка Варю в Уфу, к своим родственникам.

Спустя время, и Семён покинул родные места, будучи призван в армию. После службы многие парни не

хотели возвращаться в деревню. Вырвавшись из колхоза и получив долгожданную свободу от опостылевшей беспросветной жизни, молодые ребята любыми путями стремились в город. Теперь уже никакая сила не могла их вернуть назад, в колхоз.

Такую же судьбу выбрал для себя и Семён. После армии приехал он в Томск, получил профессию водителя. Пришлось молодому человеку помотаться по съёмным квартирам. О создании семьи Семён долго не задумывался. Не мог забыть свою Варю. К тридцати годам, по тем временам с большим опозданием, он всё же женился, обзавёлся детьми. Много работал, крутил баранку, считался на своём автопредприятии лучшим водителем, был уважаем в коллективе, имел государственные награды. Вскоре Семён получил большую квартиру в центре города.

Я тоже жил в Томске и, как бывший односельчанин, изредка встречался с Семёном. В одну из наших встреч он поделился со мной своими душевными переживаниями. Оказывается, спустя много лет после отъезда из нашей деревни, Варвара разыскала Семёна и приехала в Томск. Она к тому времени овдовела, имела, как и её возлюбленный взрослых детей, которые уже обзавелись своими семьями. Её ничто не связывало.

Состоялась первая встреча, которая показала, что их чувства не исчезли с годами, а только замерли на время и, как сибирская ягода брусника после заморозка становилась вкуснее, так и их любовь после длительной разлуки окрасилась новыми красками. Их встречи были тайными. Но для Вари скоро стало ясно, что так долго продолжаться не может. Однажды она решительно подступила к Семёну с вопросом об их дальнейшей судьбе. Она со слезами на глазах вспоминала, как через всю жизнь пронесла свою любовь к нему. Как глубоки и сильны были её чувства! Ей не хватало слов, чтобы передать то, что томилось в её

сердце на протяжении многих лет. Но Варя нашла в себе силы, чтобы передать это.

И Семён был потрясён! Как сильно она его любила! Есть ли ещё на свете такой любящий человек, как эта уже не молодая женщина? А Варвара, очнувшись от прорвавшихся наружу чувств, спокойно и настойчиво потребовала: или Семён оставляет жену, или им придётся расстаться теперь уже навсегда.

Трудно пришлось Семёну. Долго сидел он молча перед взволнованной любящей его женщиной. Но не решился ломать устоявшуюся жизнь, а принёс в жертву свои чувства обязательствам, взятым при создании семьи, и отказался от своей возлюбленной. Мужество покинуло его. Не смог он выдержать силы Вариной любви. Видимо, не каждому дано так, через всю жизнь, пронести свою любовь, чтобы не расплескать ни капли.

Земля ушла из-под ног Варвары. Она долго молчала и смотрела на Семёна, запоминая, казалось, каждую его чёрточку...

Он провожал её на перроне вокзала «Томск-1». В ближайшем парке неутомимая кукушка щедро отсчитывала для кого-то будущие счастливые годы. Но не для них.

Забавные истории

У меня есть хороший товарищ. Он приходится мне близким родственником. Зовут его Василием. Это молодой, красивый и здоровый мужчина. В народе обычно про таких говорят: парень хоть куда. После окончания школы Василий отслужил в армии. Его дед был геологом, геологом был и его отец, поэтому молодой человек поступил в Томский геологоразведочный техникум.

Василий после армии стал работать на предприятии по добыче нефти и газа. Трудился он на севере Томской области вахтовым методом: месяц работал, а следующий – находился дома с семьей. Несколько лет назад поступил Василий в Томский политехнический университет и успешно окончил его, став дипломированным специалистом в области разведки и добычи полезных ископаемых.

Мне всегда интересно было беседовать с моим молодым родственником, который был неплохим рассказчиком. Однажды, вернувшись из командировки, Василий пригласил меня в гости, мы сидели в его уютной квартире и обменивались семейными новостями. Потом разговор перешёл к другим темам, и Василий рассказал мне забавную историю, свидетелем которой он стал сам.

Дело было так. Рабочие расположились в вахтовом вагончике. Так называется передвижной домик для жилья нефтяников. Это было зимой. Часть продуктов, привезённых из дома, для лучшей сохранности ребята решили вынести на мороз. Между двумя деревьями они надёжно укрепили деревянный шест. На этот шест вахтовики подвесили пакеты с продуктами. Один рабочий разместил в «холодильник» две тушки кур, купленных в магазине. В пакете его напарника лежали две курицы, которые были выращены в личном хозяйстве.

На территории вахтового посёлка была установлена система видеонаблюдения. На следующий день дежурный по кухне, решив сварить суп из курицы, направился к «холодильнику» и обнаружил, что на месте нет одного пакета. Он бесследно исчез!

Обнаружив пропажу, озадаченные вахтовики, тут же бросились просматривать записи на камере видеонаблюдения. Шест с пакетами был хорошо освещён ярким светильником, так что место преступления просматривалось на записи очень чётко.

Видеокамера зафиксировала всю картину «преступления». Ночью, соблюдая все меры природной предосторожности, к запасам продуктов подобралась рысь! Она ловко взобралась вверх по дереву. Постоянно пригнувшись, рысь по толстой ветке без особых трудностей добралась до шеста с курами. Сначала дикая кошка внимательно изучила пакет, где лежали куриные тушки, купленные в магазине, обнюхала их и, оставшись равнодушной к содержимому, продолжила своё обследование. Куры, лежащие в соседнем пакете, источали, видимо, такой запах, что дикий зверь, без особых раздумий сцапал добычу и был таков! Рысь, не обученная сложным приёмам лабораторных исследований, с ходу, благодаря природному дару, безошибочно определила, где качественные продукты, а где – бутафорские предметы с опасным набором химикатов.

Василий, видя, что рассказанное произвело на меня впечатление, увлечённо продолжил свои истории. Об одном происшествии рассказал ему, в свою очередь, коллега из Колпашева. Дело было глубокой осенью. Сбежал из зоопарка медведь. Дорога привела его на территорию детского сада. Обошёл косолапый все игровые площадки, обнюхивая и рассматривая предметы на своём пути. Дорогу ему преградили одноместные качели. Все детали качели

были выполнены из металла, причем хорошим мастером. Стойки крепкие, без подвоха, цепи натянуты надёжно. Обнюхал мишка качели, тронул их лапой и стал взбираться на сиденье. Долго не удавалось ему расположиться как надо: размер сиденья для мишки был неподходящим. Однако, изловчившись, взгромоздился он, уселся боком, хотя лапы его торчали в разные стороны. Не сказал, но подумал «Поехали!», должно быть, вообразив, что отправляется в космос. Прежде чем покинуть зоопарк, медведь хорошо пообедал в своем приюте, был сыт и доволен жизнью. Настроение приподнятое, радостное. Можно и порезвиться! Вдоволь наигравшись, косолапый заснул. Укачало его, убаюкало! Не знал, не догадывался он, что всё происходящее на территории детского сада записывалось на видеокамеру. Где уж тут медвежьим умом понять да рассудить! Да, и некогда ему было осматриваться вокруг, когда рядом такая забава!

А в зоопарке тем временем поднялась тревога. Не успел дитя природы проснуться, как нагрянули его опекуны, а вместе с ними пришла автомашина. Через полчаса мишку водворили на своё место. Вот так попутешествовал беглец да ещё на качелях покачаться успел!

Василий замолчал. Не хотел я оставаться в должниках, и тоже рассказал историю, которую я помнил с ребячьего возраста.

Не часто встретишь мужчин, тесно связанных крепкой дружбой на всю жизнь. Я знал таких, двух веселых, жизнерадостных деревенских мужиков, которые не могли жить друг без друга даже самое малое время. Вспоминаю о них с теплотой душевной, но и с горечью от того, что беспощадная пучина минувшей войны поглотила их навечно.

Два товарища, два друга. Дружба их была бесхитростной и светлой. Одного из них звали Филарет

Прокопьевич и другого – Михаил Иванович. Оба были женаты. Хозяйки у мужиков видные, красивые: Авдотья да Матрёна. У того и у другого имелись дети.

У нас в деревушке исстари был заведен порядок: готовить дрова на зиму весной, в апреле. В это время солнце не жалело своей энергии, благодатно, обильно грело землю и все, что было на ней. Согретый лучами снег превращался на глазах в массу, подобную каше. В кустах и на деревьях веселились благополучно пережившие зиму птицы. Таким солнечным деньком отправились друзья в лес, на заготовку дров. Взяли с собой двуручковые пилы, топоры и снедь, приготовленную заботливыми хозяйками.

Шли товарищи в лес в приподнятом настроении, всё с шутками да прибаутками. Зубоскалили, бросали друг в друга комья снега, то и дело, будто невзначай, наступали друг другу на пятки. Не заметили они, как добрались до осинового околка. Здесь, в осиннике, где было много подходящих деревьев, решили остановиться. Мужики начали ловко орудовать пилой. Инструмент к работе у них подготовлен с любовью, мастерски. Быстро отваливались в стороны одна за другой чурки. Работа шла легко, споро, так и кипела в ловких мужицких руках.

А шутки без остановки так и пёрли наружу. Улучив момент, сыпал один другому снег на шиворот. Холодные ручейки быстро сбегали под рубаху, щекоча разгорячённое тело. От неожиданности вскрикивал зазевавшийся лесоруб – и ну, вдогонку за обидчиком! Крики, хохот, прыжки! А им, беззаботным, всё нейметя. Безобидные наивные шутки сменяли одна другую.

Спустя время, уже устав, изнемогши от весёлых шуток, просили друг у друга пощады – перемирия.

– Филарет Прокопьевич, хватит нам балагурить! – пробасил разгорячённый работой и шуточным боем Михаил Иванович.

– Ладно. Давай перекурим. Слегка отдохнем и приступим к распиловке.

Филарет уселся поудобнее на теплую осину. В грудь и лицо ласково светило весеннее солнце. Достал он из кармана кисет с табаком, чтобы завернуть папиросу. Давно уже сняли мужики с себя телогрейки, работали в одних рубахах. От тел парило.

Сзади к Филарету подошёл Михаил Иванович и положил руку на плечо товарищу.

– Да, хватит уж, Михаил Иванович! Перестань! – взмолился Филарет Прокопьевич. – И убрал бы ты, брат, руку свою с моего плеча! Больно уж тяжёлая!

Не оборачиваясь на товарища, он резко сбросил тяжесть, и тот же момент почувствовал, что задел своей рукой ... лохматую лапу! Вмиг его осенило, что совсем не его друг рядом!

В следующее мгновение Филарет, получив сильный толчок в бок, уже летел кубарем в рыхлый, водянистый, тёплый снег. Увяз он по самые плечи в весеннем сугробе. А медведь, по-народному, Михаил Иваныч, не оглядываясь, поковылял своей дорогой. Потревожили друзья его берлогу, находившуюся совсем не далеко от места их работы. Слишком расшумелись!

Вот так перекур! Быстренько собрали лесорубы свои кисеты, вещи и убрались восвояси. Вот было потом разговоров и шуток по этому поводу в деревне!

Вскоре получили два товарища повестки из военкомата и ушли на фронт. Филарет и повоювать не успел, как погиб. А дома, в нашей маленькой сибирской деревушке, осталась работящая и мудрая Авдотья. Она много трудилась, сгорела на работе, ушла из жизни лет пятидесяти, оставив кучу детей сиротами.

А Михаил Иванович Вялов встретил Победу. Был он танкистом, освобождал Прагу от фашистов. В одном из

последних боёв той войны получил он тяжёлое ранение. Сильный от природы человек, наш земляк, Михаил Вялов, тяжело и долго боролся за жизнь. Почти год провёл он в лазаретах и госпиталях. Военные врачи делали всё возможное и невозможное. И вот, наконец, боец дома.

Как сейчас помню его, покалеченного солдата с кожей цвета яичного желтка, в старенькой застиранной форме, стоящего посреди нашей деревенской улицы, резко оттеняющей сочной зеленью молодой травы его страшную желтизну. Только и славы-то было, что добрался до дома. Едва хватало некогда богатырских сил, чтобы обнять жену и двоих сынишек-погодков. В середине 1946 года его не стало. Матрёна Вялова, жена его, прожила долго, ушла из жизни не так давно, в девяносто семь лет, всеми любимая и уважаемая.

Вечная, незабываемая память им, людям хорошим!

Рабочие моменты

Много лет я отработал на предприятии «Энергосбыт» в должности инспектора по проверке объектов коммунального хозяйства. Работа требовала хорошего физического здоровья и умения работать с людьми. Коллектив контролёров был небольшим, в него входили и мужчины, и женщины.

Начальником нашим был Шапошников Александр Александрович, человек образованный и интеллигентный. Был он невысокого роста, добрым, совсем незлобным по характеру. Каждое утро мы являлись в его кабинет с тем, чтобы доложить о результатах проделанной за предыдущий день работы. Александр Александрович давал нам поручения, и мы отправлялись на объекты. В помощь нам, инспекторам, был автомобиль марки «Эразик». Он нужен был всем, использовался нарасхват, поэтому нам приходилось занимать на него очередь. К тому же автомашина армянского производства имела серьёзные технические недостатки и часто была в ремонте, поэтому до объектов нам, по обыкновению, приходилось добираться на общественном транспорте.

Трудность в работе была и в том, что мы, инспекторы, имели дело с людьми, нарушающими порядок пользования электрической энергией, людьми разными, иногда очень сложными. К любому из них надо было найти правильный подход.

Особая сложность возникала при проверке частных домовладений на Черемошниках. Этот район города в семидесятые годы прошлого столетия отличался отсутствием элементарной благоустроенности. Неухоженные улицы утопали в грязи, тротуары вдоль домов или отсутствовали, или были сломаны. Жилые дома,

в большинстве своём одноэтажные, были тёмными, мрачными, ветхими. В каждой ограде такого дома была злая собака. Нередко животные срывались с привязи и бегали по округе свободно.

Черемошники всегда славились многочисленными нарушениями. Местные жители воровали электроэнергию по-чёрному! Не все, а только те, кто занимался незаконным предпринимательством, имел подпольные цеха. Одним из таких незаконных видов деятельности была организация ферм по разведению песцов. Очень прибыльный бизнес и не очень затратный. Во дворах частных домов на Черемошниках были оборудованы фермы. Под них использовались сараи и крытые навесы, где рядами стояли клетки, обтянутые сеткой. Кормили зверьков хорошо: на корм шли речная и морская рыба, мясные отходы, привозимые с мясокомбината и птицефабрики. Корм для зверьков необходим был и зимой, и летом, поэтому для его хранения использовались большие промышленные холодильники. Песцам круглосуточно требовалось дневное освещение. Хорошее питание, свет и свежий воздух давали свой результат. мех песцов был отличный.

Во времена всеобщего дефицита сбыт меха шёл хорошо и давал хозяевам немалую прибыль. Во дворах таких домов обязательно стояли «Жигули» или «Волги». Двери и ворота в таких хозяйствах имели специальную самодельную сигнализацию, запирались крепко и надёжно. Дела были поставлены на широкую ногу. Для обслуживания фермы требовалось много электричества. Платить по тарифу хозяева за него не спешили, зато при помощи разных ухищрений умело обходили от учёта использованной ими электроэнергии. Очень не нравилось таким деловым людям, когда их ловили за руку.

Так однажды, наша контролёр по имени Анна Павловна, солидного возраста дама, получила задание

посетить с проверкой частные дома на Черемошниках. Обойдя к полудню по тридцатиградусному морозу несколько объектов, женщина, уже серьёзно озябнув, направилась на проверку ещё одного частного дома.

Подойдя к калитке, она осторожно приоткрыла её, опасаясь хозяйских собак, но обнаружив, что они на привязи, спокойно прошла в ограду. Жильцов во дворе не было видно. Анна Павловна постучала в дверь дома, но никто ей не ответил. Она вошла в дом, осторожно пробираясь вперёд в обледенелых валенках. Окликнула хозяев и, не получив никакого ответа, Анна Павловна направилась к электросчётчику. Успела она заметить, что диск счётчика не вращался, стоял на месте. Налицо нарушение при наличии в комнате ярко горящей лампочки!

И тут, резко повернувшись, она поскользнулась и почувствовала в тот же миг, что катится на валенках, как на коньках, по гладкому полу. Женщина к своему ужасу обнаружила, что она летит напрямик в открытую западную подполья! Удержаться было не за что, и Анна Павловна упала вниз. Подполье оказалось глубоким. Уже оказавшись на земле, она ещё больше испугалась, когда услышала, что над её головой затворилась крышка. В это время раздался мужской голос: «Посиди и подумай!» Вот так дела! Много было разных случаев у Анны Павловны во время работы: и смешных, и забавных, и неприятных, – но такое впервые! Лампочка, ярко горевшая над головой женщины, погасла. В полнейшей темноте Анна Павловна просидела долго, как ей показалось. Сидела она в подполье и не знала, чем закончится сегодняшний рабочий день. Вдруг над головой раздались тяжёлые шаги, мелькнул свет в приоткрытую створку, и тот же мужской голос скомандовал: «Выходи!»

По широкой лесенке она поднялась в дом. Не успела женщина осмотреться, как её бесцеремонно подхватили под руки двое мужчин и вывели в сени. Один из них грозно

произнёс: «Сейчас ты уйдешь туда, откуда пришла. Ты ничего не видела ни в ограде, ни дома! Будешь молчать – будешь жить! Убирайся – восвояси и забудь, куда попала!» Не помня себя, не чувствуя под собой ног, Анна Павловна вышла за калитку. Медленно пошла она по неприветливой улице, не оглядываясь по сторонам.

Да. Было такое. Много лет с тех пор минуло. Уходя на заслуженный отдых, поделилась Анна Павловна со мной своими воспоминаниями. Теперь уж казалось ей, что и не с ней это было вовсе.

Однажды Александр Александрович вызвал меня к себе в кабинет. «Вот, – показал мой начальник на бумагу, лежащую у него на столе. – Пришёл запрос из прокуратуры. В нём указывается фамилия и адрес женщины, которая осуществляет хищение электроэнергии в большом количестве. Об этом сообщают её соседи. Выясни, что там на самом деле, составь акт. Даю тебе два дня».

Я зашагал по указанному адресу. Пройдя до Обруба, я свернул на улицу Шишкова и добрался до Песочной. Здесь жила женщина, к которой я шёл с проверкой. «Дело простое, – думал я. – Надолго не задержусь». Старинный аккуратный дом стоял в глубине двора. Рядом с домом уложена небольшая поленница дров. «Значит, – думаю, – отопление печное. Надо же! Центр города, а к центральному отоплению не подключены!»

Поднялся я по окрашенному крыльцу, постучался. Мне открыла дверь опрятно одетая полная женщина лет восьмидесяти. Я представился, назвал место работы, должность. Мария Семёновна, хозяйка дома, немало была удивлена моему визиту. А когда она узнала, по какой причине я пришёл к ней в дом, искренне смутилась и сникла.

– Как так вышло, что Вы стали обогревать комнату прибором, идущим мимо счетчика? – спросил я старушку,

убедившись, что действительно есть нарушение с её стороны.

– Миленький, да как же не обогреть, коли дом-то старый, холодный. Очень я мёрзну, особенно ночью в сильные морозы. А дрова-то дорогие. Осталось их совсем немного, – взмолилась она, горестно качая седой головой и дрожа всем телом. – Установил обогреватель мне племянник-студент, который квартировал у меня недолго.

Слушал я старую женщину, всю смущённую и расстроенную до слёз, и жалко мне её становилось. Немало я повидал по своей работе людей, пойманных с поличным, ворующих электроэнергию, но без зазрения совести, нагло выкручивающихся из положения, лукавых. А здесь стоит передо мной женщина тихая, покорная, смиренная. Знаю, что последние копейки отдаст она, чтобы выплатить большой штраф, который ей грозил.

Поражал ещё тот факт, что в трудное положение старушка попала по навету «доброй» соседки. Много встречал я таких людей. От них к нам в организацию часто приходили «подмётные» письма, они звонили и приходили к нам в контору. Каждый раз убеждался, что жалобщики не за справедливость радели, а по какой-то причине старались доставить неприятность своему соседу, а иногда имели и прямую выгоду.

Бывало, когда я появлялся неожиданно в доме «нарушителя» с проверкой, сосед-жалобщик, как ни в чём ни бывало, мирно попивал с хозяином чаёк, обменивался с ним последними новостями. Часто я начинал работу с посещения дома жалобщика и обнаруживал явное хищение им электрической энергии. Тут уж он смущался, лепетал: «Я же Вам сообщал о воровстве моего соседа... Не понимаю Вас...» Я, как бы в назидание, выписывал ему акт на достаточно большую сумму.

Принять решение по делу Марии Семёновны согласно букве закона для меня было мучительным. Штраф ей грозил внушительный. А обстановка в доме скромненькая. Не для какой-то безумной наживы использовала она нагреватель мимо счётчика, а из бедности и по старости. Совестьливая, по всем признакам, явно верующая женщина, стояла передо мной. Во всём её облике чувствовалось смирение и покорность судьбе. Не могла она не вызвать у меня расположение к ней. И я решил поступить по совести.

– Мария Семёновна, посоветую я Вам вот что: приходите-ка Вы завтра пораньше в нашу контору с документами, которые я Вам выпишу. Поговорите честно с нашим начальником. Он человек добрый, понимающий, вероятнее всего, поможет Вам. Я ему объясню ситуацию заранее.

На том и порешили. Утром я увидел старенькую седую женщину на скамейке у кабинета Александра Александровича. Тот уже был подготовлен мною, согласился по доброте душевной, что не стоит строжиться над старым человеком. Выписал он ей минимальный штраф. Со спокойным сердцем уходила из кабинета начальника Мария Семёновна. Она была одной из тысяч людей, побывавших на приёме у этого справедливого человека. На прощание она посмотрела на меня продолжительным благодарным взглядом.

Хлопотливая, беспокойная работа в «Энергосбыте» дарила незабываемые встречи с интересными людьми. Они остались благодатными метками в моей памяти. Об одной такой встрече не могу не рассказать.

Как-то ранним утром встретил меня Александр Александрович, как всегда неунывающий, в хорошем настроении, и сообщил, что сегодня нам предстоит поездка в посёлок Дзержинский. Уселись мы в нашу дребезжащую

машину и отправились с проверкой в исправительную колонию, где содержались для перевоспитания ребята подросткового возраста, совершившие неблагоприятные проступки.

Миновав мост через реку Томь, мы быстро добрались до посёлка. Нас встретил главный энергетик колонии, и в его присутствии мы стали обходить рабочие цеха, подсобные помещения и осматривали состояние электрохозяйства. Так мы дошли до столярного цеха. Здесь находились станки и верстаки. Везде лежали стружки и опилки, от которых шёл приятный запах строганного дерева. Помещение было просторным, с большими светлыми окнами.

За одним верстаком толпились ребята, занятые работой и не замечавшие нас. Подошли мы к ним поближе, поприветствовали их. Они подняли головы, и мы, к удивлению своему, увидели, что хлопотали подростки вокруг только что выструганного гроба. В тот момент ребята пытались обшить его тканью. Но нас удивил нестандартный вид гроба: был он коротким, но очень высоким и широким. Задали мы ребятам свой вопрос. Совсем молодые парни объяснили причину этому.

В посёлке жила женщина. Была она маленького роста и имела на спине горб. Как и многие наши соотечественники, эта женщина была ссыльной, из раскулаченной семьи. Всю свою жизнь прожила в посёлке Держинском, работала в колонии. Была она добра и ласкова с детьми, ладила с коллегами и соседями, помогала им словом и делом. Прожила долгую жизнь, недавно ей исполнилось сто лет. Так, называвшаяся до конца жизни казённо «врагом народа» и оказавшаяся не по своей воле на чужбине, женщина эта не растеряла светлые человеческие качества, не опорочила свою совесть ничем. А мы с Александром Александровичем явились невольными

свидетелями завершения многотрудной земной жизни этого славного человека, с миром отошедшего в жизнь вечную. Совсем молодые парни старательно делали последнюю домовину благой бабушки.

Невольно сравниваешь таких людей с драгоценным металлом. В самых неблагоприятных местах отыскивают в природе золото. Оно может залегать глубоко в земле, не привлекая ничьего внимания, иметь невзрачный вид, прикрытое разными породами: глиной, песком, камнями. Но только после того, как оно добыто и промыто руками человека, становится блистающим, ярким, привлекательным, самым дорогим металлом.

Так же и человек, у которого в душе нет ни малейшей нечистоты и неправды, через множество страстей достойно приходит к Истине. Такой человек становится настоящим творением Божиим: разумным, добродетельным и справедливым.

Современная история

Закончив работу над своей новой книгой «Эхо уходящих голосов», я отправился на автобусе к главе администрации Томского района. Хотел я обратиться к нему за финансовой помощью для издания книги. Приехал я немного раньше назначенного времени. Я устроился на удобном мягком сидении у двери кабинета и стал ждать своей очереди. Посетителей было совсем мало.

Вдруг тишину прервали резкие шаги. В фойе ворвался молодой человек. Был он плечистым, высокого роста, одетым в камуфляжную форму. Стремительно передвигаясь по фойе и нервно открывая одну за другой двери, он обращался к сидящим в кабинетах чиновникам:

– Где у вас тут самый главный?

Одни оставляли без внимания его несуразный вопрос, другие ему что-то отвечали.

– Нашу деревню занесло снегом, а никому до этого дела нет! – громко возмущался парень, продолжая открывать двери в кабинеты, внося сумятицу в деловую обстановку.

– Как вы не можете понять, что в нашу деревню нужно послать бульдозер! – не отставал посетитель. – По дороге не пройти, не проехать!

Один из служащих подвёл молодого человека к двери кабинета главы администрации и коротко сказал:

– Вам сюда.

Парень приутих, поняв, что сидящие рядом с ним женщины и старик ожидали своей очереди.

– Понимаешь, деда, – обратился он ко мне за поддержкой, разгорячённый длительными поисками помощи. – Снег идёт и идёт! Завалило все дороги в нашем Петрово! Не можем привезти хлеб в деревню! Почти все

жители – старики! Собирайся, Стас, говорят, бреди до города. Объясни там ситуацию. Вот кое-как выбрался. Вы же понимаете, в каком бедственном положении мы находимся?

– В таком положении сейчас все деревни в Томской области. Шутка ли: за два дня выпала месячная норма снега! – вздохнув, ответила парню молодая женщина.

Я не стал отмалчиваться и, не надеясь на положительный исход разговора, спросил молодого человека:

– А почему пешком шёл, а не запряг лошадь, чтобы на ней добраться в город?

– Ты что, дед, с дуба рухнул! Откуда у нас в деревне лошадь?

Я предполагал, что услышу что-то похожее. Не обращая внимания на реакцию моего нового знакомого, парня Стаса, я стал размышлять вслух:

– А ещё можно было бы в этой ситуации стать на широкие самодельные лыжи и без затруднений преодолеть все снежные заносы. Ну что теперь говорить про лошадь? Её ведь нужно вырастить, соорудить сани, сбрую. Да где же взять сейчас всё это необходимое снаряжение? В деревне сейчас сотовые телефоны и компьютеры на первом месте, а я о чем думаю?

И пришло на память то, что было много лет назад в нашей деревеньке после снежной пурги. Бывало, что за ночь снега выпадало по колено, но жизнь не затихала, не останавливалась. Все природные стихии и неудобницы принимались местным населением как естественно приходящие явления, спокойно, без особого сокрушения.

Отбушевала метель, накидала горы снега под самые окна и успокоилась к утру. Выходил спозаранку мужик на улицу, от века не знавшую электрического света, и видел свою деревню, увязшую в сугробах. Не спеша запрягал

хозяин в сани выносливую лошадь и размеренным упорным шагом колесил по улицам деревушки, потом выезжал за околицу и протаптывал дорогу до соседнего села. Заедет к знакомым перехватить стаканчик горячего чайку – и в обратную дорогу. Оглянется, а следом за его санями поспешает сосед на своей лошадке, утаптывает проложенную дорогу. Еще не наступил настоящий рассвет, а дорога, связующая соседние деревни уже есть, по ней пойдут путники, помчатся повозки. Это были те времена, когда люди любили саму жизнь, проявляли искреннюю заботу друг о друге.

Всё, что требовалось для нормальной жизни, в старину выполнялось членами семьи. Всякий деревенский дом начинался с возведения большой русской печи. Печка грела хозяев, кормила, если требовалось, лечила больных, создавала уют. Русская печь была украшением и центром всего дома. Её с любовью украшали фигурными изразцами. А уж какой необыкновенный хлеб выпекали хозяйки! Только в русской печи он становился таким ароматным и аппетитным. Вкус его зависел не только от природной сметливости и искусства хозяйки, но и от состояния её души. Хлеб этот долго не черствел, его брали с собой на работу: на поля, на покосы, в дальнюю дорогу.

По всей необъятной России тянутся дороги, тысячи верст. Существовали и служили дороги между селениями сотни лет. Не знали эти дороги асфальтового и гравийного покрытия. Миллионы лошадей, умных тружеников, тянули по бесконечным просторам сани и телеги. Телеги с деревянными колёсами надёжно служили русскому мужику ни один век и помогали творить историю. Славные мастера занимались дорожно-конным ремеслом. Многие ремёсла, связанные с дорожным делом, дали начало целым династиям, закрепились в фамилиях, которые существуют и поныне. Нам часто встречаются люди с такими фамилиями: Телегины, Дужные, Санниковы, Обозные, Колесниковы.

Вот такие, казалось бы, простые обыденные элементы русской жизни: телеги, сани, лошади, испеченный живой крестьянский хлеб и ещё многое – творили наши предки во славу России.

Такие думы вызвал у меня недавний случай. Еще долго размышлял я, погруженный в память своей многолетней жизни.

Мои думы прервал звук отворяющейся двери. Из кабинета главы администрации вышел деревенский парень Стас, которому мы уступили свою очередь. Он прошагал мимо нас широкой поступью, и, даже не догадавшись поблагодарить и попрощаться со всеми, поспешил к выходу.

Отцы и дети

Многому учат слова Священного Писания. Особо касаются каждого из нас поучения об отношениях родителей с детьми: родители, не раздражайте детей ваших, но постоянно заботьтесь о воспитании и учении их; дети, пребывайте в любви к родителям вашим, и будет вам благодать несомненная, и продлятся дни ваши.

За всю свою долгую жизнь мне много приходилось встречать людей зрелого возраста, которые обращали на себя внимание размеренностью своей, несуетливостью. А дети их с каким-то ненавязчивым вниманием и чуткостью всегда вовремя оказывались рядом, предусмотрительно подставляя своё плечо. Благоговейно выслушивая речь престарелых родителей, они упреждали любое их движение: значимое ли, едва заметное ли. Эта забота не была насильственной или человекоугоднической.

Такое попечение о ближних своих не появлялось само собой. Оно воспитывалось с младенческих лет. Искренняя и душевная забота о родных, глубокое их уважение возрастали в среде, пронизанной христианской любовью, наполненной благодатью.

Ушло в небытие веков то время, когда люди жили в обществе непререкаемого авторитета родителей, сознательного послушания, основанного на особом патриархальном укладе жизни и православных традициях.

Не страдали дети тех эпох от недостатка внимания взрослых. Ничто не мешало взрослым и детям находить общий язык, не разделял их переизбыток информации, технические новинки или «социальные сети». В наши дни эти «помехи» так глубоко вошли в жизнь людей, что подменили они собой человеческое живое общение, когда взрослых захлестнула волна своей информации, а дети с

головой потонули в интернете, завязли в своих «сетях». «Сети» заменили им, несмышлёным, и родительское понимание, и воспитание, и нравственность. Такая подмена пагубно отражается на становлении и взрослении детей, взаимосвязи поколений. Не пора ли бить тревогу?

Может быть, не лишне оглянуться назад и понять, насколько верен и надежен был путь наших славных предков. Веками тесные родственные нити связывали поколения, благодарные потомки бережно хранили в памяти семейные традиции и легенды, собирали в альбомы редкие фотографии, знали по имени-отчеству своих предков в четвёртом-пятом поколении, помнили свою родословную. Всё самое лучшее, что было в людях, молодые получали при тесном общении со своими родными через участие в общих семейных делах и каждодневную работу.

Труд скреплял поколения. Предки наши находили в труде радость, жизнь свою считали достойной, потому как достатка своего достигали, много работая. Делом чести каждого мужчины, главы семейства, было владение каким-то ремеслом, которое помогало ему в устройении жизни. Некоторые из них осваивали несколько ремёсел, такие мужчины были уважаемы, их ценили родные и чужие, их восхваляли за умение красиво и толково работать: будь то выделка отличной кожи из шкур животных или пошив одежды и обуви, изготовление конной сбруи или сооружение саней и телег, строительство домов и храмов. Многого умели делать наши предки своими руками. Всего, в чём они разбирались, мастерски владели, просто нет возможности перечислить. Дети всегда были рядом с взрослыми, присматривались к их работе, вникали в тонкости дела, наследовали ремесло своих отцов.

Постоянный физический труд в окружении природы формировал характер, закаливал и тело молодых людей.

Болезни редко касались наших славных предков, обходили их стороной. Жили они долго, трудились до глубокой старости.

Лучшие качества у подрастающего поколения формировались не через словесные поучения и наставления, а на собственном примере, в деле, в работе. Перед началом всякого дела люди творили молитву, прося благословения на это у Господа, а по окончании не забывали благодарить Его за помощь. Всё в семье было продумано до мелочей, а в воспитании мелочей не было. Так, к примеру, одежду и обувь в конце каждого сезона женщины тщательно просматривали, при необходимости штопали или накладывали заплатки, привлекая к этой работе дочерей. Весь хозяйственный инвентарь и механизмы после их использования мужчины чистили, смазывали, ремонтировали, а рядом обязательно на подхвате были подрастающие сыновья. Такая работа проделывалась не от скупости, безысходной нищеты или убогости, ведь трудились люди на совесть, со старанием и любовью. Таким отношением к имуществу продлевался срок служения вещей на десятки лет, а в ходе кропотливых домашних дел детям преподавались уроки бережливости, словесного спокойствия, терпения ко всему, даже к бытовым мелочам.

Вся работа по хозяйству и по дому была чётко распределена между всеми членами семьи. К домашним делам и ко всем хозяйственным заботам были привлечены все, даже ограниченные в движениях и умственных способностях домочадцы. Весь нажитый опыт родители щедро передавали своим детям. Заботой и тёплым человеческим отношением не обойдён был никто. Этому тоже учились без назиданий и нравочений, а по ходу дела на протяжении всей жизни.

С такой же основательностью подходили в патриархальных семьях и к приёму пищи. Здесь тоже сохранялись устоявшиеся веками традиции. Семейные трапезы проходили в присутствии всех членов многочисленной семьи. Никого не надо было уговаривать, особо приглашать к обеду, достаточно было одного слова матери, и домочадцы по первому зову собирались к столу. Дети стремглав мчались из дальних уголков домашней ограды, боясь остаться без обеда.

Всем хватало места за большим столом, посредине которого стояла одна, общая на всех, емкая посуда со снедью. Перед принятием пищи глава семьи произносил вслух молитву, благословляя еду. Только по его разрешению домочадцы приступали к трапезе. Лишнего слова не было слышно за столом, только постукивали мерно ложки. Заеваешься или отвлечёшься на разговор – значит, останешься голодным. Потому-то нельзя было за столом понапрасну терять время, отведенное для трапезы.

С удовольствием и завидным аппетитом употребляли встарь пищу. Она была сытная, вкусная, из натуральных свежих продуктов. Трапезничали с особым благодарением Господу. Ведь еда давала возможность восстановиться после серьёзных трудов и продолжать начатые домашние дела.

А трудиться нашим предкам приходилось много. Уставшие от хозяйственных хлопот, к ночи добирались они до своих лежанок и, поблагодарив Господа за ещё один подаренный день, погружались в здоровый непробудный сон, а с пробуждением снова отдавались работе. Хлеб насущный, как завещано, добывали в поте лица, живя по вечной заповеди Божией.

В то благословенное время русские люди не имели большого материального достатка, но они не считали себя бедными, обойдёнными благодатью Божией. Они искренне

понимали, что богатство в жизни – удел немногих. Предки наши старались жить по совести, чтобы всякий минувший день не был отягощён поступками и действиями неблагоприятными. Жили они с присущим благочестием, с надеждой на Создателя. Помощь Божию считали праотцы наши непреходящим сокровищем. Испытывали они иногда некоторые материальные затруднения. Но, закалённые жизнью, эти неудачи и невзгоды принимали с благодарностью. Имея малый достаток, предки наши творили добрые дела, помогали нуждающимся людям. А дети их всё видели, всё замечали, всё понимали и учились у своих родителей благодарности и милосердию.

Живя в чистоте православия, предки наши понимали, какая плохая участь ждала тех, кто копил блага ради своего наслаждения, а не для Господа. Это убеждение они передавали своим детям. А во многих современных наших семьях царит культ денег. Обеспеченные люди хотят безраздельно наслаждаться своими богатствами, считая, что всего они добились сами, и что Господь здесь не причём. Как не ужаснуться их безумию! Ведь никакое богатство не сможет уберечь человека от трудностей, страданий и болезней. Внутренний мир таких людей без Бога скудеет, они совершенно не помнят о Нём!

Без памяти о Боге душа мрачнеет, черствеет, ожесточается. Особенно страдают от этого души детей. Сколько случаев жестокосердия подростков демонстрируют нам новостные сюжеты! Это ведь наши дети! А у них есть родители. Значит, упустили что-то взрослые, не тот образец поведения подали...

Почему-то по этому поводу мне приходит на ум пример не из жизни людей, а из мира животных. Может быть, кому-то покажется странным, но хочу рассказать о том, как птицы умеют жить в содружестве, помогая друг другу и спасая своё потомство. Дикие утки, прилетевшие на

север, иногда откладывают свои яйца в гнезда чаек. Почему? Да потому, что чайки, селящиеся обычно большими колониями, отчаянно, самоотверженно защищают свои гнезда от врагов: хищных птиц, зверьков-грызунов и людей. В это время они издают угрожающие крики, стремительно подлетают к нарушителю, пытаются заклевать его, захлопать крыльями, обильно перепачкать его испражнениями. В незавидное положение попадают те, кто посмел перешагнуть границы колонии.

Так неразумные, казалось бы, твари, населяющие природу, отлично знают достоинства рядом живущих обитателей. Творец как будто наделил их пониманием справедливости и взаимовыручки.

Что уж говорить о разумном Его творении – человеке? Люди должны помнить, что житие наше есть общественное, обоюдное. Мы можем испытывать открытое искреннее отношение друг к другу, быть готовыми прийти на помощь близким людям дельным советом или добрым делом. Почему же происходит страшная метаморфоза в нынешнем мире, когда человек звереет, а животные проявляют чудеса милосердия?

Свидетелем такого случая я стал однажды. Шёл я по улице Томска. Не так далеко от меня проехала автомашина, водитель которой не заметил собаку, перебегающую через дорогу, и задел её колесом. Животина была ранена. Она лежала на проезжей части и время от времени приподнимала голову, пытаясь привстать. В этот момент по обочине дороги бежала другая собака. Увидев беду, она, не раздумывая, бросилась на помощь покалеченной, слегка прихватила её зубами и поволокла в сторону, на обочину. Протащив пострадавшую метра два, собака сделала остановку, оглядываясь по сторонам. Водители автомобилей, проезжавших мимо, в изумлении

притормаживали, видя, с какой самоотверженностью животное помогало другому животному. Они смотрели на собаку-спасателя с восхищением и благодарностью. Наконец, эвакуация закончилась. К обочине дороги, где находились животные, уже спешили неравнодушные люди. Они доставили раненую собаку в ветлечебницу.

Так бывает среди животных. А что же делается с людьми? Ведь своё жестокосердие мы распространяем не только на близких людей, но и на окружающую нас природу. Всегда ли было так? Конечно, нет.

Убеждены были мудрые предки наши в том, что бытие природы есть продолжение их дома. С малых лет дети знали, что природа – творение Божье. Жить с природой и её обитателями праотцы наши стремились в гармонии, любили природу, учились у неё и оберегали, как часть своего естества. Дети их, видя благодарное отношение взрослых к окружающим их красотам, принимали трепетными своими душами этот неписанный Закон. Принимали на многие годы и оставляли в дар потомкам. Как бы хотелось, чтобы в нынешние семьи вернулось понимание неподдельности такого Божьего дара.

Знаю, что жизнь идёт только вперёд. Знаю, что ушедшего в века патриархального уклада нам не вернуть назад. Неумолимое время стирает многие страницы из традиционной русской жизни. Но научить наших детей помнить о Боге мы должны, сверять свои поступки, свою жизнь с Его заповедями мы обязаны.

Путь христианки

Жил я тогда в селе недалеко от церкви. Накануне большого христианского праздника, Покрова Пресвятой Богородицы, батюшка объявил, что среди недели будет служба. Пришёл я к храму заранее, но дверь в него оказалась закрыта. Не зная тому причину, я решил подождать. В это время к остановке, что находилась недалеко от церкви, подошёл пассажирский автобус, из него вышла женщина пожилого возраста. Она была прихожанкой нашего храма. Звали её Ниной. Эта женщина жила в соседнем селе. Знакомы мы были давно: уже почти двадцать лет, ровно столько, сколько вместе посещали этот старинный дом Божий.

Нина – женщина лет семидесяти, невысокого роста, стройная, подтянутая, скорая в движениях. В милом лице её просматривалась прежняя красота. Она всегда была добра и приветлива со всеми. От неё невидимыми волнами шла душевность и участие.

Она подошла ко мне, приветливо поздоровалась, как всегда выражая радость от встречи. Мы, чтобы скоротать время, прошли в ухоженную церковную ограду. Здесь всюду были цветы, выращенные добрыми руками. В центре, рядом с храмом, рос молодой кедр в буйной своей красе. Кедр, высаженный несколько лет назад нашим священником, был особенно любим всеми прихожанами. Нам нравилось время от времени отдыхать на лавочке под его могучими ветками.

Мы с Ниной уселись на скамейку под кедром. Такая благодать кругом: тишина, тихий шелест хвои, потревоженной ветерком, золотые блики от купола храма, мирное щебетание птиц. Было так хорошо! Мы сидели на скамейке, отгороженные храмом от посторонних глаз и

суеты села, и Нина тихо, не спеша, как на исповеди, стала рассказывать мне о своей жизни.

Родилась она в семье зажиточных крестьян, живших на Алтае. В двадцатых годах семья была признана кулацкой, попала в разряд «врагов народа» и была сослана в Сибирь.

Старшей в их роду была бабушка Ульяна, мудрая, наделённая природным умом, женщина. Всеми своими силами, как могла, хранила она старый уклад жизни большого семейства: семеро детей было у отца с матерью.

Бабушка Уля из всей детворы особенно выделяла Нину, приблизила её к себе. С самого детства учила она внучку читать вслух молитвы и святые книги. В их дом часто приходила тетя Дарья и тоже учила племянницу святым молитвам. Нина, хоть порой и уставала, но просьбам старших не перечила.

Память о своих предках Нина до преклонных лет сохранила. Жива эта память не только в некоторых старых вещах: истоптанных, починенных, потёртых, ставших свидетелями истории семьи. Память живёт и в потрёпанных альбомах, пожелтевших фотографиях, которые сохранили для Нины и её детей дорогие образы. Как ей порой не хватало тех милых, родных лиц!

Эти её самые близкие люди пережили невероятные трудности. Они были изгнаны из родных мест, потеряли кров и лишились имущества. Но самая страшная утрата – гибель на войне родных мужчин. Нина имела перед собой пример достойной жизни своей мамы, бабашки и тёти. Стойкие эти женщины не склонялись перед трудностями. За грех принимали они высказанную обиду, ропот. Слова мудрости шептали губы: «Господь дал, Господь и отнял. Его воля. Благодарим за всё!»

И маленькая девочка во всех своих делах полагалась на Бога. Так, идя в школу, с детской наивностью просила:

«Дай мне, Господи, хорошие отметки. Сделай так, чтобы учителя мои были умными и добрыми». По-малолетству рассуждала, что если ей было легко и весело, то и её Богу было также. Пролетели трепетные годы детства. Встретив юность, Нина поступила в институт, получила гуманитарное образование. В замужестве пошли дети. Теперь вот дожила и до внуков.

Жизнь Нины, не безоблачная, порой крепко проверяющая на прочность, убедила эту славную женщину, какой безграничной бывает помощь Господа. Дети её тоже не забывают дорогу к храму. Она радуется, когда их дела устраиваются надёжно и праведно.

Иногда родственники и знакомые спрашивали женщину, чем ей помочь, есть ли в чём-нибудь нужда. «Да, слава Богу! – отвечала чаще всего Нина. – Не знаю, что мне нужно. У меня маленькая тёплая комнатка, в её красном углу иконостас. Читаю молитвы, зажигаю свечи. Конечно, чаще хотелось бы уловить на себе ласковый взгляд и услышать доброе слово».

Моя знакомая во время богослужений всегда уходила в укромный уголок храма, и мы с ней оказывались на большом расстоянии друг от друга. Иногда мой взгляд невзначай касался Нины. В глубоком молитвенном состоянии находилась она в это время. Нельзя описать словами, каким вдохновенным было её лицо, обращённое к Спасителю, сколько мольбы и благодарности было в её глазах!

Я радовался, что в нашей церкви есть Нина и другие женщины - прихожанки, на которых держится церковный приход, который укрепляется их искренней верой и упованием на многомилостивого Иисуса нашего Христа. Ведь давно известно, что многие люди доживают до глубокой старости. Но далеко не все вместе с седой стариной несут в себе живую мудрость и доброту.

Недавно, как рассказала мне моя собеседница, она побывала в одной небольшой церквушке, которая стояла на окраине населённого пункта, в котором Нина оказалась по случаю. Деревянная деревенская церковь в честь Святителя Николая Мирликийского, иначе, Николая Чудотворца, состояла из двух пределов. Иконы в храме том были подобраны настоятелем с особым почтением и в соответствии со всеми церковными канонами. На небольшом столике хранились мощи мучеников и глубокочтимых святых. К святым мощам с благоговением прикладывались дети, не пропуская своим лобызанием ни одного. Глядя на детей, не могли устоять в стороне и взрослые. Вдоль стен со всем вниманием к немощным были установлены скромные скамейки. Всё в церкви с любовью обустроено батюшкой вместе с прихожанами. Без особого дорогого убранства, без желтизны древнего металла стояла и служила церковь верующим, грела и умягчала их сердца.

А в душе почтенной прихожанки Нины теплилась надежда на то, что когда-нибудь и в их маленьком селе появится своя церковь. Ведь уже двадцать лет, в любую погоду, добирались она и ещё несколько её односельчан в соседнее село на богослужения. Часто приходилось долго ждать автобуса, а на обратном пути ловить попутку, испытывая при этом серьёзные трудности. Было предпринято много усилий для открытия в их селе храма или часовенки. Но всё – безрезультатно.

Часто, очень часто вспоминались женщине слова давно ушедших из этой жизни дорогих людей о том, что только терпение и смирение дают человеку уверенность в Божественной поддержке. Лишь одно можно было слышать от Нины: «Слава Богу за всё!»

Я сидел и слушал Нину, не пропуская ни одного слова. Они отозвались в моём сердце и погрузили меня в раздумья о дне сегодняшнем. Живем мы в мире высоких скоростей и вездесущей информации. Она опутала нас, как

паутиной, и работает сутками, без усталости. А люди, про которых апостол Павел писал, что у них «чувства навиком приучены к различению добра и зла», горят желанием в исповедании доброго, умиротворяющего слова.

Никому бы не помешало, чтобы в больших селах стояли действующие церкви, а в маленьких, забытых и заброшенных деревушках действовали маленькие часовенки. Тогда в самых дальних селениях, медвежьих углах, могли бы люди обратиться к Богу. Ещё есть время. А пока российские старушки в аккуратных платочках, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, идут в поисках Божьей Правды.

Много веков подряд мудрецы работали над созданием вечного двигателя, пытались золото изобрести в своих лабораториях. Если бы люди понимали, что всё то, что сотворено их руками, каким бы надёжным и прочным оно ни казалось, – это всего лишь скоропроходящее явление. Подобные идеи – совсем не дело человеческого ума. Создателем нашим сотворено то, что ценнее золота и надёжнее вечного двигателя: душа человеческая с её вечной жизнью на небесах, рядом с Господом – вот непреходящее сокровище.

Кержацкий крест

Произошло это совсем недавно, несколько месяцев тому назад. По неотложным делам оказался я в церкви Воскресенья Господня, что находится в центре Томска, где мне предстояло встретиться с её настоятелем, отцом Дионисием (Мелентьевым). Батюшка любезно согласился предоставить мне материалы, касающиеся истории этого старинного томского храма, о котором я намеревался написать. В ходе нашей встречи показал я отцу-настоятелю свою первую книгу «Нарымские были». Беседа с батюшкой, хотя и продолжалась недолго, была для меня полезной. Я поблагодарил отца Дионисия и, попрощавшись с ним, направился к гардеробу, где стал не спеша одеваться, держа книгу в руке.

В это время я заметил, что издалека на меня внимательно смотрела женщина преклонных лет. Преодолев смущение, она всё-таки обратилась ко мне:

– Прошу прощения за беспокойство, но могли бы Вы мне сказать, где Вы взяли эту книгу?

– Это моя книга, она написана мной.

– Скажите, а где можно купить её?

– Купить книгу Вы не сможете: её нет в продаже.

Тогда уж я в свою очередь задал моей собеседнице вопрос:

– А почему Вы так настойчиво интересуетесь этой книгой?

Женщина призадумалась, а потом ответила:

– Меня заинтересовало название книги – «Нарымские были». Это так необыкновенно. Мне кажется, она не может быть простой...

Эти слова женщины поразили меня. Мы познакомились. Прихожанку Воскресенской церкви звали

Нина. Она поведала мне, что приходится дочерью Елиферия Ефимовича Литвинова, репрессированного в тридцатые годы прошлого столетия. Сгинул он навечно, как она предполагает, в Нарымском краю. Всю свою жизнь пронесла Нина память об отце и была бы рада получить хоть какую-то весточку о том, где покоится его прах, где безвременно сложил он свою голову.

Елиферий
Литвинов
с женой
Александрой

Рассказ Нины Елиферьевны, такой искренний и пронизанный болью, не мог оставить меня равнодушным. Почувствовал я в ней родственную душу. Моя новая знакомая получила от меня книгу «Нарымские были» для прочтения. Как она была рада этому! Нина обещала

прочитать книгу и обязательно поделиться своими впечатлениями. Мы обменялись номерами телефонов, и действительно, через два дня она позвонила мне и пригласила в гости.

Мы сидели за уютным столом в небольшой залитой солнцем комнате. Согривал душу тёплый скромный иконостас, вкусный чай и неторопливая беседа. Нина Елиферьевна всё говорила и говорила, бережно перебирая потемневшие от времени старые фотографии. Они будоражили радостные и горестные воспоминания, и тихие слёзы наполняли глаза моей собеседницы. Я слушал Нину, а сердце моё плакало вместе с ней.

Память Нины хранила лица своих родных в четвёртом поколении. Предки Нины Литвиновой перебрались в Сибирь из Центральной России. Как оказалось, были они из староверов, или старообрядцев.

Здесь невозможно не вспомнить историю возникновения старообрядчества, древлеправославия. Это явление на Руси возникло в середине XVII века, когда в 1653 - 1660 годах царём Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном проводилась церковная реформа. Патриарх пытался привести богослужебную жизнь на Руси к единому образцу, который задавала греческая церковь. Не все православные русские люди были согласны с изменениями прочно устоявшихся традиций, бравших начало ещё с апостольских времён.

Так было всегда: если власть не учитывает интересы народа, не обращает внимания на его ропот, а насильно ставит народ в свои «оглобли», рубит с плеча, то это заканчивается большими трагедиями для всего народа, для всей страны. Трагедия народная произошла и в этот раз.

Излишняя суровость и поспешность патриарха Никона в осуществлении реформ вызвали раскол в Русской православной церкви. Среди стойких приверженцев старых обрядов росло недовольство, оно привело к открытым

столкновениям с «нововерцами». С тех беспокойных для русского православия времён староверы стали именоваться «раскольниками» и преследовались церковными и светскими властями.

Спустя века противостояние это угасло, стороны признали обоюдные ошибки, более того, отрадным явлением в наше время стал широкий диалог между Русской православной и Русской православной старообрядческой церквями. Имеют место явные предпосылки для преодоления отчуждения церквей и для их сближения. Но более чем трёхвековой церковный раскол нанёс непоправимый удар по русскому православию.

К началу этой народной драмы старообрядцы особенно плотно были расселены в Нижегородских землях, вдоль реки Керженец. По наименованию реки за староверами закрепилось и другое название, в народе их стали именовать «кержаками». После разгрома Керженских скитов староверы массово бежали от преследований на Урал, рассеялись по всей Сибири, поселились на Алтае, добрались до Дальнего Востока.

На новые места, расположенные посреди непроходимых лесов и болот, староверы перебирались целыми родами. Селились они в глухой тайге, которая оберегала их от гонителей, где они могли сохранять свой особый уклад жизни и крепкую старую веру. Жили они обособленно от «мирских», приверженцев «нового» православия, сторонились всех чужих, поддерживая связь только с единоверцами других родов, селящихся неподалёку друг от друга.

Так в первую волну переселений, в середине XVII века, предки Нины Литвиновой тоже оказались в Сибири. Сюда привёл свою многочисленную семью старейшина их рода Денис Литвинов. Везли с собой всё: животных, инструменты, скарб, имущество, религиозную утварь,

древние книги. Долгим был путь, пока не нашли они свою духовную пустынь. Облюбовали они глухое место, где в наше время шумит-гремит беспокойная железнодорожная станция Тайга, что в Кемеровской области. Литвиновцы образовали своё поселение. С годами оно росло и стало большим крепким селом, называемым Литвиново. Сейчас это большая узловая станция на Западно-Сибирской железной дороге.

Елиферий
Ефимович
в возрасте
25-ти лет,
расстрелян
в 1937 году

Жизнь в старообрядческой семье Дениса Литвинова была устроена по строгим правилам. Взрослые и дети трудились с утренней зорьки до заката солнца. Многими ремёслами должны были владеть эти люди: они занимались выращиванием ржи и пшеницы, сеяли лён, из которого

могли ткать полотно, были кожевенных дел мастерами и скорняками, умели строить добротные дома.

Крепко духом было Литвиновское семя. Только смелым, физически и нравственно здоровым людям по плечу были испытания, которые выпали на их долю. Невиданная жизнестойкость и крепость веры проявили все домочадцы Дениса Литвинова, пустившиеся в трудное странствие по матушке-Руси. Не растеряли, а сохранили они на века православные традиции. Настойчиво и терпеливо обучали старoverы своих детей чтению древних книг, знанию Священного Писания, пению молитв и псалмов, почитанию старинных икон и сохранению древних обрядов. В делах веры взрослые были примером для детей.

Строгие нравы, прилежание в работе, особый распорядок в быту формировал твёрдость характера этих людей, умение добиваться цели, поступать со всеми по совести. Таковыми были все сородичи Дениса Литвинова. А семья его была немалой. Только сыновей было семеро! А где сыновья, там и невестки, и дети, и внуки. Все они жили в Литвинове одним разросшимся родом. Жили дружно, работали честно, молились Богу усердно.

Несмотря на перенесённые трудности, род Дениса Литвинова процветал, крепко стал на ноги. Прапрадед Нины занялся разведением лошадей. Рядом с домашними постройками были возведены многочисленные конюшни. На просторных лугах были обустроены специальные летние заимки, где содержались породистые строевые лошади. Повзрослевшие сыновья Дениса Литвинова, Иван и Николай, были особо предприимчивыми и удачливыми. Они вели торговые дела, часто выезжали для заключения сделок в Манчжурию, Киргизию, выгодно сбывали породистых лошадей в казачьих станицах, вели торговлю с содержателями гужевой ямщины. Так потомки Дениса

Литвинова, воспитанные в древлеправославной вере, стали преуспевающими предпринимателями, успешными купцами, зажиточными и рачительными крепкими крестьянами.

Особо почитаемым в роду Литвиновых стал сын Ивана, Ефим Литвинов. Рос он смышлённым и пытливым мальчиком. Воспитан был, как и повелось, в традициях старой православной веры, что наложило свой отпечаток на его характер. Достигнув призывного возраста, оказался молодой сибирский парень Ефим Литвинов в Собственном Его Императорского Величества Николая II сводном гвардейском пехотном полку, где прослужил 8 лет.

Когда в 1904 году началась Русско-японская война, Ефим Литвинов оказался на полях сражений. В действующей армии служил он адъютантом у царского генерала. Однажды в жестоком бою генерал был тяжело ранен. Ефим Литвинов не растерялся и решил вынести с поля боя истекающего кровью командира. Как рой жужжащих мух над навозной кучей свистали пули над адъютантом и раненым. Но упорно полз сибиряк вперёд. Одна только мысль не покидала его: надо дотянуть до своих частей, спасти генерала во что бы то ни стало. Раненый уже еле дышал. Преодолевая все препятствия, добрался-таки Ефим Литвинов до санитарной палатки и передал умирающего генерала медикам. Старания адъютанта были не напрасны. Врачи спасли командира. Ефим, весь испачканный кровью генерала, упал на колени рядом с палаткой и неистово взмолился: «Господи! Благодарю Тебя! Не я, а Ты спас моего генерала и мою честь!»

Спустя время, командира отправили на дальнейшее излечение в Петербург, а солдат Ефим Литвинов продолжил службу. Много было ещё тяжёлых сражений и опасностей. Не прятался Ефим за спины других солдат, воевал отважно и честно, за что был отмечен наградами. К тому времени его генерал пошёл на поправку и вспомнил об

отважном адъютанте, который вынес его на плечах из боя. За этот подвиг Ефим Иванович Литвинов получил высокую награду. Не без помощи своего командира вскоре Ефим был отчислен в запас и наделён значительной денежной суммой. Вернулся герой домой со славой, на груди его сияли георгиевские кресты. Почёт и уважение георгиевскому кавалеру воздавали все родственники и односельчане Ефима Литвинова.

Лейбгвардии
Его Высочества
Царя Николая II солдат
Ефим Иванович Литвинов

По возвращении в родные края перебрался он на постоянное место жительства из Литвиново в соседнее село при железнодорожной станции «Тугальская». Здесь Ефим устроился на работу мотористом водонапорной башни, которая снабжала водой населённый пункт и саму станцию. Спустя несколько лет, когда ему исполнился 31 год, Ефим решил создать семью. Невестой его стала Екатерина Романовна, девушка староверческого исповедания, жизнерадостная, работящая, крепкая, но совсем молоденькая. К моменту сватовства ей было всего 16 лет.

Родители хотели отложить свадьбу, но Екатерина смело ответила: «Тяженька! Зачем тянуть время? В этом году или на год позже, какое это имеет значение?» Сваты и родственники невесты рассмеялись. На том и порешили. Вскоре сыграли свадьбу. Стали молодые жить-поживать, да Бога благодарить за посланное им семейное счастье. В 1912 году у Ефима Литвинова и его жены Екатерины родился сын, которого назвали Елиферием (в переводе с греческого: «свободный»).

Ефим Иванович Литвинов с женой Екатериной Романовой

Рос он в своей благочестивой семье, набирался уму-разуму, закончил три класса церковно-приходской школы. Парень вырослел, проявлял свой характер. Был Елиферий спокойным и уравновешенным, обладал хорошим складом ума, имел чистое незапятнанное сердце.

Елиферий работать начал рано. Трудился он на железной дороге: начинал путевым обходчиком, дослужившись со временем до начальника станции «Тутальская». Его исключительная трудоспособность, умение доводить начатую работу до конца, ответственность и хозяйский взгляд на вверенное ему дело помогали Елиферию Ефимовичу быть на хорошем счету у специалистов-железнодорожников, слыть справедливым руководителем для подчинённых, пользоваться уважением в народе.

И в семье молодого начальника станции всё ладилось: у них с женой Александрой в 1935 году родилась дочка Нина. Дружная семья, любимая работа – живи и радуйся. Так бы и шло всё своим чередом, если бы не обрушилась на российский народ новая беда, пришедшая со стороны краснойзнамённой советской власти. Очень уж мешали ей, власти, строить новую светлую жизнь крепкие самостоятельные мужчины, в которых она разглядела своих заклятых врагов. Ворвалась она в тихую размеренную жизнь сибиряков лозунгами и красивыми словами. Но мало этого! Менялись нравственные устои. Богоборческая власть покусилась на православную веру. Не пощадила она и старообрядцев. Последовали угрозы, аресты, лагеря, расстрелы. Горе и разруха. Искоренение мужского населения. Разорение могущественного государства. Россию того времени можно сравнить с сорвавшимся с тормозов и летящим вниз по спуску скорым поездом, который давил без разбора всех, кто попадался на его пути.

Раздавила, разорила, обездолила, обезглавила новая власть миллионы российских семей. Как и многие другие сильные духом и разумные мужчины, Литвинов Елиферий Ефимович угодил под репрессивный каток. Забрали его в 1937-ом. Недалеко от станции «Тутальская» был разбит лагерь для «врагов народа». Здесь томились сотни мужчин, осуждённых без суда и следствия. Сюда часто приходила молодая женщина Александра Литвинова с маленькой дочкой на руках, чтобы повидаться с мужем, передать ему и другим пленниками хлеба. Приходила, пока охрана не пригрозила ей арестом. А потом всех взятых под стражу увезли в неизвестном направлении. С тех пор об Елиферии Литвинове никто не слышал. На протяжении многих лет родные пытались что-то узнать о его судьбе, но всё тщетно! Был человек, и нет его. Осталась только светлая память о нём.

Теперь во главе семьи Литвиновых встала Александра Михайловна. Незавидна доля женщины, у которой власти отняли мужа! Старалась она выжить, выбивалась из последних сил. Когда-то справное хозяйство их было разорено. Лишённая мужниной опоры, она выживала с трудом. Александра Михайловна, спасаясь от возможных преследований, перебралась в село Яшкино, снимала угол в чужих домах, растила дочку. Духовную поддержку Александре оказывали старики Литвиновы, Ефим Иванович и Екатерина Романовна, которые и в те страшные годы хранили древние православные традиции без брака и искажений и неустанно молились Богу о своих детях и внуках.

В жернова репрессий угодила и семья матери Александры, бабушки Нины, Моремьяны Иларионовны. Она была замужем за вдовцом из села Коларово, Лариным Иваном Владимировичем. Он был из зажиточных крепких крестьян - казаков. Иван Владимирович отличался физической силой,

твёрдостью духа и красивой наружностью. От первого брака осталось у него трое детей. В лихие годы он угодил в список кулаков, был лишён имущества и сослан с женой Моремьяной на север Томской области.

Но могли ли люди с кержацкой и казачьей закваской пасовать перед трудностями? И вот на что решились они. Серьёзно обдумав всё, муж и жена вознамерились бежать из ссылки по реке Обь на лодке! Было это после схода льда. Каких усилий это стоило, знают только они. Но путь, полный опасностей, был с Божьей помощью преодолён. Беглецы добрались до Томска, воссоединились с детьми, правдами-неправдами выхлопотав себе новые документы, затерялись в городских трущобах.

Все эти семейные истории не стираются из памяти ныне живущей представительницы староверческого рода Литвиновых, Нины Елиферьевны. Мама её, Александра Михайловна, светлая ей память, сумела вырастить дочку, поднять её на ноги, дать благочестивое воспитание. С молоком матери Нина впитала благоговейную любовь к православным иконам, искреннее отношение к молитвенному состоянию, церковному богослужению и боговдохновенному Писанию.

Нина Елиферьевна – искренний и сердобольный человек, от неё исходит душевное тепло, на всех она смотрит умным приветливым взглядом. Находясь всегда в состоянии христианской любви и имея чистое сердце, Нина делится с ближними всем, чем может: добрым словом, полезным советом, своевременным утешением, нужным делом. Спешит она делиться всем, что имеет. Никогда её не покидает чувство благодарности Спасителю и страх Господень. Раба Божья Нина настолько воспитана своими предками в благости, что время не стёрло в ней явных и ярких крупинок старообрядческого образа жизни. Низкий земной поклон Нине, одной из славных жительниц нашего старинного города!

Да, Нина Елиферьевна всю свою жизнь прожила в Томске. Получила высшее образование, стала экономистом. Вышла замуж. Вместе с мужем вырастила четверых сыновей и дочь. Все они стали достойными людьми. Теперь уже и внуки радуют Нину.

Иоан Чечнёв, путешествующий по реке Обь

Елиферий Егоров,
правнук
расстрелянного
Елиферия Ефимовича

Особенно согрел душу своей бабушки старший внук, названный в честь безвременно канувшего в лихолетье деда. Елиферий и его друг, сын сельского священника, Иоанн Чечнёв, решились на поступок, достойный всякого уважения. Они отправились в паломническую поездку по местам ссылки своих предков и предполагаемой гибели славного деда Елиферия Ефимовича. Это поездка стала символическим поклоном староверческому роду Литвиновых и всем репрессированным сибирякам. Началом маршрута был Томск, а конечной точкой его стал город Ханты-Мансийск. В рискованный путь молодых парней благословил священник Михаил Фаст, автор книги «Нарымская голгофа». В трудном путешествии парней сопровождала икона новомученицы Татьяны Томской (Гримблит), которая была расстреляна в 1937 году за помощь заключённым священнослужителям.

Ребята отправились в опасный путь по реке Обь в лёгких вёсельных лодочках-байдарках, по размеру равных чалдонским обласкам. Мне, родившемуся в тех суровых краях, доподлинно известно, какие опасности могли подстергать их, впервые в жизни оказавшихся на таких мощных просторах сибирской реки. Ведь путешествие длилось много дней. Отважные парни!

По ходу движения судёнышек ребята делали остановки в редких населённых пунктах, где их встречали местные жители. Каково же было удивление обитателей прибрежных обских селений, когда они узнавали цель путешествия ребят! Люди с радостью и уважением принимали паломников, угощали горячей пищей, пускали на ночлег, снабжали продуктами в дорогу, давали полезные советы. Сибиряки остались теми же добросердечными и гостеприимными людьми, какими они были многие столетия назад.

Паломничество вдоль берегов Оби закончилось успешно. Ребята справились со своей миссией. Какую духовную значимость имело это путешествие – не нам судить. Но души славных предков их возрадовались на небесах! Вот так проявился кержацкий характер: тут и смелость, и стойкость, и надёжность, и упорство, и целеустремлённость! Эти парни пронесли поклонный крест над сибирской тайгой, над могучей рекой в память обо всех своих славных отважных предках. Какая сила духа! Достоянная растёт смена! Спасибо вам, ребята! Низкий поклон вам до самой земли!

Нина Елиферьевна Литвинова со своим мужем

Три с половиной века отделяют нас от того времени, когда старообрядцы совершили свой долгий многострадальный исход. Сделали они это, чтобы

сохранить чистоту веры православной, сохранить культуру, основанную на этой вере, сохранить чистые неузвлённые свои души. Такой они выбрали себе крест. Это не тот крест, который однажды с любовью надели они в Божьем доме и бережно носили на тесёмочке. Добровольно выбрали кержаки большой, тяжелейший духовный крест, взвалили его на себя и пронесли через всю жизнь. Нелёгкая это ноша – кержацкий крест! Сколько сил, пота и крови она потребовала! Этот духовный крест не снять, не сбросить, не стряхнуть с плеча! Непосильный, суровый кержацкий крест! Крест этот – их готовность и способность к подвигу за свою веру. Тяжесть этого креста была усугублена резкими поворотами в российской истории. Повороты эти можно сравнить с тем, как среди спокойных водных струй могучей сибирской реки Обь вдруг образуются смертельно опасные воронки - водовороты. Не дай, Господи, неподготовленному человеку угодить в смертельную пучину! Трагедия неминуема! Такими опасными историческими «водоворотами» для староверов России оказались два трагических события: церковный раскол XVII века и революция 1917 года.

Икона

Часто бывал я в одном из томских храмов. Приходил помолиться, помолчать в доме Божиим. Всякий раз, с почтением обходя иконы, останавливался около них, шептал слова благодарения или просьбы. Подходил я к одной из них и не знал, кому молюсь. Только поражала меня эта икона очень. Видно было, что она старинная, не в наши годы написанная. На ней был изображён святой угодник, добрыми глазами с душевной теплотой смотрящий на меня. Но вдоль всей иконы этого святого тянулась тёмная полоса, почти совсем чёрная. Правый край старой доски тоже был чем-то повреждён. Но лик, особенно глаза, можно было рассмотреть хорошо. Со своими вопросами обратился я к местному батюшке. Очень мне хотелось узнать об угоднике Божиим со старинной иконы.

Молодой священник ответил мне:

– Так это святитель и чудотворец, епископ Иннокентий Иркутский. А у иконы этой судьба необычная. К нам в церковь её принесла наша прихожанка. Она рассказала, что хотела бы передать нашему храму икону по просьбе недавно умершей бабушки.

– Видимо, икона очень старая? Вся почерневшая.

– Да. Древняя. Но почернела она не от времени, а от огня. Икона попала в костёр.

– В костёр? Почему? Как это произошло, Вы знаете, батюшка?

– Женщина объяснила, почему икона в таком виде. В годы гонений на церковь, в начале двадцатых годов прошлого столетия, большевики часто расправлялись со святынями, сжигая их. Вот и эта икона попала в костёр.

В церковном дворе красноармейцы побросали в кучу всё, что вынесли из храма, разожгли огонь и следили за тем,

чтобы никто из местных жителей не подходил к костру. Огонь беспощадно пожирал святыни. Не дожидаясь, пока пламя утихнет, варвары в кожанках убралась восвояси с чувством выполненного революционного долга.

Они не заметили, что в кустах неподалёку, не шелохнувшись, всё это время сидела девочка лет десяти. Как только военные скрылись из виду, девчонка бросилась к пепелищу. Разгребая золу валявшейся неподалёку палкой, она пыталась добраться до самых нижних икон, которые ещё не успел тронуть огонь. Девочка потянула за край старинную доску и выхватила её из костровища. Рядом уже копошились сердобольные женщины, отыскивая среди пепла то, что не успело сгореть.

Девочка, оглядываясь по сторонам, не обращая внимания на свои обожжённые пальцы, крепко прижала к груди горячую доску и бросилась со всех ног домой. На пороге её встретила мать. Увидев в руках перепачканной сажей дочки большую икону, она захохала-запричитала, поняв, откуда та примчалась, схватила находку, обернула её чистой простынёй и спрятала в укромное место. Уже позже, когда всё утихомирилось, мама с девочкой рассмотрели то, что было спасено. Это была икона святого Иннокентия Иркутского, святителя и чудотворца.

Не один десяток лет находилось в семье девочки бережно оберегаемое от посторонних глаз святое изображение. Как сумели хозяева сохранить икону, только им да Господу известно. Ведь в те времена за такое наказывали сурово! Но теперь эта икона в нашем храме. Вот такая история!

Закончил рассказ батюшка и занялся своими делами, а я долго сидел на лавочке рядом с повреждённой огнём святыней и молчал, находясь под впечатлением от услышанного. Хотелось помолиться святителю Иннокентию и помянуть добрым словом незнакомую

отважную девчонку, которая рискуя своей жизнью, спасла для нас то, что обезумевшие взрослые безжалостно хотели уничтожить. Уничтожить, чтобы никто не знал и не помнил ничего из славного прошлого нашей страны. «Мы наш, мы новый мир построим!» – горделиво утверждали они. Построили...

Сибирский подвижник

Щедра и богата наша сибирская земля. Необъятны её просторы. Но главное её богатство – это славные люди, оставившие неизгладимый след в памяти потомков. Душой чистые, как первый снег, они сделали всё возможное, чтобы данные Богом богатства Сибири, минуя века, служили простому народу и великой России.

Одним из таких радетелей о земле Сибирской был схимонах Иннокентий (Сибиряков), почитаемый как подвижник, всю свою жизнь занимавшийся благотворительностью. Многому можно было бы поучиться нашим современникам у этого замечательного человека. Жаль, что о славном сибиряке знают немногие. Мне бы очень хотелось исправить такое положение. Сведения о жизни Иннокентия Михайловича есть в свободном доступе в интернете, некоторые моменты в моём повествовании позаимствованы отсюда. Меня восхищает его славная жизнь, надеюсь, что и вас строки о нём не оставят равнодушными. Вот некоторые выдержки из описания жизни и служения этого славного человека.

Родился Иннокентий Михайлович Сибиряков в Иркутске во второй половине XIX века. Отец его – купец Михаил Александрович Сибиряков. Мать, Варвара Константиновна, была также из купеческой семьи. Род Сибиряковых был известен с начала XVIII века. Основателем его был Афанасий Сибиряков, крестьянин Архангельской губернии. Его потомок, Михаил Сибиряков, стал золотопромышленником, основателем города Бодайбо. Славился Михаил Александрович своей благотворительностью: средства, полученные от золотодобычи, он щедро раздавал нуждающимся, строил по всей округе православные храмы, помогал монастырям.

На примере любви к ближнему воспитывались дети купца Сибирякова. Иннокентий был пятым ребенком в семье. Мальчику дали имя в честь первого епископа Иркутского, святителя и чудотворца, особую духовную связь с которым он ощущал на протяжении всей своей жизни.

Рано ушли из жизни родители мальчика. Отец завещал своим чадам большое золотопромышленное хозяйство. При вступлении в юношеский возраст Иннокентий Михайлович Сибиряков получил огромное состояние.

Иннокентий переехал в Петербург и учился здесь в гимназии. Уже тогда, будучи ещё в совсем юном возрасте, он продолжил традиции своего отца. Узнав, что учебное заведение могут закрыть из-за финансовых трудностей, Иннокентий принял решение выкупить гимназию на собственные средства. Так на доброе дело была употреблена часть наследства, которое Иннокентий принимал не иначе, как Божие благословение.

Позже молодой человек поступил в Санкт-Петербургский университет. Но из-за тяжелой болезни он был вынужден часто прерывать учебу и уезжать для восстановления здоровья на юг, где жил его брат. Во время учебы Иннокентий имел на попечении около 70 стипендиатов, которым помогал прочно стать на ноги и после учебы.

Самому Иннокентию требовалось восполнить пропущенные по болезни занятия, и он обратился за помощью к профессорам университета. Ответом их студент был обескуражен: за частные курсы они потребовали немислимые гонорары! Имея огромное состояние, молодой человек без труда мог бы выплатить объявленную сумму, но его остановило безудержное желание преподавателей поживиться на его несчастье.

Поддержал Иннокентия Сибирякова профессор Лесгафт, основатель научной системы физического воспитания, выдающийся физиолог и анатом. Иннокентий окончил его домашний курс и пожертвовал Петру Францевичу 2000 рублей и свой дом в Петербурге для устройства «Биологической лаборатории», где впоследствии расположился институт физкультуры.

Много занимаясь самообразованием, имея превосходную по тем временам библиотеку, Иннокентий Михайлович накопил знания, позволившие современникам называть его просвещенным благотворителем.

Иннокентий Михайлович, будучи богатым коммерсантом, жертвовал средства на поддержку научных и культурных проектов. Так, по его предложению была организована Якутская этнографическая экспедиция, которая вошла в историю как «Сибиряковская», были профинансированы путешествия Г.Н. Потанина и других учёных. Занимался меценат Сибиряков открытием музеев, школ и библиотек в сибирских городах. Так в Томске он поспособствовал открытию университета, им создано «Общество попечения о начальном образовании», открыта первая в России бесплатная народная городская библиотека и Музей прикладных знаний.

Не забывал Сибиряков и о приисковых рабочих. Он назначил пособие тем, кто нуждался или получил увечья на работе. Но особое место в его благотворительной деятельности занимала забота о духовной жизни сибиряков. На всех приисках строились благолепно украшенные храмы, открывались церковно-приходские школы, бесплатные библиотеки.

Невозможно сосчитать, сколько пожертвований было передано Иннокентием Михайловичем на строительство и содержание храмов по всей Сибири. Полного списка этих пожертвований пока не существует и,

вряд ли когда-то он будет существовать, так как благотворитель любил творить милостыню в тайне. Многие новые церкви были построены им в честь святителя Иннокентия Иркутского, небесного покровителя золотопромышленника Сибирякова.

Нередко у современников благотворительность Иннокентия Михайловича вызывала недоумение, иные считали его поступки неадекватными. Вспоминается такой случай. Войдя в одну из церквей Петербурга, Иннокентий Михайлович положил перед певчей монахиней серебряный рубль. Обычно ей подавали мелкие монеты, а тут – целый рубль! Монахиня была поражена. Бросилась она на колени и стала горячо молиться. Господин, одаривший её, был тоже удивлён. Он спросил адрес обители и на следующий день явился на подворье, вручив матушке деньги. Сумма была огромная: 147000 рублей! Монахиня пришла в ужас и, заподозрив неладное, обратилась в полицию. После разбирательств выяснилось, что господин Сибиряков действовал в состоянии полного разума и подтвердил своё намерение финансово поддержать бедную женскую обитель. Эти пожертвования продолжались много лет. Ведь с самого детства Иннокентий Михайлович, наученный семейным примером, крепко усвоил христианскую науку: истинная благотворительность должна обнимать всех и каждого.

Благие дела его не пропали даром. Господь все видел и сохранил многое из того, чему посвятил свою жизнь славный сибирский подвижник. Плоды его духовного труда не разрушили ни революции, ни войны, ни другие беды, а продолжают служить нашему народу, нашей стране.

Великодушие и сердечность благотворителя не могли не сказаться на духовных запросах Иннокентия Сибирякова. Убедиться в правильности своих действий ему помогла поездка за границу. Из Европы он вернулся

полный грусти и разочарования. Эта поездка показала ему всю суету и бездуховность западного цивилизованного мира, он увидел основную цель Запада – безудержную погоню за наживой. Понял, что все достижения науки и прогресса служат этой цели. «Как жадно все человечество в своем стремлении к богатству, – писал он. – Но что оно нам приносит? Вот я — миллионер, мое счастье должно быть вполне закончено. Но счастлив ли я? Нет. Все мое богатство в сравнении с тем, чего жаждет душа моя, есть ничто, пыль, прах... А между тем все человечество стремится именно к достижению богатства».

Он всерьез задумался о дальнейшей своей жизни. Везде он видел страдания людей, муки человеческие и суету мирскую. И приходили мысли, что все эти страдания – приобретения человека, но не наследие Божие на земле. Царствие Божие есть внутри нас. Нужно жить по совести, духовно укрепляться.

В 1898 году Иннокентий отправился на Афон, там и был пострижен в монахи с именем Иоанн. А менее чем через год монах Иоанн (Сибиряков) принял постриг в великий ангельский чин – святую схиму – с именем Иннокентий в честь святителя Иркутского.

На Афоне славный сын России не прекратил благодетельствовать: он тайно вносил огромные средства на строительство храмов, больниц. Сегодня сбылись слова, сказанные об Иннокентии Сибирякове современником, что не исчезнет из памяти людей его любвеобильное сердце, что его широкая благотворительность послужит примером для жизни на благо обездоленных людей России и во имя её просвещения. Он был типичным образцом совестливого русского человека, не умеющего безмятежно радоваться и веселиться на пиру жизни, когда рядом с ним бедствовали сотни тысяч людей. Совесть его побудила сделать то, на что не решился евангельский богатый юноша, не рискнувший

раздать своё имение и отдаться исканию правды в Боге.

Схимонах Иннокентий (Сибиряков) прожил короткую, всего в 41 год, жизнь, но, как писали о нём его почитатели век назад, «цель всей его жизни заключалась в служении истине, добру, в стремлении к идеалу».

Сегодня есть чему поучиться богатым и бедным у этого великого необыкновенно светлого доброго сына России. Его горячее сердце Господь поставил высоко на вершину, чтобы разогнать мглу и чёрствость наших сердец, пробудить в них любовь и милосердие.

Большой колокол

В Томске немало исторических мест, дошедших до нас из далекой старины. Очень дороги они нам. До трепета души мы любим свой город, ставший для нас милым и родным. Уголки старого Томска: Заисток, Обруб, Пески, Воскресенская гора – хранятся незримо в нашей памяти и живут с нами.

Воскресенская гора... Когда-то давно из центра Российского царства пришли в сибирскую глухомань служивые люди, казаки, и в 1604 году построили здесь Томский острог. Наделенные отчаянным характером, трудолюбием и пытливым умом казаки, основатели Томска, видели далеко вперед, на века. В 1622 году на этом несказанно красивом месте, на крутой горе, возвели они деревянную церковь, «дом молитвы Отца Моего, Бога нашего» по словам Иисуса Христа.

Всякий проезжающий по извозу или проходящий мимо путник, издалека завидев маковки православной церкви, отогревался сердцем, касался своими невидимыми душевными и духовными нитями этого намоленного места. Долго и славно служила деревянная церковь русскому люду. Но из-за ветхости своей и частых пожаров пришла она в негодность. В 1789 года вместо деревянной церкви был заложен и впоследствии выстроен каменный храм во имя Воскресения Господня.

А с древним зданием церкви православные поступили так: с почтением разобрали старые бревна и вывезли их на берег Томи. Там, соблюдая все меры предосторожности, степенно сожгли их, а золу, направляя по ветру, развеяли над водой. Всё это совершалось согласно традиции, установившейся с незапамятных времён.

В 1803 года был освящен нижний предел храма, а в 1807 – верхний. Строили двухэтажную церковь талантливые сибирские мастера: Егор Домоневский и Пётр Баранов. Церковь имела сложные межэтажные перекрытия, красивые детали внутреннего и внешнего убранства. Строгие и одновременно живописные элементы церкви, постепенно уменьшающиеся в размерах, по всему периметру украшали фасад здания, делая его величественным и будто парящим над городом.

В какой бы точке старого Томска ни оказывался человек, он повсюду видел блеск позолоты царственной Воскресенской церкви. На таком благословенном месте построили наши предки каменный храм.

В конце XIX века, в 1891 году, в Томске был проездом цесаревич Николай Александрович, будущий император России Николай II, путешествовавший по Дальнему Востоку и Сибири. С большой торжественностью и почтением он был принят народом и элитой города.

Во время визита Николая Александровича произошла встреча, имеющая огромное значение для нашего города и Воскресенской церкви. Будущего царя познакомили с Андреем Афанасьевичем Васильевым, томским предпринимателем, известным благотворителем, принадлежавшим к знатной купеческой династии.

Волею судьбы Андрей Афанасьевич был включён в состав томской делегации, которая присутствовала на коронации императора Российского Николая II и императрицы Александры Фёдоровны. Он был потрясён этим торжественным событием, патриотические чувства переполняли молодого человека! Андрей Афанасьевич дал обет украсить каменный храм на Воскресенской горе большим колоколом, посвящённым коронованию российского царя. Андрей Афанасьевич был настойчив в своём стремлении запечатлеть на века объединяющую и

могучую силу веры, царя и Отечества. В этом благородном деле Андрей был полностью поддержан и благословлён своим родителем, Афанасием Ивановичем.

Князь Васильев Афанасий Иванович (слева)
и его друзья княжеского рода

Древо Жизни.
Семейный герб
княжеского
рода
Васильевых

Васильев Леонид Григорьевич (слева),
внук Афанасия Ивановича,
Настоятель храма Воскресения Господня
отец Дионисий (в центре)

Храм Воскресения Господня

Звонница

Хочется несколько слов сказать об этой славной семье. Династия, к которой принадлежал Андрей Афанасьевич, была одной из многих в России, имела древние корни. По преданию, передаваемому из поколения в поколение, предок Васильвых был отмечен графским титулом за воинские заслуги ещё царём Петром I. Афанасий Иванович, принадлежавший к аристократическому сословию, по причине какой-то неурядицы был перемещён с Урала в Томскую губернию. Два его товарища, влиятельные и родовитые люди, помогли Афанасию Ивановичу перебраться на постоянное место жительства в Томск. Недалеко от Белого озера, на улице Пушкина, им был приобретен большой двухэтажный дом.

При власти Советов дом Васильевых был экспроприрован, а большой семье бывших хозяев была выделена пристройка. Теперь в их семейном гнезде расположился Дом пионеров.

А семья Афанасия Ивановича, действительно, была не маленькая. Овдовевший после первого брака, он в одиночку воспитывал сына Андрея. Когда мальчику исполнилось пять лет, Афанасий Иванович женился во второй раз. Женой его стала Марфа Ивановна, представительница старинного графского рода. Вторая жена Афанасия Ивановича была моложе его на пятнадцать лет. Была она достойна всякого уважения: глубоко порядочная, с хорошими манерами, большим послушанием, воспитанная в традициях старой веры. Марфа Ивановна слыла человеком совести и большого трудолюбия, была хранительницей старых добрых обычаев. У четы Васильевых родились семеро сыновей и одна дочь. Дети в семье Васильевых росли физически здоровыми, добрыми, совестливыми и уважительными к людям. Последний их сын, Яков, родился в 1928 году. Спустя год ушёл из жизни Афанасий Иванович, оставив многочисленное семейство на попечение Марфе Ивановне, своей супруге.

Шестеро старших её сыновей ушли на Великую Отечественную войну. Четверо полегли на полях сражений. Пятый сын, Николай с незалеченным тяжелым ранением пришел домой. Смог прожить только три месяца. На руках многострадальной матери отошёл к Господу. Вечная, незабвенная память от нас живущих и молящихся о них.

Шестой сын, Григорий Афанасьевич вернулся с войны с пережитыми душевными скорбями, моральной тяжестью и с орденами во всю грудь. Надолго сохранились в его сердце страшные бои и потери.

На всю жизнь запомнил Григорий морозное утро рано начавшейся зимы 1942 года, когда их, молодых сибиряков провожали на фронт от здания городского военкомата на Каменном мосту. Новобранцы по команде построились и начали шествие строевым шагом. И тут на их глазах произошло чудо! Вдруг отверзлись небеса и через морозную синеву в ясном небе, прямо над ними, всплыл образ Божьей Матери! Молодые парни, только что призванные на войну, шли строем, замедляя шаг. Они неотрывно смотрели ввысь, запрокинув головы так, что порой с них падали шапки. Оттуда, из своих небесных горниц, провожала Пресвятая Богородица их на сражения. Там, высоко в небе, над их городом, над Воскресенской церковью, над их домами, над ними, стоял Её дорогой образ. Каждый боец слышал слова: «Поспешайте, поспешайте, сибиряки! Сыны земли Русской, вы нужны великим битвам!» Воодушевленные незабываемым видением, зашагали воины к железнодорожному вокзалу «Томск-2». Совсем скоро они оказались на полях кровавого Сталинградского сражения. Уберегла Матерь Божия в этой и последующих битвах Григория Васильева.

Марфа Ивановна, мать его, пережила много горестных дней: бедствия и гонения, гибель пятерых сыновей, смерть мужа. Вздыхая о прошлом, понимала

мудрая женщина, что семья её прожила по евангельским заповедям: и капитал свой отдала на благое дело, и дети отдали свои жизни за Отечество. Весь род Васильевых славно послужил Родине. Но главное их дело – большой колокол Воскресенской церкви – помнится до сего дня и останется в веках.

Андрей Афанасьевич Васильев, вернувшись в 1896 году из Москвы, где проходили празднества по случаю коронации царя Николая II, после согласований с семьёй решительно взялся за дело. Будучи владельцем крупного капитала, томский купец продал имеющееся имущество, в том числе, городское похоронное бюро, приносившее ему немалый доход, и отправился в Ярославль. Там на заводе купцов Оловянишниковых Андрей Афанасьевич сделал заказ на изготовление колокола необычайных размеров.

В 1897 году заказ был выполнен. Колокол был выкован из медного металла. По окружности он был украшен рельефами с изображением евангелистов. По размерам своим томский колокол был огромным. Он весил почти 17 тонн! Этот колокол был третьим в Сибири по своей массе, лишь немного уступая колоколам Тобольска и Иркутска. В диаметре великан достигал 4-х метров. «Язык» его весил 560 килограммов. На отливку гигантского колокола меценат Андрей Васильев потратил целое состояние – 18000 рублей.

В Томск из Ярославля колокол доставили по железной дороге. Транспортировка его обошлась в 8000 рублей.

Удивительно то, что изготовлен большой колокол для Томска был в крайне сжатые для такой трудоёмкой работы сроки. И доставка его по железной дороге из Ярославля была оплачена по льготному тарифу. Вся работа осуществлялась без задержек и бюрократической волокиты. Всё это наводит на мысль, что подобное благое дело свершилось так быстро не без пристального внимания

царя Николая II. Тогда возникает вопрос, какими духовными нитями были связаны российский государь и томский меценат Васильев? Надеюсь, когда-нибудь мы это узнаем.

А что же было дальше в истории с томским колоколом? По прибытии в Томск медный исполин был водружён на огромные сани, запряжённые 45-ю лошадьми. От станции «Томск-1» организаторы решили направить караван самым длинным маршрутом: сначала по улице Бульварной (в настоящее время – проспект Кирова), затем свернуть на улицу Миллионную (проспект Ленина) и подняться по Кузнечному взвозу к Воскресенской горе. Выбор такого маршрута имел особый духовный смысл для православного люда: продвижением этого богоугодного подарка были охвачены самые протяжённые улицы города, и все жители могли увидеть чудо-колокол собственными глазами.

Передвижение торжественного каравана по улицам Томска проходило очень медленно: к концу первого дня пути удалось продвинуться на 30 сажений, это приблизительно 65 метров. Вокруг саней с колоколом-великаном толпились горожане, удивлялись, радовались, помогали советами. Мужики-добровольцы возвели специальные вспомогательные сооружения из толстых лесин. Они помогали передвижению бесценного груза по городским улицам. Так, как и всегда, в трудных случаях на подмогу пришла мужицкая смекалка.

19 декабря 1897 года гигантский колокол водрузили на отдельно стоящую, специально выстроенную для него звонницу. Вскоре состоялось торжественное богослужение. Жители города нескончаемой рекой стекались к Воскресенской церкви. Все верующие, не вмещавшиеся в церковную ограду, были проникнуты духом невиданного торжества.

Протоиерей Добротворский, настоятель Воскресенского храма, отслужив молебен, произнес искреннюю проникновенную проповедь, которая произвела на собравшихся прихожан незабываемое впечатление. Он говорил о любви Божьей, о Божией милости к людям, о благотворительности неравнодушных людей и о милосердии.

Священник, воспользовавшись большим стечением народа, призвал всех присутствующих позаботиться о сиротах, проживающих в городском приюте. В толпу народа направился мальчик с кружкой в сопровождении дьякона. В кружку посыпались серебряные рубли, медные пятаки, мелочь. Безучастных не было.

Но все с нетерпением ждали, когда же зазвонят в новый томский колокол. И вот, наконец, раскачиваемый 10-ю мужчинами колокольный «язык» ударился о медные стенки гиганта. Раздался необычайно торжественный могучий голос колокола! Низкий басовитый, мощный звук его накрыл весь губернский Томск. Густой и добрый плыл он в воздушном пространстве, дойдя до каждого уголка города, окутывая каждый дом, каждого человека, касаясь каждой души.

По лицам людей, находившихся на молебне у Воскресенской церкви, текли слезы. Это были слёзы духовного очищения, умиления и радости. Это были мгновения присутствия Божией благодати.

А колокол все пел и пел своим басом, гудел над всей округой, призывая присоединиться к торжеству далёкие многокилометровые обозы, медленнодвигающиеся по морозному сибирскому тракту. Звук могучего колокола был слышен даже в селе Самуськи, находящегося в 40-а километрах от центра города. Все окрестные деревеньки разделили с городом небывалое торжество, связанное с появлением в нём такого чуда.

Со временем жители Томска стали любовно называть его «наш Царь-Колокол». Конечно же, он стал главным набатом в городе. В те времена благодать и сила Божья жила и действовала во всех живых душах и в творениях рук человеческих. Мастера с молитвой добывали из недр земли нужные руды, после молебнов отливали из них добротный металл. Колокола, как творения благословенных людей, рождались и служили всему народу православному, приносили ему необъяснимую духовную радость. Во многих городах: в Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске – были водружены колокола, необычные по массе своей и величине. Жители Сибири колокольными звонами своих церквей общались с Всевышним. Роня слезы на грудь, скажу, что нам, людям сего века, не повторить благословенное звучание тех могучих колоколов.

А томский меценат, Васильев Андрей Афанасьевич, продолжил свою благотворительную деятельность: он выделил 1800 рублей на нужды Воскресенского храма, куда к 1912 году были приписаны 1200 прихожан. Позаботился он и о церковно-приходской школе, которую посещали впоследствии 88 учащихся. В церкви имелось библиотека духовно-православной литературы, насчитывающая 92 тома. Василий Андреевич выделил для поддержания порядка на церковном кладбище 3000 рублей. Но, не прожив и года после появления большого колокола на Томской земле, в ноябре 1898 года благодетель ушёл из жизни. Он был похоронен в ограде Воскресенской церкви.

С приходом новой власти церковь эта, как и другие томские храмы, была закрыта. Службы то возобновлялись, то надолго прерывались. Так продолжалось несколько лет. Попытки разрушения церкви предпринимались много раз.

В 1922 году большая группа смутьянов приступила к очередному разгрому Воскресенской церкви. «Смельчаки» привязали очень крепкий канат за самый большой крест на макушке церкви и попытались стянуть его. Крест устоял, ведь не знали варвары, что древние мастера строили храмы на века, добротнo и надёжно: они замуровали крепежи креста в стены здания. Для того чтобы вырвать крест, нужно было бы разрушить все стены храма. Этого не случилось по воле Божьей. Только крест с тех пор имеет некоторый наклон. Крест выдержал. А вот разрушителям храма не повезло. Внезапно вспыхнувшая молния разрежала толстенный канат, как нитку, на две части. Один из участников этого коварного дела упал с большой высоты вниз. По Божьей милости он остался жив.

Зимой 1930 года, когда в Воскресенской церкви шло богослужение, бесчинствующая толпа в очередной раз совершила набег на святое место. Теперь они взялись за разгром каменной звонницы. Могучий колокол с огромными усилиями был сброшен ими с колокольни. Удар его о землю был настолько велик, что потрескались стекла в окнах близлежащих домов.

Верующие люди выбежали из церкви, окружили разъярённых безбожников, препятствуя их попыткам разбить томский царь-колокол на куски. Бросились прихожане к упавшему колоколу, прикладывались губами к святыне. На крепком сибирском морозе губы их прилипали к металлу. Верующих силой отгаскивали от колокола. Любимый великан был обильно окроплён человеческой кровью. Но вооружённым исполнителям бесчинства всё же удалось разбить гигантский колокол на куски, вывезти их с территории церкви и переплавить на металл. Так в неравной борьбе пал томский царь-колокол.

Воскресенский храм богоборческими властями был закрыт и в течение многих лет использовался для разных хозяйственных нужд города: здесь было общежитие для рабочих, склад для зерна. Позже в помещении Воскресенской церкви расположился архив Дальнего Востока и часть архива города Томска.

Прошли годы. Здание бывшей церкви было отнесено к объектам культурного наследия, охраняемым государством. Много испытаний перенесла Воскресенская церковь. На смену смутному греховному времени пришла новейшая история. В 90-ые годы XX столетия храм был передан православным. С тех пор многое сделано настоятелями и прихожанами церкви, но ещё больше предстоит решить. Уповаем на Божий Промысел.

Подшло 400-летие города Томска. Задумались неравнодушные горожане, как восстановить большой колокол на Воскресенской горе. Нашлись добрые люди, уроженцы нашего города, проживающие ныне в столице, которые выделили средства на изготовление нового колокола для Воскресенской церкви. Благословением митрополита Томского и Асиновского, Владыки Ростислава, дело было одобрено. Вскоре в Томск привезли колокол, правда, намного меньший по размеру и весу, чем прежний. С большим старанием и благорасположением духа он был водружён на вновь выстроенную звонницу. Теперь у Воскресенской церкви есть большой колокол.

Людам, приходящим в эту церковь, прихожанам и многочисленным гостям города, хочется пожелать, чтобы они знали историю Воскресенской церкви, хранили память о наших благочестивых предках и славили в молитвах их и старинный славный город Томск.

Русская тройка

Русская тройка с уникальным звоном пробежала, пролетела, пронеслась по необъятным просторам России. Такое необычное явление могло родиться только в большой стране, населенной славным народом. Вышла она из недр русской души: мятежной, удалой, рвущейся вперёд за дальние дали. Русская тройка славой своей придала жизни славянского народа невиданный доселе импульс. Ещё до принятия древней Русью светлого крещения, как из волшебной сказки, возникло это чудо.

Устные языческие предания славян переплелись с дивным ветхозаветным сюжетом. Будто над древнерусскими просторами лихо промчался в своей чудо-колеснице вестник Божий, Илья-пророк, грозно прогремывав колёсами золочёной кареты и осветив серебряными молниями небо от края до края. Не пропал бесследно этот яркий образ из народного воображения, а переродился в небывало прекрасный и навечно запоминающийся символ матушки – Руси.

Только здесь, на русской земле, с её необозримой ширью и дивными красотами могло появиться такое чудо. Русская тройка стала отражением характера её славного народа: широкого душой, щедрого на доброту, стремящегося к новому, неизведанному.

Из одного конца России в другой лихо мчались русские тройки, управляемые удалыми ямщиками. Мчались по морозным российским дорогам тройки почтовые, курьерские, пассажирские. Под залиvistый звон колокольчиков везли они важные распоряжения императора, доклады столичных вельмож, сообщения с военных баталий, скорую почту, разных служивых и путешествующих людей. Пролетит мимо стремительная

птица-тройка и оставит после себя только взбитый снег, а затихающий вдали перезвон бубенчиков вызовет непонятное волнение в каждой душе. Недаром в народе рождались песни, посвящённые этому самобытному русскому чуду:

Тройка мчится, тройка скачет,
Бьётся пыль из-под копыт.
Колокольчик то заплачет,
То хохочет, то звенит...

Не могла не вызвать восторга такая картина: по белой заснеженной дороге мчится упряжка дивных лошадей, запряженных в нарядную кошеву. Невольно залюбуется всякий изящным изгибом боковых лёгких лошадей, дивной статью и силой могучего коренника. И расположением лошадей в упряжке, и скоростью своей русская тройка недаром сравнима с птицей.

Помните, у Н.В.Гоголя: «... Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чём; а привстал, да замахнулся, да затынул песню – кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. »

А составлялась русская тройка с особым изяществом. Не устроило русского человека ставить в упряжку лошадей друг за другом. Скучно это, серо! Ему, русскому мужику, надо было изобрести что-то необычное, с вывертом, с изюминкой! В любую повозку: будь то сани или телега, кибитка или тарантас, карета или кошева – запрягали трёх лошадей особым способом. В середине, под дугой с колокольцами, ставился рысак-коренник – конь мощный, заметно крупнее других, выносливый. Он обычно был вятской породы, с крепкими сильными ногами. Своим бегом, крупной размашистой рысью, коренник задавал темп упряжке. Рядом с коренным, справа и слева ставились две пристяжные – лёгкие лошади, пристёгнутые постромками, упряжью без дуг. Эти лошади неслись правильным размеренным галопом по направлению коренника, повернув головы в стороны и немного вниз, что облегчало движения животных. Такой разноаллюрный бег, сочетающий рысь и галоп, не мешал лошадям в упряжке, а придавал тройке скорость, лёгкость, схожей с полётом птицы. И лошади, приняв сказочно красивую позу, мчались вперёд, вызывая восхищение и восторг у людей.

Лошадей для каждой тройки подбирали тщательно. Их привозили из разных мест России. В благодатные для нашей страны времена, слава Богу, был богатый выбор лошадей: вятские, черкесские, орловские, сибирские. Особо ценились лошади орловской породы. Мало того, чтобы они были сильны, здоровы и выносливы. Нужно было, чтобы лошади подходили друг другу по масти: серые, гнедые, вороные, каурые, пегие. Какой выбор, какая красота! Пристяжные обязательно должны были быть одинаковой масти, а коренник отличаться от них, что нашло отражение в одном из русских романсов:

Ой, вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные, да Серый,
Черные, да Серый,
Черные, да Серый,
Да медвежий мех.

Да, медвежьим мехом выстлали кошеву для тепла и удобства. Сами кибитки, кошевы, сани были выполнены со вкусом и изяществом, отличались прочностью и красотой работы.

Украшали русскую тройку с особой любовью, мастерством. Сбруя на лошадях была приятная на взгляд, добротная. Сшита она была из мягкой кожи, убрана металлическими желтыми и белыми бляхами. Во многих местах упряжь русской тройки была украшена свисающими нежными кожаными кисточками.

Особое внимание обращала на себя дуга коренника. Её богато украшали резными замысловатыми узорами и золотой росписью. Золотая дуга русской тройки резко выделялась на фоне белоснежного поля, зелени леса, она ярко «горела» на солнце, что отметил в своём стихотворении «Выезд троечника» русский поэт Иван Никитин:

А дуга-то, дуга –
В золоте сияет...

На дуге часто можно было увидеть узоры из цветов, листьев, тонких стеблей. Яркие золотые или узорчатые дуги были заметны издали, предупреждая о появлении тройки. К тому же они радовали взор, приносили красоту и разнообразие в обыденную жизнь россиян.

Особую дань надо отдать русским колокольчикам, расположенным под дугой рысака. Именно, русским! Ведь таких понятий, как: «тройка», «рысак», «пристяжные», «дуга», «поддужный колокольчик» – не было ни у одного народа мира!

Поддужные колокольчики были слышны издалека, предупреждали о скором появлении стремительных лошадей, запряжённых в тройку. Значит, они были сигналом для проходящих людей, ведь требовательный звон колокольчиков был слышен за несколько вёрст.

С другой стороны, никто не мог оставаться равнодушным к их милому звону, поэтому-то русский народ сложил о колокольчиках столько песен, переживших сотни лет:

Под дугой колокольчик поёт,
Под дугою, да под вязовою...

Нежный голос русских бубенцов радовал слух тем, кто отправлялся в длительное путешествие: и ямщикам, и курьерам, и пассажирам. Они помогали путникам коротать время при переезде на дальние расстояния, настраивали на приятные думы.

Слышен звон бубенцов издалёка –
Это тройки весёлый разбег.
А кругом расстелился широко
Белым саваном искристый снег.

Многодневная поездка по нескончаемым российским далям казалась под неповторимый волшебный звон колокольчиков не столь утомительной.

Но ведь не только своей внешней красотой и милым звоном поражала воображение людей русская тройка.

Её выносливость, хорошая проходимость и высокая скорость побивала в своё время все мыслимые и немыслимые рекорды. Надо отметить, что бывалые ямщики могли развивать скорость передвижения по далеко не безупречным российским дорогам до 60-и километров в час! О лихих ямщиках слагали в народе легенды и песни. А строчка из романса: «Ямщик, не гони лошадей...» стала со временем крылатым выражением.

Иноземцы, испытав езду на русской тройке, единогласно утверждали, что нет более лихой и быстрой езды. В XIX веке, в самый расцвет езды на тройке, путь от Москвы до Петербурга занимал от 2-х до 3-х суток с остановками на постоянных дворах. Рассказывают такую историю-побасенку. Однажды императрица приказала предстать пред её ясные очи самому удалому ямщику:

– Сможешь ли ты, служивый, довезти иностранца до Москвы за 36 часов?

– Смогу, государыня! – ответил ямщик. – Но не знаю, довезу ли его душу...

Сверхбыстрая езда на лошадях являлась не баловством или привилегией богатых людей, а жизненной необходимостью. А русская тройка стала отражением необузданной лихости русского человека, олицетворением русской удали, широты русской неуёмной души.

Всю свою безудержность, залихватскую удаль проявлял русский человек в дни праздников. Особо, с размахом справляли на Руси свадьбы. И тут уж никогда не обходилось без русских троек! После родительского благословения перед святыми иконами и торжественного венчания в церкви под звон колоколов выходили молодые в окружении радостных родственников и усаживались в нарядную карету, запряженную самыми лучшими лошадьми. За тройкой молодожёнов следовала вереница других троек, в которые рассаживались друзья и

родственники жениха и невесты. Праздничный поезд срывался с места под радостные возгласы окружающих.

Вот промчались тройки звонко и крылато,
И дыхание весны шло от них...

Неукротимый праздничный восторженный дух переполнял седоков от быстрого бега разгорячённых лошадей. Неукротимые тройки несли молодых, как на крыльях, в счастливое будущее. Долго ещё за дальними околицами был слышен голосистый звон заливистых колокольчиков, широко и вольно гуляла пышная русская свадьба:

Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба
Пела и плясала,
И крылья эту свадьбу вдаль несли.
Широкой этой свадьбе было места мало
И неба было мало и земли...

Свадьбы, ярмарки, праздники не могли обходиться без любимицы народной – русской тройки. Умел русский народ встарь трудиться в полную силу, но и гулять, веселиться мог во всю мощь и широту своей неуёмной души.

Со временем русская тройка, вытесненная автомобилями и поездами, утратила свою практическую значимость. Стала она старинным красивым экспонатом, предметом национальной экзотики. Нарядная и разудалая, превратилась тройка в яркий элемент народных гуляний и фольклорных праздников. Сохранилась она и в волшебных сказках-фильмах Александра Роу: «Морозко», «Огонь, вода и медные трубы», «Варвара-краса, длинная коса», где ярко запечатлён её незабываемый образ. Нескольким

поколениям советских детей русская тройка стала знакома благодаря этим фильмам. Есть надежда, что и современным ребятам будут интересны старые сказки, вошедшие в фонд русской культуры. В наше время в России находятся равнодушные люди, энтузиасты, которые пытаются возродить и сохранить славу русской тройки, спасти её, как национальное достояние.

Была когда-то стремительная тройка гордостью земли русской. Удивление, восхищение и зависть вызывала она у иностранцев. Как и сама праведная Россия, которая многим иноземным странам на изумление становилась могучим богатым государством.

Что же происходит с нами сегодня? Почему мы ищем мнимого счастья за горами - за долами? Почему не находим в себе силы возродить былую славу нашей страны, а, как замороженные, оглядываемся на Запад? Может быть, мы стали меньше любить нашу Родину, перестали дорожить ёю? Не стоит ли заглянуть в прошлое, поучиться у предков наших, чтобы найти то, что всегда служило опорой России? Медленно, как медленно меняется наш народ! С трудом проклёвываются робкие ростки нашей самобытности и самосознания сквозь вязкий ил подражания всему заокеанскому!

Сможет ли дозвониться тревожный, едва слышимый колокольчик русской тройки до наших сердец? Разбудит ли эхо уходящих голосов нашу спящую совесть?

Содержание

Первая охота.....	5
Лукерья с берега Тыма.....	7
Езда верхом	21
Беглянка.....	24
Не вернуть потерянное	27
Бригадир рыбаков	30
Огород Клавдияна.....	36
Дети войны.....	40
Помощь пришла	44
Лебяжье озеро	52
Крутой исток	56
Югины.....	61
Медвежий мыс	80
Природа в беде	89
Отпуск солдата.....	94
Встреча с друзьями	100
На реке Чая.....	106
Дезертир	113
Варина любовь.....	119
Забавные истории.....	124
Рабочие моменты.....	130

Современная история.....	138
Отцы и дети	142
Путь христианки.....	149
Кержацкий крест.....	154
Икона.....	170
Сибирский подвижник.....	173
Большой колокол.....	179
Русская тройка.....	192

**Голещихин
Иван Константинович**

Эхо уходящих голосов

Дизайн обложки: И.В. Бобяков

Подписано в печать 11.04.2019 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага мелованная
Печать офсетная.
Печ. л.12,63; усл. печ. л.11,74; уч.-изд. л.7,98.
Тираж 280. Заказ № 1988

Издательство «Иван Фёдоров»
634026, г. Томск, ул. Розы Люксембург, 115/1
Тираж отпечатан в типографии «Иван Фёдоров»
634026, г. Томск, ул. Розы Люксембург, 115/1
тел.: (3822)78-80-80, тел./факс: (3822)78-30-80
E-mail: mail@if.tomsk.ru